

479465

ЕРГЕЙ МАРКОВ

ЛЮДИ
ВЕЛИКОЙ
ЩЕЛИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1944

СЕРГЕЙ МАРКОВ

ЛЮДИ
ВЕЛИКОЙ
ЩЕЛИ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1944

179265
395671

ВЕЛИКИЙ ОХОТНИК

(Н. М. Пржевальский)

В СМОЛЕНСКИХ ЛЕСАХ

В тридцатых годах прошлого века в захудалом дворянском сельце, Ельнинского уезда, Смоленской губернии, жил отставной пехотный офицер Михаил Кузьмич Пржевальский.

Послужной список его был несложен: происходил Пржевальский из дворян Тверской губернии, в 1821 году служил в Бородинском полку портупей-прапорщиком, участвовал в польской кампании; до поручика дослужился в 1834 году, когда был переведен в Невский морской полк.

Вскоре Михаил Пржевальский вышел в отставку и поселился на покое в смоленской глуши. Высокий, тощий, нескладный, он вечно был одолеваем всякими болезнями. Полуслепой из-за постоянного помутнения глаз, он харкал кровью, с ним случались припадки. Кроме всего этого, он где-то, может быть, в Полесьи, во время польской войны получил колтун. По этой причине Пржевальский все время носил на голове ермолку.

И надо же было случиться тому, что не так далеко от места уединения отставного пехотного офицера, на земле Смоленского уезда, в сельце Кимборово, Кимбор тож, жил отставной фельд'егерь, старый служака Алексей Каретников.

Вышел он из тульских крестьян, выслужился на доставке важных депеш самому Александру Первому, не раз побывал в Европе. У Алексея Каретникова была одна

страсть — к животным и птицам. У себя дома он держал целую стаю попугаев, выводок обезьян; птицы летали по комнатам.

Но не это тянуло Пржевальского в дом старого фельд'егеря: ельнинский отшельник влюбился в младшую дочь Каретникова, красавицу Елену.

Зимой и летом, трясясь на ухабах смоленских дорог, Пржевальский мчался в Кимбор. Притязания Пржевальского стали настолько явны, что старик Каретников отказал незадачливому жениху от дома. Но тот, несмотря на запрет, осаждал Каретниковых с такой настойчивостью, что бывший фельд'егерь выкинул белый флаг.

Торжествующий Пржевальский — в ермолке, в мундире без эполет — вступил в побежденное Кимборово. Фельд'егерь и офицер помирились и вместе слушали обученного русским песням любимого попугая Каретникова.

Молодые Пржевальские прожили в Кимборове недолго.

13 апреля 1839 года у них родился первенец, крепкий, здоровый парень, заглушивший своим криком бормотанье каретниковских попугаев. Его называли Николаем.

Сдавшись Пржевальскому, старый Каретников стал думать о том, как устроить жизнь дочери. У отставного морского пехотинца не было за душой почти ничего. Хозяин он был плохой, править домом Пржевальских должна была сама Елена Алексеевна — темноволосая, высокая, красивая и властная женщина. Фельд'егерь дал им участок в глухом лесу за Кимбором.

Когда Николаю Пржевальскому было три года, его суровый дед Каретников умер, завещав дочери тридцать пять крепостных душ. К тому времени на месте лесной хижины стоял уже новенький домик усадьбы Отрадное. Прикупив еще у родных часть отцовского наследства, Елена Пржевальская сама взялась за воспитание сына.

Кроме матери и отца, близкими людьми Николеньки были: дядя, Павел Каретников, быстро промотавший фельд'егерское наследство, страстный охотник, пьяница, грамотей и любитель природы, и ключница Макарьевна. На руках этой полновластной правительницы всего дома, грозы дворовых людей, рос Николай Пржевальский.

Макарьевна занимала в жизни великого путешественника огромное место. Это была толстая низенькая женщина, такая же крепостная крестьянка смоленских земель, как и остальные сто обитателей Отрадного. Разница была

лишь в том, что Ольга Макарьевна, как величали ее дворовые, была верной холопкой господ и всемогущим владыкой поместья. Она любила до самозабвения мальчика. Где-то в глубинах ее суровой души хранился неистощимый клад нежности, любви и заботы. Макарьевна баловала мальчика вяземскими пряниками и восковой антоновкой, а вечерами рассказывала ему старое предание об «Иване, Великом Охотнике». Но это не мешало иногда Макарьевне брать в короткие пухлые руки пук березовых розог и сечь ими своего баловня.

Вокруг Отрадного лежал дикий, загадочный мир лесов и болот. Что делал бы здесь Иван, Великий Охотник, в этих дебрях, где медведь ломит лапой сухой кустарник, где тяжелый глухарь ворочается на ели, голубоватой от утренней изморози, где дятел стучит клювом по деревянным воротам Отрадного? Об этом часто думал мальчик.

В комнате дяди, Павла Алексеевича, холодные ружейные стволы, птичьи чучела, пйщики, манкй, следы грязных собачьих лап, прохладные носы легавых псов, которые тычутся, ласкаясь, прямо в лицо мальчика. И тут же недопитый штоф, книги, старые календари, лежащие рядом с охотничьим арапником.

Эта комната — веселее всех. В ней не слышится надрывного кашля отца, расчесывающего свой колтун, мерного голоса Макарьевны, занятой подсчетом трубок холста, вытканного крепостными. В комнате дяди будущий Великий Охотник познал воображением первую неистовую любовь к природе, к жизни в лесу, к скитаньям по нескончаемым охотничьим тропам.

Мать сама начала учить сына грамоте, усадив его за букварь в день пророка Наума. «Пророк Наум, наставь на ум», — говорила в тот холодный зимний день Макарьевна.

Жизнь в Отрадном текла ровно и однообразно до 1846 года, когда умер Михаил Кузьмич, прожив на свете немногим больше сорока лет, оставив вдову с двумя детьми на руках.

С тех пор две суровые женщины — мать и Макарьевна — всецело занялись воспитанием ребенка. Он рос озорным, крепким, не боявшимся ни дождя, ни гроз, ни метелей. Он знал каждый уголок леса вокруг Отрадного, бродил в колючих кустах, спускался в овраги, охотясь за пестрым мотыльком, ящерицей, кузнечиком.

Его учили, кроме матери и дяди, сыновья сельских попов, приезжавшие на каникулы, но кутейники долго в Отрадном не заживались. Все же они приготовили Николая для поступления в смоленскую гимназию. В 1849 году мальчика увезли в город под присмотром дворового дядьки Игната.

В Смоленске Пржевальскому Николаю не раз приходилось ложиться под розги гимназических сторожей — он рос буйным и непокорным сорванцом. Уследить за ним не мог даже верный дядька Игнат, с которым молодой Пржевальский любил гулять по стенам Смоленского кремля. Это было отдыхом от гимназических занятий, но дядька Игнат каждый раз вслух молился богу, чтобы его питомец не свернул себе шеи, гоняясь за воробьями.

В гимназии Пржевальскому было скучно, и он рвался домой, в отраденские леса. Семейная хроника Пржевальских отметила такое событие. В 1851 году на каникулах Николай утащил у дяди старое ружье, сделал из него обреза, пошел в чащу к лисьим норам, выследил красавицу лисицу и уложил ее на месте метким выстрелом. Он ловил темных матерых щук, собирал ягоды и грибы и, если бы ему разрешили, без сомнения, поселился бы навсегда в лесу.

Коробейники, вместе с лентами и крестами, заносили в Отрадное лубочные книжонки. Из короба бродячего офени в руки Пржевальского перешла книга «Воин без страха». Он прочитал ее от корки до корки и спрятал между учебниками. Эта лубочная книжонка стала пособием беспокойной жизни мальчика, будущего Великого Охотника.

Елена Алексеевна вышла замуж во второй раз в то время, когда Николай уже говорил петушиным басом и жадно читал известия о Севастопольской войне. Отчим, Иван Толпыго, дружил с подростком, не мешая ему ни в чем.

Через год Пржевальский вышел из гимназии и ступил на охотничью тропу своей необыкновенной жизни. Она привела его от стен Смоленского кремля к Великой Китайской стене и сверкающим льдам Тибета.

МЕЧТЫ О БЕЛОМ НИЛЕ

Но вначале охотничья тропа вела Пржевальского отнюдь не к вершинам славы.

Осенью 1855 года все Отрадное было на ногах. Марьяевна причитала и молилась святым — покровителю воинов Георгию, старому Николе и Пантелеймону-целителю. Мать снимала со стены старый образ. Все плакали, собравшись в зале домика в Отрадном. Шестнадцатилетний воин-доброволец покинул отчий кров. Пржевальский отправлялся в свое первое путешествие: на защиту отечества.

В Москве, в казармах сводно-запасного Рязанского пехотного полка, Пржевальский определился на военную службу и через несколько дней уже месил густую походную грязь между Москвой и Калугой. Первые годы его военной службы прошли в маленьких городах.

Каждый свободный от военных занятий час Пржевальский уделял изучению местной природы и чтению книг. В Козлове им был составлен обширный гербарий местной флоры, за три года жизни в Белом он прочел не один десяток книг.

И если в Белеве юноша Пржевальский убегал в лес и там плакал о своей солдатской жизни, то уже в Белом он твердо решил, оставаясь военным, «выйти в люди». Мечта сделаться ученым не покидала его. Он решил использовать для этого все возможности.

Когда полк перевели в Кременец, что на Волыни, молодой офицер засел за книги. Товарищи смотрели на Пржевальского, как на чудака, когда он говорил им, что не кто иной, как он откроет истоки Белого Нила, исследует берега Амура и пр.

И вот, засунув рапорт за обшлаг пехотного мундира, прапорщик Пржевальский идет к начальству — проситься на амурскую службу. Но случилось так, что вместо Амура он попал на полковую гауптвахту, где и просидел несколько суток, изучая рисунок трещин на известковой стене и воюя с клопами.

Была ли, однако, необходимость обращаться к начальству? В самом деле, может ли начальник гарнизона города Кременца разрешить или не разрешить прапорщику Пржевальскому поход на Белый Нил? И кто вообще дает разрешение на подвиги? Нужно другое — добыть зна-

ния. И Пржевальский садится опять за науку, отказывая себе решительно во всем. Он целый год изучает военные премудрости, топографию, астрономию, сидит за книгами и схемами по пятнадцать часов в сутки, и товарищи издеваются над протертыми локтями на его мундире.

В 1861 году в коридорах Военной академии появился высокий молодой офицер. На его смуглом лице выделялись большие голубые глаза; он был черноволос, но правый висок его был украшен светлой, почти седой прядью. Офицер был сухощав, но широкие плечи и могучая грудь говорили об огромной силе.

Он не говорил никому о том, каких трудов стоило ему добраться до столицы. Пржевальский умолил какую-то свою знакомую дать ему займы сто семьдесят рублей с обязательством вернуть долг почти в двойном размере.

Желающих поступить в Военную академию было много. Пржевальского спасла его замечательная память, он блестяще выдержал экзамены и, счастливый, стал одолевать знания в чинной тишине Военной академии.

Обедал он в те времена не каждый день, карманы его были попрежнему пусты, и поэтому он держался в стороне от богатых товарищей, маменькиных сынков и гвардейских хлыщей. Он просиживал ночи напролет над трудами ботаников и зоологов и мечтал о далеком и опасном походе в Африку. Пржевальский хорошо изучил все, что относилось к Африке, он питал особое уважение к именам людей, открывавших Нижний Нигер, к героям Тимбукту и Сахары. Ему был понятен подвиг Калье, который два года бродил по африканским пустыням, был встречен Францией как национальный герой, но после почестей и славы предпочел жить как простой земледелец в хижине, обвитой лозами родины.

Когда Пржевальский бродил с охотничьим ружьем в кременецких горах, он еще мог мечтать о том, что именно он укажет человечеству место, откуда берет свое начало Белый Нил. Но в 1860 году место это было найдено — британцы доказали, что Белый Нил вытекает из озера Виктория Нианца. В Африке однако есть еще что открывать и исследовать! Например, вся нильская система еще никем не была подробно изучена. Пржевальский не падал духом.

Летом 1862 года слушатель Военной академии Пржевальский уехал на практику в Боровичский уезд, в новго-

родскую глушь. Он не знал, что попал на родину великого Миклухо-Маклая. В боровичских лесах Пржевальский занялся охотой и охотился с таким увлечением, что забросил с'емки и привез в академию неоконченный и грязный планшет. За это он чуть не вылетел из академии. Охотника за боровичскими утками спасла только блестящая сдача устных экзаменов по геодезии.

После всей этой истории Пржевальский взялся писать свое первое сочинение. Злополучный планшет, вымазанный с изнанки утиной кровью и торфяной грязью, валялся в углу каморки.

...Переписав набело очерк «Воспоминания охотника», Пржевальский снес свое первое детище в редакцию «Журнала охоты и коннозаводства». Очерк был напечатан, но денег за него автор не получил. Редактор объявил Пржевальскому: молодой писатель должен быть рад хотя бы тому, что его первый труд увидел свет в таком серьезном органе, как журнал коннозаводчиков. Пржевальский вежливо раскланялся и ушел домой, где на столе лежал ворох чистой бумаги — для новой работы.

Он долго корпел над этим ворохом и наконец, собрав исписанные дести бумаги, вывел заголовок на обложке рукописи: «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». Пржевальский не мало потрудился над этой темой. Его «Обозрение» было настоящей энциклопедией русской дальневосточной окраины. Он собрал все, что было известно в литературе об Амуре, обобщил, сделал выводы. Все это было интересно, ново и практически ценно.

Рукопись попала в Русское Географическое общество. Ее читали старый Литке и Семенов-Тяньшанский. Пржевальский был избран действительным членом Общества.

Окончив академию и получив отпуск, Пржевальский уехал в Отрадное. Четыре месяца пробыл он там, а в следующем году отправился в Варшаву, в только что открывшееся юнкерское училище. В звании дежурного офицера и преподавателя Пржевальский стал учить юнкеров географии и истории.

В свободное время он читал труды великих зоологов и ботаников. Он все еще мечтал о путешествии в Африку и не мог спокойно говорить о подвигах Ливингстона, окруженного, как ореолом, облаками сверкающей водяной пыли открытого им водопада на Замбези.

В Варшаве были Ботанический сад, Зоологический музей при университете, хороший книжный магазин. Замечательную библиотеку при юнкерском училище Пржевальский составил сам. Его не любили преподаватели — он отвлекал учеников от занятий прекрасными рассказами о чудесах земли.

Пржевальский умел увлечь молодых слушателей и сделался их любимцем. Дело дошло до того, что юнкера Пржевальского переводились из училища в университеты и Земледельческую академию!

Пржевальский неутомимо сидел за книгами. В Варшаве он написал прекрасный учебник географии, по которому потом — когда Пржевальский сделался известным в Китае — учились студенты университета в Пекине. Он составил гербарий растений трех губерний Царства Польского, выступал с публичными докладами о великих географах и путешественниках.

В Варшаве Пржевальский перестал мечтать о подвигах в пустынях и лесах Черного материка. Его взгляд теперь обратился на другую часть земного шара. Азия — вот что теперь манило его к себе. Оставив Ливингстона, он увлекся Гумбольдтом и Риттером и при изумительной памяти знал наизусть десятки страниц из книг об азиатских странах.

Африка далеко от России, а вот у самых границ великой страны и в самих ее пределах лежат таинственные области высочайших хребтов и пустынь Азии.

Давно ли Гумбольдт говорил о «вулканах» Тянь-Шаня и писал, что ему не хочется умереть, не видя на своем рабочем столе хотя бы осколки тяньшанского камня?

Осенью 1856 года П. П. Семенов с берегов озера Иссык-Куль первым из европейцев увидел ледяные тяньшанские вершины, проник в неведомые ущелья и узнал, что Гумбольдт ошибся и никаких вулканов в Тянь-Шане нет. Затем следовали другие замечательные путешествия русских исследователей: поход Северцева в трущобы Кара-Тау, его плен в Туркестане, путешествие Потанина в область Зайсана и наконец новые скитания Северцева, еле успевшего залечить раны, вынесенные из кокандского плена.

Если Гумбольдт мечтал об одном только камне из тяньшанских ущелий, то что сказать о Семенове, открывшем

высочайшую вершину Небесных гор? Но сколько там, в Центральной Азии, есть еще не исследованных никем пространств... России в первую очередь приличествует великая задача — снять завесы вековой тайны с непознанных просторов. Не на Черном материке, а на Желтом прославит имя своей родины будущий великий путешественник Пржевальский.

Новая идея захватила его со всей силой. Он еще упорнее стал изучать Азию по книгам. В Варшаве ему пришлось познакомиться с одним «азиатским» обычаем. Однажды, бродя на охоте в окрестностях города, без бумаг, удостоверявших его личность, Пржевальский попал в руки полиции. Дерзкое обращение с городовыми, подозрительный звук «прж» в фамилии русского офицера сделали свое дело: Пржевальский был арестован и приведен в один из варшавских участков.

Вообще польское «прж» часто мешало штабс-капитану Пржевальскому жить так, как он хотел. Когда он стал добиваться перечисления в Генеральный штаб, ему вежливо, но твердо отказали — все из-за проклятого «прж»! Попробуй доказать, что пращур твой никогда не был поляком. Просто поляки когда-то насильно перекрестили запорожского казака Корниту Анисимовича Паровальского в Пржевальского. Вот и вся история.

Энергия и знания Пржевальского все же одержали верх. В ноябре 1866 года он прочел приказ: «Штабс-капитан Пржевальский, Н. М., причислен к Генеральному штабу с назначением для занятий в Восточно-Сибирский Военный округ...»

Это было началом его большой охотничьей тропы. Пржевальский помчался в Петербург в надежде, что удача, как золотой фазан, сама свалится с неба в руки охотника.

НА ОХОТНИЧЬЕЙ ТРОПЕ

Герой Хан-Тенгри и Нарына, П. П. Семенов был согласен с Пржевальским во многом. Да, Россия должна закреплять свои научные победы в Центральной Азии. Для этого Географическое общество и в этом году посылает в области, лежащие за Нарыном, экспедицию Полторацкого и Матусовского; полным ходом идет также съёмка Тянь-Шаня. Но Пржевальский еще молод и неиз-

вестен, он успеет увидеть светлые звезды над тьяншанскими ледниками. Географическое общество не может дать молодому исследователю средства на экспедицию в Тянь-Шань. Что сейчас сможет сделать Семенов для Пржевальского? Тяньшанский не откажет Пржевальскому в письме на имя сибирских влиятельных лиц, а там исследователь пусть действует по своему почину. Если первое путешествие будет удачным, Совет Географического общества не пожалеет денег на экспедицию.

Семенов протянул гостью два пакета в Сибирь — две дорожные на право скитаний по Великой Тропе. Вне себя от радости, Пржевальский кинулся в гостиницу, где его ждал спутник, вывезенный им из Варшавы, — препаратор Роберт Кёхер. Он равнодушно выслушал рассказ своего будущего начальника. Кёхеру было все равно: шкурки сибирских птиц его не увлекали, он тосковал по какой-то немке, в которую влюбился перед отъездом. Гневно крутя усы, Пржевальский дал себе слово как следует проучить помощника при первом удобном случае.

Ранней весной 1867 года экспедиция выехала в Сибирь. Пржевальский был весел и полон надежд. В марте он увидел кровли Иркутска и ясные волны Ангары.

Начальник штаба сибирских войск и председатель Сибирского отдела Географического общества генерал Б. К. Кукель был в Иркутске известен тем, что в 1861 году содействовал — вольно или невольно — побегу Михаила Бакунина. Именно в кукелевской коляске, получив от Кукеля разрешение на эту поездку, Бакунин, закутавшись в серый плащ, выехал из Иркутска в Николаевск-на-Амуре. Оттуда Бакунин убежал на американском корабле и, находясь уже в Лондоне, посылал Кукелю письма. Одно из таких писем было перехвачено и сделалось причиной временной опалы генерала. Помогал ли он действительно бегству Бакунина — так и осталось неизвестным. Но вокруг имени Кукеля распространился ореол некоей таинственности.

Правая рука Муравьева-Амурского, Кукель хорошо знал все амурские дела. Пржевальский был для него находкой, и «генерал-бакунист» тепло встретил приезжего из Петербурга. Он поручил новому знакомому разобрать и привести в порядок библиотеку Отдела Географического общества. Это было очень кстати. Пржевальский тридцать дней просидел в библиотеке. Кукель пришел в восторг от

него. Тогда Пржевальский стал настойчиво проситься в Уссурийский край.

Кукель не знал, как поступить. С одной стороны, ему хотелось прославить Географическое общество новыми открытиями, с другой—он боялся ответственности. Пошлешь такого богатыря на далекую окраину, и вдруг он чего-нибудь натворит! Отвечай тогда опять, как за Бакунина. Знает он этих молодых и горячих людей, он помнит, как Невельской самочинно открывал Амур. Но Пржевальский так нажимал на Кукеля, что тот сам понемногу начал выдвигать молодого офицера. Кукель однако говорил, что от одного изучения уссурийских птиц и мотыльков будет мало пользы: если штабс-капитан Пржевальский уж так рвется в Уссурийский край, пусть он заодно обследует расположение двух батальонов, размещенных в крае, учтет население и исследует проезжие пути в Корею. Пржевальский согласился, но стал, в свою очередь, выторговывать у Кукеля казенные инструменты для с'емок и астрономических определений. Пржевальский так увлекательно излагал обширные планы экспедиции, что генерал не отказал. Денег на экспедицию Пржевальскому отпустили однако очень мало; но он этим не смущался, надеясь на то, что его прокормит ружье, а крепкие охотничьи ноги приведут к любой цели.

Но на Роберта Кёхера нашел столбняк, когда он узнал о предстоящем походе в страну тигров. Он заявил, что не будет выходить на охоту для сбора птичьих шкурок, — это не входит в обязанности препаратора... Взбешенный Пржевальский, топая ногами, выгнал такого «помощника». Кёхеру ничего не оставалось, как отправиться обратно в Варшаву.

Однако отправляться в поход без помощника было нельзя. Сама судьба послала Пржевальскому нового спутника. Пришел замечательный юноша, гимназист Николай Ягунов. Этому мальчику, сыну ссыльной, было всего шестнадцать лет. Он знал топографию и очень быстро усвоил искусство препаратора. Когда все сборы были закончены, Пржевальский и Ягунов пустились в путь по первой большой тропе Великого Охотника.

...Поход начался от устья Уссури, из села Хабаровки. Здесь Пржевальский достал лодку и пустился вверх по реке.

Затопленные весенним разливом берега тянулись до самого устья реки Нор. Дуб и черная береза одиноко стояли на возвышенностях.

На правом берегу Уссури высился хребет Хехцыр. Путники смотрели на богатства русского Дальнего Востока. Грецкий орех рос здесь рядом с пробковым деревом, топырил лапчатые листья клен; кедры, ели и лиственницы торжественно вздымали свои зеленые кроны.

Все среднее течение огромной реки сторожили горы с дубовыми и ореховыми рощами, русло Уссури терялось в долинах и лугах.

Шли дожди. Путники преодолевали этот край сырых трав и теплого тумана. Ягунов плакал от досады, видя, как размокают и расползаются травы, собранные для гербария. Казаки и солдаты, взятые в экспедицию, плыли в лодке против течения, а Пржевальский и преданный ему Ягунов шли берегом. Они несли сумки с добычей и ружья со взведенными курками.

Меткие выстрелы путников снимали на лету голубых сорок, трепещущих китайских иволг; пуля Пржевальского настигала робких цапель. Когда выдавался ясный теплый день, Ягунов, сбросив сумку, сняв шапку, бежал по песчаному берегу, гоняясь за огромной — величиной в ладонь — голубой бабочкой Маака. Хуже было в пасмурные дни, когда мошки и комары кружились над уссурийскими лугами, как сплошной белесоватый пар над огромным котлом. Ночевали обычно на сухих песчаных побережьях, засыпая под крики водяных курочек, закрывшись от мошек пеленой дыма большого костра.

Так шли они двадцать три дня по Уссури до станицы Буссе. Почти пятьсот верст пешком — недурно для начала! Казаки и солдаты плыли на лодке.

Путешественники с восторгом разглядывали тростник в сажень ростом и лагуны, покрытые цветами нелюббии, близкой родственницы виктории-регии из Гвианы. Аршинные круглые листья нелюббии лежали на воде, на длинных и крепких стеблях ее чудесно розовели огромные цветы.

Река Сунгача вытекает из озера Ханка — огромного сумрачного водоема с гладким дном. Ханка казалось мрачным, бурным и неприветливым. У ног путников лежали истоки Сунгачи, на том берегу озера синели далекие горы, с юга и востока подступали к озеру рыжие болота.

Но неприветливость Ханка была только кажущейся. Эти воды были богаты рыбой. Пржевальский насчитал до сорока видов. Чего стоила одна калуга — чудовище весом в тридцать пудов.

Рыбак-китаец, живший при истоках Сунгачи, колдовал над телами огромных калуг и осетров; он ловил их только ради хряща, который сбывал в город Сан-Син — на кухни мандаринов. Жирные сазаны нередко выскакивали здесь из воды на палубы судов, а осетры, идущие с Уссури в Ханка, забивали своими остроспинными телами всю Сунгачу. Неприветливое Ханка было так богато всякой живностью, что путешественнику Мааку, бывавшему в этих местах, привиделись здесь даже тюлени. Пржевальский расспросил рыбаков и установил раз навсегда, что никаких ластоногих в Ханка не водится.

Путешествуя по озеру, Пржевальский изучил быт отважных русских поселенцев, построивших деревни Турий Рог, Троицкую и Астраханскую на западных берегах озера. В Турьем Роге он ел свежие арбузы, в Астраханской сидел в просторных горницах молокан, на Камне-Рыболове отдыхал в доме офицера Третьего линейного батальона. Но привычка быть наедине с природой тянула Пржевальского в глухие, безлюдные места, к северу от устья реки Сиян-Хэ.

Он любил, спрятавшись в траве на песчаной косе, не шевелясь, наблюдать за жизнью пернатых. В свою маленькую книжку он заносил удивительные подробности из жизни здешнего орлана-белохвоста, скопы — пожирательницы рыб и сокола-сапсана. Он вел ежедневные метеорологические наблюдения и, как скопидом, перебирал сотни растений, сорванных на берегах Ханка. Их было много — от властительницы цветов нелюббии до виноградной лозы, оплетающей молодые деревья и кустарники, в которых водятся кабаны и дикие козы.

СИНИЙ ЗАЛИВ ПОСЬЕТ

В солнечные дни августа 1867 года Пржевальский двинулся с Ханка к берегу Японского моря через область реки Суйфун по степи, покрытой синими цветами колокольчика. На юге ханкайской степи, около селения Никольского, Пржевальский и Ягунов отыскивали остатки древних крепостей и каменные изваяния. Одно из этих извая-

ний изображало огромную черепаху, два других — животных, похожих на собак. Черепаха была изваяна из розового гранита. Лежала она на невысоком кургане. В самом селе Никольском высились развалины древнего города Фурдань-Чэн. Путники видели здесь следы старинной проезжей дороги, которая вела к некогда богатому и многолюдному городу.

От разрушенных крепостных валов тропа Пржевальского привела его к берегу реки Суйфун. Он поплыл по ней до впадения реки в Японское море. На борту шхуны «Алеут» он отправился дальше — на самый юг русских владений.

Перед ним открылся залив Посъет. Залив глубоко прорезал часть материка между Кореей и мысом Гамова, в нем были удобные бухты — Экспедиции и Новгородская, чуть в стороне лежал полуостров Шелехова, где добывали каменный уголь для русских кораблей.

Лучше всего высадиться на берег у поста Новгородского. Пржевальский спешит на берег. Поселок Новгородский невелик, всего восемь одинаковых казенных домов, два дома китайского купца, нескольких фанз.

Удивительно, как позволяют жирному негодянту из Китая жить и торговать здесь морской капустой! Никто не может поручиться в том, что знатный гость интересуется только скупкой пучков длинных водорослей с запахом иода и морской соли. Китайские промышленники на сотнях лодок плывут из соседней страны в Новгородскую гавань, к утесистым берегам, и шарят деревянными вилами в ясной морской глубине. Ловцы водорослей сдают свою добычу капустным королям во Владивостоке, в гавани Ольги и в Новгородском посту. Отсюда морская капуста идет на кораблях в Шанхай и Чифу. На водорослях, добытых в русских водах, иноземцы наживают богатства. Купцы из Хун-Чуна хозяйничают в Новгородской гавани, как у себя дома. Когда на море стоят ветреные дни, ловцы капусты берут ружья и уходят в леса — стрелять здешних оленей ради их дорогих пантов. В русских водах зарубежные купцы ловят трепанга. Выходит, что мы бесплатно кормим мандаринов капустой, трепангом, рыбой, крабами и древесными грибами. История с грибами была не менее возмутительной. Пришельцы вырубали русские дубовые рощи, дожидаясь, когда стволы могучих деревьев сгниют и покроются слизистыми грибами. Для заготовки грибов в

Н. М. Пржевальский
1839—1888

уссурийских лесах строились сушильни, и пришлые люди без всякого стеснения опустошали дубовые дебри Уссурийского края.

В Хун-Чуне открыто, среди бела дня, собирались вооруженные отряды хищников — золотоискателей. Они переходили границу и совершенно безнаказанно мыли золото на таежных реках.

Все эти безобразия были известны царским чиновникам, но никто из них не позаботился навести порядок на русских границах. В Уссурийский край ходили все, кому не лень, и часто с совершенно неизвестными целями. Когда чиновники научатся беречь этот богатейший край? Почему до сих пор не укрепляют Новгородскую гавань? Две страны — Корея и Манчжурия — лежат под боком у Посъета; к нему сходятся пути и из Хун-Чуна и из Кыген-Пу. И на таком важном рубеже — всего горсть русских солдат в Новгородском посту и квартиры Первого линейного батальона в Ново-Киевке, на берегу бухты Экспедиции.

Офицер Генерального штаба Пржевальский горячо рассказывал местным офицерам о том, как следовало бы понастоящему беречь границу у Посъета. Ведь здесь будет, как думал он, русский порт на Японском море, крепость, батареи, торговый город...

Ученые-востоковеды писали, что в глубокой древности залив, который известен нам под именем Посъет, был военным портом. На берегах залива можно отыскать следы старых укреплений. Так, недалеко от бухты Экспедиции, возле р. Озерной, возвышались остатки крепостного вала и лежали груды лазурных изразцов. Это все, что осталось от древнего города, окруженного земляной стеной.

Пржевальский прожил в Новгородской гавани месяц. Ожесточенно прокалывая шилом толстый ремень, готовясь к дальнейшему путешествию, он сердито ворчал на порядки в Посъете. Подумать только — корейцы из Кыген-Пу шляются на русскую территорию тогда, когда им этого захочется. Они ходят к русским солдатам в гости, приносят товары и ничуть не боятся совершать эти прогулки. У русских солдат корейцы приняты как гости. А попробуй, сходи к ним, в Кыген-Пу! Дикий деспотизм начальника города Кыген-Пу вошел здесь в поговорку. В стенах Кыген-Пу не был никто из русских, и проникнуть туда до сих пор считается невозможным. Последняя попытка была сделана года два тому назад и потерпела неудачу. Начальник

Кыген-Пу не пропускает русских товаров в Корею. Зато корейцы открыли свою страну для японских купцов и предпринимателей. Корея сама готовит себе кабалу. Но что представляет собою эта, отгородившаяся от русских, страна?

Пржевальского занимали сборы в очередной поход. Но купить здесь ничего нельзя, кроме случайных товаров самого низкого качества. Русские здесь еще не обжились как следует. Горсть русских храбрецов, забытых начальством, утвердилась в Посыетском заливе с 1861 года. С тех пор никто к ним не заглядывал, никто не посещал высокие берега синего залива. Снарядить караван экспедиции в Новгородском Пржевальскому было не легко. Особенно плохо дело обстояло со снаряжением вьюков. Ученый-охотник ходил по домам Новгородского поста, собирая веревки, ремни, выпрашивая старые седла.

В ГОСТЯХ У ЮНЬ ХАБА

Пржевальский пойдет в Кыген-Пу — и пойдет открыто, никого не боясь, прямо к его князьку и сам побеседует с ним обо всем...

В деревне Тезен-хэ, близ Новгородской гавани, жил старшина переселенцев Петр Семенов, кореец. Раньше его звали Пунун-кыги. Приняв новое имя, он выстроил себе русскую избу. Этот Семенов и помог Пржевальскому в сборе сведений о быте корейцев, их вере и обычаях. Он-то и разжег любопытство охотника. Запасшись у Семенова нужными сведениями, Пржевальский вместе с солдатом-переводчиком из Новгородского сел в лодку с тремя гребцами и поплыл вверх по Тумен-Ула. Стараясь соблюсти приличия, он решил явиться к начальнику города утром, но не слишком рано.

Загадочный город как бы повис над рекой. Каменная стена проходит над самым речным обрывом, из стены торчат дула старых пушек, повернутых в сторону Тумен-Ула. Трое ворот ведут в крепость, в ней триста фанз и дом начальника. Около сотни фанз лепится над рекой — вне городской стены.

Такого переполоха не было еще никогда в Кыген-Пу! Солдаты в белых халатах, с павлиньими перьями на шляпах, полицейские в шляпах с красными шнурами, купцы и просто обыватели толпятся над речным обрывом. Из лод-

ки выходит высокий человек в форме русского офицера. В одной руке у него тяжелый штуцер, в другой — подозрительная труба, а на поясе — большой револьвер. Он говорит корейским солдатам, чтобы его провели немедленно к начальнику города. Солдаты и полицейские мнутя и красноречиво хлопают себя ладонями по затылкам — это значит, что начальник казнит их за один лишь доклад о дерзком приезде иноземца.

Наступает тягостное молчание. Толпа настороженно смотрит на голубоглазого великана и перешоптывается. Солдаты знаками показывают на реку.

Приезжий снова настойчиво просит провести его к начальнику. Тогда корейцы спрашивают Пржевальского, есть ли у него бумага на имя начальника. Пржевальский роется в карманах и достает из бумажника большой открытый лист за подписью Кукеля — на право получения казенных лошадей в Сибири... На листе красуется огромная красная печать. Корейский солдат благоговейно берет бумагу, но вдруг спрашивает, почему она написана не по-корейски. Пржевальский объясняет, что корейский переводчик, к сожалению, куда-то отлучился из Новгородского и не успел перевести бумагу.

Гостя торжественно ведут в приемный дом, и через полчаса сам начальник города, господин Юнь Хаб, в чине сатти (капитана), на носилках, покрытых тигровой шкурой, спешит на свидание с первым русским, пришедшим в Кыген-Пу.

Юнь Хаб уступает гостю тигровую шкуру, садится сам на ковер и заводит с Пржевальским настороженный, несколько растерянный разговор.

Прежде всего, начальник принимает гостя за американца и долго не хочет верить, что этот неведомый человек — русский. Затем Юнь Хаб рассказывает о недавней войне Кореи с Францией. Гость и хозяин молчат, исчерпав щекотливую тему разговора.

Вдруг Юнь Хаб оживляется и приказывает принести атлас с корейскими чертежами. На карте невообразимо грубой работы он показывает Пржевальскому Петербург, Москву и Уральские горы. Начальник смотрит, какое впечатление производит все это на гостя. Пржевальский притворно восхищается ученостью корейцев, а внутренне хочет: река Кама на корейской карте показана длинным и узким озером.

Пржевальского угощают грушами, медовыми пряниками и кедровыми орехами. Мазню корейских «географов» бережно уносят из комнаты.

Юнь Хаб наконец высказывает сокровенную мысль: если пришелец действительно хочет быть другом, пусть он попросит русское правительство выдать ему обратно всех корейских переселенцев. Он им всем отрубит головы за послушание.

В это время корейский солдат докладывает Юнь Хабу о каком-то событии у стен приемного дома. Оказывается, русским солдатам, спутникам Пржевальского, вздумалось плясать в присядку на земле Кыген-Пу под одобрительные крики корейцев.

Юнь Хаб милостиво вышел к толпе и попросил солдат сплясать еще раз. Время шло, а Пржевальский так и не мог допытаться у Юнь Хаба, почему он не пускает русских на ярмарки в Кыген-Пу и Бянь-Лянь Дзи-Чен.

А тут еще новое зрелище предстало перед его глазами. Владыка города в присутствии гостя устроил краткое судебное разбирательство дела о краже коровы. Дело было решено в пять минут, и виновных тут же куда-то утащили, всего вероятнее — в городской застенки.

На прощанье капитан Юнь Хаб попросил Пржевальского выстрелить разок из штуцера, на сто шагов, в доску. Пржевальский был прекрасный стрелок; меткая пуля, прошив цель, пропала в поле.

Гость и хозяин простились. Пржевальский, окруженный восторженной толпой, спустился к Тумен-Ула и сел в лодку. Мерно застучали весла, и город Кыген-Пу, — теперь уже не таинственный, как это казалось раньше, — стал отползать в туман древней каменной черепахой...

К ИСТОКАМ УССУРИ

Вернувшись от капитана Юнь Хаба, Пржевальский не засиживался долго у новгородцев. Как только были получены шесть лошадей, пригнанные из манчжурского города Хун-Чуна, выюнный караван экспедиции покинул Посьет. Это было 29 октября 1867 года.

Пржевальский держал теперь путь к гавани св. Ольги, а оттуда — на берега Уссури. Ягунов и два солдата были его спутниками. В день выхода из Новгородского выпал мелкий снег. К полудню его согнало, и караван брел по

мокрой грязной дороге на север от Посыета — к посту Гладкому. Нужно было выйти на реку Суйфун, к Раздольному, а там уже следовать вдоль побережья Японского моря, через Владивосток.

Пржевальский шел впереди каравана. Караван переходил реки, поднимался на горные хребты, продирался сквозь кусты, обвитые виноградной лозой. Здесь можно было нарваться на тигра или барса. Лебеди трубили, пролетая в уже морозном небе. В буреломе слышался треск сучьев: может, это тибетский медведь, по-китайски — зверь гау-тоза, ищет осенний мед в пустых дуплах?

Гремит выстрел, горький дымок стелется над лесной поляной. Пржевальский бежит к добыче, зовет Ягунова и вместе с ним рассматривает подбитого зверя. В ногах охотника, захлебываясь пурпурной кровью, умирает непальская куница. Раньше ее находили только в Гималаях, на Яве и Суматре. Оказывается, она живет здесь всюду. Кровожадная красавица уссурийских дебрей попадает под нож препаратора.

За постом Раздольным началась область шумящих корабельных лесов на полуострове Муравьева-Амурского. Трава так буйно растет здесь, что охотники и земледельцы осенью выжигают ее, пуская «палы». Пржевальский ночами не раз видел огненные ручьи, бежавшие в синей тьме, а над ними — стаи летящих птиц, вспугнутых огнем.

За день до вступления во Владивосток Великий Охотник увидел в лесу одинокий куст рододендрона. Он вторично в этом году покрылся цветами. Но в следующую же ночь темная туча над Золотым Рогом разразилась метельным снегом...

Владивосток 1867 года можно было весь окинуть одним взглядом. Полсотни домов, китайские фанзы, казармы солдат, лавки. Почти все торговое дело находится в руках иноземных купцов. Они сбывают здесь всякую заваль, купленную с аукциона в Гамбурге или Шанхае. В записной книжке Пржевальского собрано немало горьких наблюдений. Придет время, он расскажет о забвении чиновниками русских дел на тихоокеанской окраине!

Пока на звонкой подмерзшей земле сверкает первый снег, надо идти на охоту. Глухой лес встает стеной за окраинными домишками города. Там можно гнаться, расстреляв все заряды штуцера, с револьвером в руках за стадом пятнистых оленей — аксисов. По-китайски это —

зверь хуа-лу. Родина его — Ост-Индия и Зондские острова. Первая охота не принесла ничего: наш охотник горячился и расстреливал заряды зря. В следующий раз он убил одного аксиса.

По свежему снегу, утром 17 ноября, караван путников вышел из Владивостока на реки Цыму-Хэ и Шито-Хэ. Здесь начались приключения с ночевками в брошенных фанзах, переходы во время метелей, великое избиение воронов, летящих по следу отряда. Вороны ночевали вместе с путниками в лесу. Люди спали, а вокруг на деревьях сидели зловещие птицы, образуя черную гирлянду, освещенную трепещущими отблесками костра.

После одной из таких ночевок в снегу голодные и иззябшие люди спустились в долину Сучана. От Новгородской гавани караван прошел четыреста верст.

В долине Сучана, отдирая сосульки от усов, Пржевальский располагался впервые на отдых в теплой избе села Александровки. Здесь он прожил десять дней, предаваясь чревоугодию. За два часа охоты он убивал тридцать фазанов. Пржевальский ел суп из фазаньих потрохов, самолично перетапливал фазаньи тушки на жир. Заросли чернобыльника вокруг деревни были обгарены фазаньей кровью.

В Александровке он безуспешно гонялся за тигром, разгуливавшим ночью по деревне.

Из долины Сучана экспедиция двинулась к гавани Ольги берегом моря, через отроги Сихотэ-Алиня. Над незамерзающими речками кружились черные дрозды. Могучие кедры склоняли над узкой тропой ветви, отягощенные шишками. Пржевальский забавлялся тем, что сбивал шишки пулями. Ночью, у костра, он грыз орехи.

Когда караван выходил к самому морю, путешественники видели в заливах китов и находили на отмелях огромные китовые кости, раковины, морских звезд и алых медуз, мерцающих среди выкинутых океаном водорослей.

Ноябрьский дождь согнал снег, но за дождем грянул мороз. Ночевки в лесу стали мучительны. Выносливые солдаты, лязгая зубами от холода, вертятся у костра, шутили, что у них с одного бока — петровки, с другого — рождество. Пржевальский сидел у костра. Ореховая шелуха примерзала к его усам. Держа чернильницу у огня, он записывал в дневник события дня.

В декабре 1867 года, после многих лишений, Пржевальский завершил свой труднейший поход и пришел в гавань Ольги. Но это была только часть пути. Надо было проникнуть на Уссури. Шести дней ему было достаточно для отдыха.

Он двинулся к реке Тазуши, достиг ее верховьев и по голубым сугробам, при холоде в двадцать семь градусов, перешел через горы Сихотэ-Алинь. Прорубая кинжалом дорогу в лесных дебрях, Пржевальский шел по следам тигра к реке Лифудину (вместе с Дауби-Хэ и Савдогу она образует Уссури). Новый год он встречал в дымной фанзе, где писал дневник и ел холодную кашу, сваренную из последних горстей пшена. Через неделю измученные люди вступили в станицу Буссе. Теперь можно было сказать, что поход закончен. Так, в дни, когда от мороза железо прилипало к рукам, а птицы замерзали на лету, четверо смельчаков прошли насквозь тигровую тайгу и снежные горы... Теперь Пржевальский знал всю Уссури, от истоков до устья.

В станице Буссе не пришлось отдохнуть. Надо было привести в порядок гербарий в тысячу видов, набить около сотни чучел птиц, разобрать пауков, бабочек и другую крылатую мелочь. Приятно просматривать подробный метеорологический журнал и сознавать, что за эту поездку открыто тридцать шесть видов птиц, ранее не известных здесь.

Военные поручения выполнены все: описаны русские заселения, исследованы дороги, проведен учет населения, обследованы квартиры батальонов.

Но Великий Охотник не может сложить рук.

ПРОСТОРЫ ХАНКА

...Весенняя капель еще неуверенно стучит в оконное стекло и зовет Пржевальского в поход. Он смазывает сине стволы ружей и мчится на озеро Ханка. На берегах лежит еще талый, последний снег, но мартовский ветер доносит крики пернатых гостей. Над озером Хасан, Посъетом, Тумен-Ула кличут лебеди, за лебедями к Ханка тянутся бакланы. Еще несколько дней — и разные птицы поплывут к Ханка не стаями, а тучами.

На берегах озера орали, гоготали, кричали миллионы птиц — от огромного, величиной с гуся, розового кулика

до важного черного аиста. Белый журавль с черными крыльями, желтая иволга, утки из Индии, — глаза разбегались, когда Пржевальский смотрел на ханкайских гостей.

Укрывшись возле Поста № 4, охотник часами наблюдал пляску азиатских журавлей либо брел густой прошлогодней травой по степи, преследуя черного коршуна или белую сову, зажившуюся здесь до весны.

Он ходил на охоту с двумя ружьями, укладывая на месте сотни птиц. Для того чтобы не таскать за собой добычи, охотники устраивали склады битой птицы где-нибудь в еще не растаявшем снегу. Ягунов и два солдата сгибались под тяжестью добычи. Охотники, от сапог до бровей вымазанные кровью птиц, потрошили у костра гусей, лебедей, уток, снимали шкурки с белых журавлей. Лучшие шли на чучела, рядовая дичь падала в бурлящий котел. После обеда начиналась набивка чучел, а часам к пяти озеро Ханка вновь начинало содрогаться от выстрелов.

Так шли дни на Ханка. Неистовый охотник не только убивал птиц, — он изучал их жизнь. Пути перелетов, сроки появления птиц, места гнездовых, птичьи нравы — все это было нужно знать Пржевальскому.

Он наблюдал удивительные случаи из жизни животных. Так, например, он подсмотрел, как тибетский медведь терпеливо лазает по деревьям и выдергивает из гнезд молодых аистов, со вкусом пожирая их. Пржевальский не поверил бы никогда рассказам о подобных занятиях уссурийского Топтыгина, если бы сам не был терпеливым свидетелем этих подвигов зверя.

Он открыл заповедное место, куда удалялись белые и серые цапли и колпицы для высиживания яиц и воспитания птенцов. Место это было постоянным и недоступным для птиц других пород.

Много сделал открытий охотник на чудесном озере Ханка. В записной книжке его, как в сказочном кошельке, копились жемчужины ценнейших наблюдений. Он разместил всю жизнь озера в графах, таблицах. Из них мы узнаем о характере очертаний облаков над Ханка, венцах вокруг апрельского солнца, первых лягушках, сроках цветения ивы, первом ударе грома, ясном дожде и о солнечном длинном дне, в начале которого распускается розовый цветок нелюббии, царицы Ханка.

...Говорили, что вся каша заварилась из-за золота, открытого на острове Аскольде летом 1867 года. Хотя Аскольд лежал почти у самого Владивостока, толпы хищников-старателей из-за уссурийских рубежей устремились на остров и начали мыть золото. Русское военное судно выгнало бродяг, и они без сопротивления ушли на материк. Но слух о богатствах Аскольда разлетелся по Манчжурии. Изгнанные с острова хищники появились в Хун-Чуне. Нингуте, Сан-Сине и, собрав вооруженные отряды, решили силою утвердиться на Аскольде. По глухим тропам, где-то между Ханка и Посьетом, на лодках ловцов капусты и трепанга, они проникли в Уссурийский край и добрались до золотого острова. Шестьсот хищников вновь начали промывать золото. Опять к острову пришел русский корабль и навел пушки на волчьи прииски. Разбегаясь, пришельцы начали бесчинствовать. Прибрежные леса освещались огнем пожаров — горела русская деревня Шкотова на реке Цыму-Хэ между Владивостоком и Сучаном, пылали Суйфунская и Никольская. Теперь это были уже не хищники-золотоискатели, а страшные «хунхузы», называвшие себя «рыжими бородами». Хунхузы спалили два русских военных поста, и весной 1868 года было решено незваных гостей выкинуть за рубеж военной силой. Кто из офицеров лучше всех знал теперь край? Выбор командования пал на Пржевальского.

Ворча, что его отрывают от научных занятий, успев расстрелять на Ханка еще три пуда дрови, Пржевальский принял команду над отрядом и двинулся в долину Сучана. И, хотя охотничьи соблазны были там велики, Пржевальский занялся своим прямым делом. В один месяц он управился с хунхузами, численность которых к тому времени возросла, дал им несколько сражений и выкинул незваных гостей за рубеж, — туда, откуда они пришли. Пржевальского поздравляли с успехом, представили к следующему чину, сделали старшим адъютантом штаба войск Приамурской области. Но он пожимал плечами от удивления. Почему его не слушали раньше, когда он говорил о том, что участок между Пьестом и Ханка был открыт для хунчунских головорезов? А теперь пришлось расплачиваться жизнями русских солдат за беспечность штабных полковников.

Из похода на хунхузов Великий Охотник привез единственный трофей — шкуру огромного медведя, когти которого были на треть вершка длиннее человеческих пальцев. Этого великана Пржевальский уложил штуцерной пулей, подпустив на четыре шага к себе.

Старшему адъютанту штаба волей-неволей пришлось ехать на службу в Николаевск-на-Амуре. Он взял с собой Николая Ягунова.

Служба в штабе угнетала охотника-следопыта не менее, чем мысль, где достать денег на издание книги о первом походе. Книгу он писал упорно.

Вечером он устремлялся на новую охоту — в дома купцов и морских офицеров. Великий Охотник был азартным карточным игроком. Только железная выдержка спасала Пржевальского от соблазна ставить на карту все, что у него было. Ему везло за зеленым столом, недаром здесь он носил кличку — Золотой фазан. Он никогда не играл с товарищами — пехотными офицерами, берег деньги, уходил из-за стола, как только выигрывал. Играл он счастливо. Нет, не он был золотым фазаном, а его партнеры — охотские и аляскинские флотские ветераны и купцы. Вот уж от них-то, как от фазанов, действительно летели золотые перья!

Когда рукопись была готова, у Пржевальского скопилось двенадцать тысяч рублей. Часть их пошла на издание книги. Пржевальский написал в дневнике: «Теперь могу назваться состоятельным человеком и располагать собою независимо от службы». Великий Охотник, ошипав золотых амурских фазанов, ушел с зеленого поля.

Весной, когда Амур понес свои вешние воды к океану, Пржевальский вновь скитался по берегам Ханка. Снова у Поста № 4 загрели выстрелы. Беспечный голубой соловей, иволга из пальмовых рош Индо-Китая, ибис с пламенно-красными крыльями, — тысячи птиц падали к ногам охотника с неба, потрясенного выстрелами и ветром весны.

Он прошел на запад Ханка — в бассейн быстрой реки Сиян-Хэ, брызги которой окропляют чашечки желтых лилий и заросли ландышей. Леса из черемухи, абрикосов, тополя покрывали отроги гор. В этих безлюдных местах можно было изредка встретить лишь бродячего китайца — охотника да хищника — манчжурского торговца, проносящего водку из Нингуты и Сан-Сина.

Исследуя долину Сиян-Хэ, Пржевальский не только неустойчиво собирал растения и шкурки животных, — он видел неисчислимые лесные богатства цветущей долины и думал о том, что пора бы начать разрабатывать эти золотые трущобы.

Затем была исследована безлюдная река Лэфу, впадающая в Ханка с юга. По ней надо было плыть, прорубая путь среди древесных коряг, лежащих на дне. Пржевальский делал промеры, наблюдал скорость течения, приглядывался к свежим следам тигра и убивал коз на лугах, поросших густой травой и молодыми дубками.

На юго-запад от Ханка он открыл целый мир глухой реки Мо, где рос горицвет, где вода пробивала себе путь в мощных пластах темных дерновых почв. Пржевальский думал о землепашцах, которые придут сюда из приволжских деревень России.

Тринадцатого августа 1869 года он вернулся к истокам Сунгачи и целый день бродил вокруг Поста № 4. Здесь он знал каждый кустик. Но пора было возвращаться в штаб. Наутро он выехал в путь.

В Николаевске-на-Амуре Пржевальский собрал свои коллекции, рукописи и, торопя Ягунова, приготовился к отъезду в Петербург. Он вышел на берег Амура и, широко размахнувшись, бросил в быстрые волны колоду карт. Алый червонный туз, перевернувшись рубашкой вниз, поплыл к морю.

Как победитель, ворвался Пржевальский в Иркутск. Очевидцы рассказывали, сколько шуму наделал он там в памятный день 14 ноября 1869 года. В зале отдела Географического общества собрались ученые, генералы, просто любопытные — всего около трехсот человек. Первые же сообщения Пржевальского заставили насторожиться весь зал. Великий Охотник рассказывал о своих скитаниях горячо, просто и понятно, тут же показывая трофеи, взятые им в уссурийских дебрях. Тридцатилетний адъютант штаба войск Приморской области, капитан Пржевальский, мерно покачивая концами серебряного аксельбанта, ходил по кафедре, растопырив руки. Великий Охотник наглядно показывал, как тибетский медведь, зверь гау-тоза, ищет птенцов аиста на ханкайских деревьях. Будь в зале колонна, Пржевальский, пожалуй, залез бы на нее, показывая, как хитрый медведь душит добычу...

Кукель шептался с сановными соседями о том, что путешествие молодого офицера превзошло все ожидания и что от такого исследователя можно ожидать многого.

Герой уссурийских дебрей, охваченный тягой к новым скитаниям, в лучах первой славы помчался в Петербург.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХЛОПОТЫ

Заветные мечты Пржевальского начали сбываться.

В январе 1870 года в Петербурге Семенов-Тяньшанский принял героя Уссурийского края с распростертыми об'ятиями. Пионер Тянь-Шаня сам говорил молодому исследователю о той большой и славной дороге, которая его ждет. Они вместе разглядывали карту Центральной Азии, оживленно обсуждая планы похода. Истоки Голубой Реки, область таинственного озера Куку-Нор, — вот куда пойдет теперь Пржевальский.

В Петербурге он читал описания путешествий в Тибет. Путешественниками были люди разные. Четырнадцатый век дал монаха Одорика из Порденоне. Он считался первым европейцем, побывавшим в Тибете. Миссионер Одорик прожил года три в Пекине и, возвращаясь оттуда через Шэн-Си, проник в Лхассу, столицу Тибета. Рассказ Одорика о его странствии был беден подробностями. После него ни один европеец в течение трехсот лет не проник в Тибет. Наконец второй монах — иезуит Антонио Андрада в 1624 году вышел из Ангры, что в Индии, достиг перевалов через Гималаи и, преодолев их, добрался до истоков Ганга и оттуда прошел к Куку-Нор. Иезуит описал свой поход и издал в Лиссабоне книгу на португальском языке. Затем снова два отца иезуита, француз Дорвиль и австриец Грюбер, посетили Лхассу. К холму Далай-Ламы они пришли в 1661 году из Пекина через Синин, прожили в Тибете более двух месяцев и оттуда проехали в Индию. Восемнадцатый век дал двух тибетских путешественников — монахов Фрейре и Дезидери. В Лхассу они пробрались из Гималаев. Тосканцу Дезидери удалось прожить в Тибете с 1716 по 1729 год. Но его дневники остались неизданными. Когда Дезидери жил в Лхассе, он неожиданно встретился там с тринадцатью монахами из ордена капуцинов. Их привел в Тибет в 1719 году Орацио делла Пенна. Этот энергичный монах

прожил в Лхассе двадцать пять лет. Он основал там католическую миссию, изучил жизнь и обычаи тибетцев и овладел в совершенстве их языком. Труды Орацио дела Пенна считались наиболее ценными. Они служили основой для сочинений о Тибете, которые издавались в Риме еще в XVIII веке. Миссия дела Пенна накопила много материалов о Тибете; они лежали в римских хранилищах. В Тибете и Лхассе побывал и голландец Самуил ван де Путте. Он пришел туда из Индии около 1730 года. Голландец, подобно итальянцу дела Пенна, изучил язык тибетцев и прожил в Тибете долго. Он даже ездил из Лхассы в Пекин с тибетским посольством и вернулся в столицу далай-ламы, таким образом дважды пройдя через Тибет.

В конце XVIII века в Тибет стали заглядывать и англичане. Генерал-губернатор Британской Индии Уоррен Гастингс послал в 1774 году к тибетцам некоего Георга Богля. Но китайские чиновники Тибета не очень ласково приняли англичанина из Калькутты. Вслед за Боглем был послан Самуил Тернер. Но и эта поездка не увенчалась успехом. Калькутта хотела, чтобы Тибет торговал с Индией, но этого не хотел император китайский Цян-Дун. Он упорно отклонял всякие предложения англичан. Капитану Тернеру пришлось вернуться в Калькутту с пустыми руками. Капитан написал интересную книгу о своей поездке в Тибет, издав ее в Лондоне. В 1792 году гуркасы напали на Тибет и отторгли от его владений Непал. Китайский наместник в Лхассе решил, что дело это не обошлось без участия Англии. С тех пор Тибет и сделался запретной для европейцев страной.

Вскоре англичанин Томас Маннинг пробрался в Лхассу. Он лицеизрел далай-ламу. Но приказ, присланный из Пекина, заставил англичанина срочно уехать из Лхассы. Вслед за Маннингом в Лхассу потянулись монахи-лазаристы Гюк и Габэ. Переодетые ламами, они выехали из Китая и явились в столицу Тибета. Но их, в конце концов, узнали и очень вежливо выпроводили. Они написали книгу о своих приключениях в Тибете. Ее перевели в России — «Путешествие через Монголию в Тибет, к столице Тале-Ламы, сочинение Гюк и Габэ. Москва. Издание К. С. Генрих, 1866 г.». В русском предисловии к книге Гюк характеризовался как «вообще очень здравомыслящая, развитая личность». Здесь были приведены некото-

рые данные из его жизнеописания. Книга Гюка была написана очень живо и занимательно.

Но Пржевальский Гюка не любил и не верил ему, несмотря на всю увлекательность его стиля. Пржевальский даже подвергал сомнению все путешествие Гюка, хотя впоследствии Потанин разыскал в Азии гюковского проводника — Самдаджембу. Очевидно, виноват был сам Гюк. Он иногда допускал фантастические измышления. Раскройте Гюка на 108-й странице, и вы поймете все возмущение Пржевальского — зоолога и великого знатока птиц. Гюк описывал монгольскую «птицу» величиной с перепела, с ногами, покрытыми волосами; пальцы птицы были, «как у зеленых ящериц», покрыты такой «твердой чешуей», что нож будто бы не брал ее... Эта «птица» звалась китайцами «драконовой ногой».

Гюк писал: «К нам принесли однажды двух живых «драконовых ног». Они были очень дики, волосы на их ногах ошетинились при каждом приближении к ним, они кусались и недолго жили, потому что ничего не ели. Мы их зарезали; мясо имело приятный вкус дичи, но было очень жестко...»

С улыбкой читал Пржевальский эти откровения о щетиных птицах.

О Тибете в то время писали и англичане. Они собирали сведения об этой почти неизвестной европейцам стране. Такими собирателями были д-р Хукер, Бриан Гудзон, Кэмпбэлл, Вильсон, Вилькоккс, Крик, Гуннингам и другие.

Некоторые исследователи чуть ли не всю жизнь готовили себя к опасному походу в Тибет. Венгерец Александр Чома жил и умер в Гималаях. Он изучал тибетский язык, литературу и географию запретной страны. Но Чома умер, не перешагнув каменного порога Тибета, и его одинокая могила выросла на высотах Даржилинга.

Монахи-лазаристы, живя в Пекине, создали там богатую восточную библиотеку; в ней можно было найти много сведений о Тибете. Не мало потрудились над историей Китая и Тибета и русские ученые монахи из Пекинской миссии. Отцы Иакинф, Илларион, Аввакум, Палладий печатали свои труды о Центральной Азии. Крупным ученым, несомненно, был Иакинф Бичурин, приятель Пушкина. Этот блестяще образованный монах написал такие классические труды, как «История Тибета и Хухунора», книгу о Джунгарии и Восточном Туркестане, «Собрание

сведений о народах Средней Азии». Палладий был известен как комментатор Марко Поло, Аввакум, написал «Очерк истории сношений Китая с Тибетом». Но никто из современных Пржевальскому авторов — ни Риттер, ни Иакинф, ни Хукер не бывали сами в Тибете.

Последним путешественником-литератором, посетившим страну запрета, был Гюк. Многие считали его непреложным авторитетом.

Найдется ли человек, который откроет каменные двери Тибета, познает его вековые тайны и расскажет в новых, простых и правдивых, книгах обо всем, что он увидит за поясом бесплодных пустынь и диких гор?

Пржевальский был твердо убежден, что именно ему суждено стать этим человеком. Гюка он все же внимательно прочел.

Заслуги Пржевальского были признаны Географическим обществом. Он стал там «своим человеком». В доме у Александровского сада он встречался с Литке, Северцевым, Петром Кропоткиным. Здесь был еще человек, о котором тогда много и по-разному говорили, — бородатый, застенчивый, но настойчивый в своих хлопотах Миклухо-Маклай. В то время он воевал с адмиралом Литке, отстаивая свое право на путешествие в Океанию. Пржевальский тоже хлопотал, добиваясь от власть имущих поддержки своих новых дерзаний.

Миклухо-Маклая пугали тем, что его съедят папуасы. Для Пржевальского нашли другое пугало — дунган.

Влангали, генерал-майор и русский посланник в Пекине, был тогда в Петербурге. Именно от Влангали и исходили малоутешительные вести: пути в Ордос, Куку-Нор, верхнее течение Желтой реки отрезаны дунганскими мятежниками. Что там творится, было неизвестно. Отправляясь туда, молодой ученый подвергался невероятному риску, и неизвестно еще, кто страшнее — папуасы или дунгане.

Но разговоры эти мало смущали Пржевальского. Он сказал, что вот теперь-то ему и представляется удобнейший случай собрать все сведения о дунганском мятеже на месте. Он проникнет в сердце страны, потрясенной инсургентами, и добудет все, что требуется, о событиях в Срединной империи. Ведь русское военное министерство ровным счетом ничего не знает о дунгано-китайской войне и питается самыми неопределенными слухами. А тут нахо-

дится человек, который все это изучит на месте. И военный министр не стал возражать против поездки офицера Пржевальского.

Почти одновременно и Маклай добился разрешения на поездку в Новую Гвинею.

Немало было в ту пору разговоров об этих отчаянных и самонадеянных молодых людях.

Пржевальский начал сборы. Ягунова на этот раз взять с собой не пришлось. Преданный товарищ по уссурийским скитаниям учился в Варшаве. Бывший ученик Пржевальского, молодой офицер Михаил Пыльцов, дал согласие следовать за своим учителем.

ЗА ВЕЛИКОЙ СТЕНОЙ

Вот они едут из Кяхты на Ургу на двухколесной таратайке, которую тащит, весь обвешанный лиловым репейником, старый двугорбый верблюд. Переводчик-казак едет верхом на другом верблюде, а Фауст — верный легавый пес Пржевальского — бежит рядом с визжащей таратайкой. В этом экипаже добрались до Урги.

Под сводами ургинских кумирен царило смятение — престол Великого Хутухты Монгольского давно уже пустовал. Нового Хутухту надо было найти в Тибете, а путь туда был закрыт дунганскими мятежниками. Дунгане в то время грабили ближние к Урге города, в том числе Улясутай, и не прочь были посмотреть, какие сокровища лежат в хранилищах ургинских храмов. Вся Урга была под ружьем. Русский консул Шишмарев не советовал Пржевальскому в такое опасное время отправляться в путь через Гоби. Но Великий Охотник пропустил мимо ушей слова консула. Нечего сидеть зря в Урге, ждать у моря погоды и разглядывать вершину священной горы Богдо-Ула.

Навстречу холодному декабрьскому ветру караван вышел из Урги в пустыню Гоби. Пржевальский и Пыльцов, скрючившись в своей таратайке, стучали зубами от холода. Вороны летели за караваном, как бы в ожидании будущей добычи. Новый год — 1871-й — застал путников в просторах Гоби, среди необозримых равнин, где снег еле прикрывал сыпучую почву — крупный красноватый песок. Здесь было много охотничьих соблазнов: в траве, в стороне от верблюжьей тропы, паслись стада пугливых анти-

лоп — дзеренов. Но приходилось терпеть — на жестоком холоде нельзя зарядить штуцер.

В холоде, в ледяном ветре проходят дни. Область Халха осталась позади, верблюды уже попирают землю сахаров — окитаенных монголов, сторожей богдыханской границы. Скоро кончится лютное Монгольское нагорье, подернутое голубой поземкой. Караван вступит в густо населенный Китай, где можно будет дать отдых и людям и животным.

Но отсюда до долин Китая еще несколько дней пути. И делается сразу как будто теплее, когда Пржевальский показывает Пыльцову легкие очертания гор. За этим хребтом лежит Китай.

Перевалив через холодные горы, путники увидели у своих ног долины, обвитые белым, домашним дымом, зимнее серебро рек и узлы острых горных хребтов. Они перешли Гоби...

В Калгане караван остановился, и Пржевальский, вывалившись из таратайки, разминал ноги, прохаживаясь вдоль Великой Китайской стены. Трехсаженные стены из дикого камня; башни — сажени на три выше стен, мощные зубцы производят незабываемое впечатление. Стена проходит через просторы Азии на пять тысяч верст — от Манчжурии до верховьев Желтой и теряется где-то в дунганских краях.

Через Калган пролег великий чайный путь в Россию — с Голубой реки и Тянь-Цзина на Ургу и Кяхту. Пржевальский пять дней отдыхал в домах русских торговцев чаем, вечно раздражительных от постоянного вдыхания благоуханной пыли.

Собрав новый караван, оставив таратайку в Калгане, Пржевальский ведет путников к Пекину. Дорога тянется цветущей долиной с множеством городов. В горах Намху высится вторая Великая стена — еще внушительней и крепче внешней каменной изгороди Китая. Внутренняя стена висит над пропастями, взбирается на почти недоступные утесы, и от нее, как ветви, отходят еще три толстых стены. Они лежат поперек ущелья Гуань-Гоу; для того чтобы пройти к Пекину, надо миновать несколько мощных крепостных ворот. Зимнее серебро рек здесь обманчиво. Снег в благодатных долинах тает под лучами дневного солнца, стройные кипарисы вырисовываются в светлой дымке испарений. Зимующий грач спокойно рассказывает

по мокрому полю, дрозд кричит на сияющих ветвях. И курки штудера теплы от солнца. Пржевальский пускает пулю в жирную дрофу, что бродит в стороне от дороги.

Пекинские европейцы встретили Пржевальского приветливо, но здесь он начал бушевать. На него нередко находили приступы страшной мрачности и раздражения.

А дел в Пекине было много. Бегай сам по пыльным воюющим базарам, приторговывай верблюдов и двух верховых лошадей, покупай паклю, гипс, квасцы, пропускную бумагу для коллекций. Денег на экспедицию совсем в обрез — хорошо, что одолжил русский посол, но и то на дорогу осталось всего четыреста шестьдесят рублей... Европейцы удивляются: как Пржевальский пойдет с такими средствами в столь далекий путь?

Ни один из европейцев, живших в Пекине в то время, не был в областях к западу от Великой стены. Несколько лет тому назад, как говорят, отсюда, из Пекина, на Ордос пошел геолог Помпелли, но вернулся обратно, побоявшись опасностей. Бородатый барон Рихтгофен хотел достичь области Гань-Су, но возвратился, узнав о начале дунганского мятежа. Сейчас Рихтгофен сидит где-то в более безопасном месте и пишет свое огромное сочинение «Китай».

Пржевальский успокаивается, узнав, что в городе есть место, где останавливаются купцы из Тибета. Это — кумирня Си-Хуан-Сы возле ворот Ань-Дин. Здесь находят приют купцы, приведшие из Тибета в Пекин караваны с грузами ревеня, мехов, рогов антилопы. Вот где можно увидеть жителей запретной страны!

Пржевальского осеняет мысль: он будет купцом. Он идет в китайские лавчонки и покупает зеркальца, бусы, кораллы, ножи. Вот чем попытается он завоевать расположение вродосцев и кукунорцев...

Бережно пересчитав все состояние экспедиции, Пржевальский с Пыльцовым и двумя казаками вышел из Пекина, миновал проход Гу-Бэй-Коу в Великой стене и вскоре ступил на землю Монгольской степи. Февраль и март прошли в борьбе со снежными ветрами. Пыльные ураганы дружили здесь с метелью, градом и дождем.

В середине марта 1871 года Пржевальский вошел в Долон-Нур, город буддийских скульпторов. Здесь надо было заняться изучением ремесла созидателей богов. Статуи будд отливались из бронзы и чугуна монгольскими куста-

рями. Долоннорских богов вывозили отсюда даже в Тибет. Отсюда через всю Гоби в Ургу была перенесена огромная статуя Будды.

Но Пржевальский торопился на озеро Далай-Нор — наблюдать весенний пролет птиц. Берега озера были освещены ярким огнем; это горели степные травы, алые языки пламени качались в ночной тьме. Здесь было убито и приготовлено для коллекции сто тридцать разных птиц. Путники окоченевшими руками набивали чучела. Так прошло тридцать дней. Затем караван снялся и направился снова к чайному городу Калгану.

В Калгане пришлось расстаться с прежними казаками и взять двух новых, прибывших из Урги. Начался поход по раскаленному Монгольскому нагорью, под жаркими лучами майского солнца.

Пыльцов излазил все склоны хребта Шара-Хада, занимаясь ловлей бабочек, пауков и другой мелкой живности, встреченной здесь впервые. На земле цахаров высился второй горный хребет — Сума-Хада, а уже за этой скалистой гранью лежала область монголов — уротов.

В стране уротов Пржевальскому пришлось раз навсегда прекратить свою торговлю, а себя лишить звания бродячего купца. Дело в том, что монголы, приходя на стоянку, требовали у торговца самые непредвиденные товары: медвежью желчь, статуи Будды, тибетские лекарства и при этом усердно «исследовали» все, что находилось в лагере. Все это очень отражалось на научной работе. Пржевальский объявил свою походную лавку закрытой, выгнал наиболее настойчивых покупателей и посоветовал им ехать за идолами в Долон-Нор, а оставшимся сказал, что он не торговец, а русский «нойон» — сановник, что он путешествует по разным странам с милостивого разрешения высших властей Пекина.

С орлиных высот хребта Муни-Ула путники увидели золотистое ложе великой Желтой реки. Муни-Ула! Это название говорило о многом. Путники находились на западном конце огромного альпийского хребта Инь-Шань, куда не проникал еще никто из европейцев. Здесь, по поверьям кочевников, на вершине Шара-Орой скрыта железная чаша Тамерлана и лежит окаменевший слон... Александр Гумбольдт считал, что система Инь-Шаня связана с Небесными горами. Настало время проверить великого географа.

Две недели Пржевальский прожил в Муни-Ула, в соседстве с грифами и облаками. Когда караван спустился вниз, в долину Желтой реки, он увидел ошибку Гумбольдта — хребет Инь-Шань не имел связи с Небесными горами. Он кончался здесь, как бы низвергаясь в долину Хуан-Хэ (Желтая река).

Под несмолкаемый треск стай кузнечиков Желторечья Пржевальский, Пыльцов и казаки подошли к глиняным стенам города Бауту. Начальник города, мандарин в красных одеждах, за хороший подарок пообещал Пржевальскому пропустить его в страну Ордос — на тот берег Желтой реки. Они пили вместе с мандарином благоухающий чай, важный начальник Бауту снисходительно рассказывал русским о занятиях и обычаях жителей города. Здесь выделывают чугунные чаши для Ордоса и Монголии. Ночевали гости в тесной фанзе, под охраной пяти китайских солдат. Весь вечер солдаты за особую плату впускали во двор фанзы любопытных, желавших хоть одним глазом посмотреть на диковинных русских людей. На другой день обрадованный мандарин сжимал в кулаке обещанный подарок — томпаковые часы-луковицу.

Четыре странника, переправившись через Желтую реку, шагали по огромной равнине Ордоса.

ГЛИНЯНАЯ СТУПЕНЬ

Ордос — ступень к долинам Китая. Песок, глина, солонцы — вот из чего складывается эта ступень. Выше Ордоса лежит ближнее Монгольское нагорье. О происхождении Ордоса существовало предположение, что он не что иное, как дно бывшего водоема. На юго-западе лежала другая пустынная страна — Ала-Шань и Куку-Нор.

Пржевальский решил из Ордоса идти к Куку-Нору не прямым путем, а вдоль течения Желтой реки, пересекая Ордос по ее излучине.

Что сказать об этом путешествии? Это был полет горного орла над равниной, за которой лежат новые вершины. Тут были все напасти — и поверхность земли, нагретая солнцем до 70° по Цельсию, и горячие воды Хуан-Хэ, и тропические ливни, после которых над равниной клубились густые облака пара. Были и радостные дни, когда раем казался отдых у светлого ручья Тахылга, где можно было даже купаться и вволю наесться черепаховым:

супом. На берегах заново открытого озера Цайдемин-Нор русские храбрецы стояли десять суток. Июльские падающие звезды катились по чужому, синему до черноты небу и как будто тонули в камышевой тьме озера.

На дороге от Цайдемин-Нора путники наткнулись на развалины монастыря Шара-Дзу, где кричали каменные голуби и стремительно носились ласточки. Это было все, что осталось от поселения, где недавно еще жило две тысячи буддийских монахов. Сабли и пики дунганских всадников оставили глубокие раны на телах глиняных идолов. Священные книги Ганчжур, разодранные на клочья, валялись на земле. История Ганчжура была известна Пржевальскому. Индийские буддисты составляли этот свод заветов Будды, затем монахи в желтых шапках переводили Ганчжур с санскрита на тибетский и монгольский языки. И ламы и богомольцы уже много веков изучают по Ганчжуру устав монашеской жизни — «Виная», поучения Будды — «Сутры». Включенные в Ганчжур «Тантры» — не что иное, как изложение мистического ритуала, а «Праджнапарамита» — учение о высшем разуме. Все это — только отдельные разделы Ганчжура, который состоит не менее чем из ста томов. Английский изыскатель Сарат Чандра Дас видел, как ламы читают Ганчжур: ежедневно на это дело они затрачивают пятнадцать часов! Европейским ученым полный Ганчжур еще не известен. Буддисты так ценили священную книгу, что буряты приобретали ее за семь тысяч быков. Теперь столетние страницы Ганчжура лежат в пыли, и Пржевальский нагибается, чтобы поднять драгоценные бумажные лохмотья. Ему известно, что в Петербурге в научных библиотеках имеется всего-навсего два экземпляра книги Ганчжур.

Не раз верный Фауст лаял и звал к себе хозяина — посмотреть на страшную находку: скелет человека, наполовину скрытый травой, во рву возле монастыря.

В сыпучих песках Кузипчи Пржевальский нашел редчайшее растение *Pigionium cognatum*, известное миру только по находке ботаника XVIII века Гмелина. Две веточки, привезенные Гmeliным, в свое время были для ботаников дороже золота: одна хранилась в Лондоне, а другая в Штутгарте. Здесь гмелинского растения хватило бы на все музеи мира.

В таинственной области Ордоса, на глиняной ступени материка Азии, Пржевальский сделал важные открытия.

Он установил, что великая река Хуан-Хэ, о которой европейцы знали только по сказаниям китайских географов, вовсе не имеет разветвлений на северной своей дуге. Ему пришлось открыть и другое: оказывается, Хуан-Хэ переменила здесь русло и спустилась вниз к югу верст на пятьдесят.

Огни костров Пржевальского одиноко пылали в страшных песках Кузипчи, открытых им на правом берегу Хуан-Хэ. Река текла в этих шелестящих холмах. Среди песков отряд Пржевальского разыскал мертвый город, разрушенное наследие Чингиз-хана, — развалины, окруженные еще крепкой глиняной стеной, длиной в тридцать две версты.

Путники питались мясом одичавших домашних быков, бродивших вокруг развалин сел, разоренных дунганями. Когда-то мирные быки теперь были страшной бизонов.

За песками Кузипчи, название которых, кстати, означает «Ожерелье», потому что они тянутся правильными грядами, вставали скалы мощного хребта Арбус-Ула. Теперь можно было считать, что весь Ордос пройден.

На западной стороне извилины — «Большой подковы» Желтой реки — лежала вторая страна песков — Ала-Шань.

Пятнадцатого сентября Пржевальский, переправившись через Желтую, разбил свою палатку напротив города Дын-Ху, где разыгрался скандал с корыстолюбивым богдыханским генералом, начальником города: он выбрал понравившиеся ему русские вещи при осмотре багажа и бессовестно их зажил. Пржевальскому оставалось одно — громовым голосом обличать генерала в... пустыне, перед алашаньским саксаулом. Ведь из Дын-Ху пришлось уйти ночью, чтобы не дразнить гусей, и мандарин скорбел о том, что он не мог задержать Пржевальского. Сиятельному начальнику города Дын-Ху очень нравился штуцер Ланкастера в руках путешественника.

ПЕСЧАНОЕ НЕБО

В песках страны Ала-Шань стоял единственный город Дын-Юань-Ин. Он сторожил здесь необозримые песчаные пространства, столь обширные, что их называли Тын-гери, или Песчаное небо. Эти пески были огромным питомником ящериц, которые служили здесь пищей не только для птиц, но и для собак алашанского племени монголов — блютов. Монголами Ала-Шаня управлял владетель-

ный князь, носивший титул Алаша-Алаша-цин-Вана. Когда 27 сентября 1871 года Пржевальский, перейдя пустыню, увидел глинобитные стены княжеского города, из крепостных ворот навстречу русскому каравану выехали всадники князя. Узнав, что гости — не иезуитские миссионеры, о которых здесь ходили плохие слухи, всадники передали Пржевальскому приглашение владыки пустыни. Караван вступил в зеленый, окруженный холмами, оазис Дынь-Юань-Ин.

В самом сердце пустыни, на значительных высотах, лежал этот благодатный уголок Центральной Азии. Монголы-земледельцы украсили его хлебными полями, густыми парками и садами из тополя, ильма и яблонь.

Дунгане, побывавшие под стенами города, не могли разорить всего его цветущего великолепия. Великан-вяз раскидывал свой зеленый свод над кровлей глинобитного дома, прозрачные арыки журчали на улицах города. Дунгане успели истребить лишь пригородные рощи, дачу правителя и растоптать копытами коней поля за городской стеной.

Русские путники бродили меж сиреневых кустов, которыми славился Дынь-Юань-Ин. Сирень жалась к глинобитной угловой башне города. Пржевальский часто, нахмутив брови, подносил к глазам подзорную трубу. Из города были отчетливо видны горы Ала-Шаня. Голубой обьектив трубы задерживался на белых от снега горных зубцах; это была высочайшая вершина хребта — Баин Сумбур. В трубу можно было разглядеть альпийские луга. В этих горах стояли знаменитые буддийские монастыри — Ямун-Хит и Барун-Хит, где ламы выкармливали ручных голубей. К крыльям птиц ламы прикрепляли маленькие глиняные флейты; они пели в воздухе.

Пржевальский слушал рассказы об Ала-Шане. Горы были богаты зверями. До налета дунган на Дынь-Юань-Ин здешний князь имел небольшой зверинец в парке за городскими воротами; там по густой мураве бродили алашанские звери. Городские охотники промышляли в горах каменных баранов — «аргали». Их обычно отправляли в Пекин — для зверинцев богдыхана.

Дунган ожидали и здесь. Дынь-Юань-Ин прикрылся от врагов временными укреплениями — глиняными фортами и частоколом. Средний сын владетельного князя вооружил двести лам монастыря Ямын-Хит английскими ружьями;

теперь это монашеское ополчение стерегло оазис от дунган.

Пржевальский и Пыльцов особенно подружились с двумя сыновьями князя. Первого из них русские звали Гыгеном, то есть живым воплощением божества, чем он и считался здесь. Он носил титул — Алаша-ин Цин-ван хошун-уэн Саин Батаргу-логуи сумэ Ном-он хан джамцу ванджил — четырнадцать слов, которые, чтобы не сбиться с толку, надо было считать, как считают слова в телеграфной депеше.

Уверенный в своей божественности, Гыген однако был порядочным лоботрясом и страстным охотником, что вовсе не подходило ему, как буддийскому святому. Его брат Сий, или Олос-он Тушие гун дурбан дзырге Нэмэнсэн Балчинбандзаргу-чан, не отставал от Гыгена в части охотничьих забав. Дружба с принцами пустыни принесла Пржевальскому немало выгод. Втроем они ездили на охоту, осматривали город, причем за «святым» Гыгеном всюду следовала толпа лам — его друзей и слуг.

В шумной свите алашанских принцев состоял услужливый, уже немолодой, бородатый лама Балдын-Сорджи. Этот бывалый человек еще юношей ушел из Ала-Шаня в Тибет и восемь лет прожил в Лхассе. Такой приятель был для Пржевальского находкой. Они подружились и подолгу сидели вместе в фанзе. Балдын-Сорджи целыми вечерами рассказывал о Лхассе. Но как далеко это все отсюда: и гора Чагпори, и жилище далай-ламы — золоченая Потала. Лама Балдын-Сорджи, как колдун, заворожил путников. Ведь он сам видел улицы, по которым ходят монахи из Кашмира, Непала, Китая, смотрел на золоченые кровли главного храма Чжо-Кан, склонялся перед огромной статуей Будды, молился тополю, будто бы выросшему из волоса божества.

Лхассу Балдын-Сорджи знает хорошо. В его воспоминаниях Тибет оживает — алашанский лама как будто наяву видит перед собой и золотые лампы храма Сэр, и чстыреста белых ступеней, которые ведут ко входу в Подан² Марпо — к дверям Красного дворца владыки Тибета. Балдын-Сорджи не раз видел, входя в Лхассу с севера, десять горных вершин, сторожащих город вечных тайн.

...В Гималаях идет борьба за право исследования Тибета. Полковник Монгомери в Калькутте держит у себя в

столе первую карту Тибета, составленную иезуитами еще в 1717 году. С тех пор с'емка Тибета не продвинулась почти ни на шаг. У полковника Монгомери собраны и сохранены в отличном порядке все печатные сведения о связях Англии с Тибетом. В исторических сводках Монгомери факты пребывания англичан в Тибете приведены очень скупо. Тибетцы упрямые. Они не пускают в свою страну чужеземцев. Был такой Томас Меннинг, служащий Ост-Индской компании. Он столько наслушался рассказов о Тибете, что потерял сон. Он писал одному из своих друзей, что не успокоится, пока не побывает в Тибете. Благоразумный друг писал Меннингу: «Постарайся излечиться. Выпей чемерицы... Перестань читать путешествия, все они ложь...»

Но Меннинг не успокоился... Он выучил язык, переделался китайским врачом и пробрался в Тибет в свите одного мандарина. Затаив дыхание в груди, Меннинг опустился на колени перед далай-ламой и принял от него благословение. Это было в 1811 году, но дневник Меннинга был издан только через шестьдесят с лишним лет, — так что Монгомери не мог почерпнуть из него нужных сведений.

В 1826 году Муркрофт проник в Лхассу, как знатный кашмирец, снял там дом и обзавелся стадами коз и быков. Стада свои Муркрофт отправил на пастбища, в ущелья вокруг Лхассы, наняв для присмотра за скотом тибетских пастухов. Занимаясь животноводством, «кашмирец» Муркрофт в это время успевал делать с'емки подступов к Лхассе, под предлогом поездок для осмотра стад. Калькуттские легенды утверждают, что Муркрофт прожил в Лхассе двенадцать лет. Потом он продал быков и коз и отправился в Ладак, но по дороге был убит разбойниками. Вот и вся история доктора и животновода Муркрофта.

Как человек весьма деятельный, полковник Монгомери понял, что надо начинать сначала. Прямые попытки дипломатических связей терпели поражения. Монгомери великолепно знал о том, как генерал-губернатор Британской Индии, знаменитый Уаррен Гастингс, в 1774 году очень неудачно посылал миссию в Тибет, затем Гастингс отправил полковника Тернера. Когда и в этом случае тибетцы остались непреклонными, генерал-губернатор построил в Калькутте тибетский храм. Это было средством для при-

манки хотя бы ладакских тибетцев в Индию. Но все шло по-старому. Европейцев в Тибет не пускали.

...Почтенный Балдын-Сорджи был чем-то вроде церемониймейстера при особе алашанского князя. Правитель Ала-Шаня через него милостиво пригласил Пржевальского и Пыльцова ко двору. Сорджи от души советовал гостям выполнить местный обычай и разговаривать с князем колениопреклоненными. Пржевальский заявил, что о таком порядке представления не может быть и речи. Старый лама стал приставать к казаку-переводчику, чтобы хоть он согнул колени перед князем. Но казак угрюмо и решительно отклонил совет Балдын-Сорджи.

Вспоминая свиданье с князем, Великий Охотник не пожалел чернил для описания пороков правителя Ала-Шаня. Взятчик, деспот, опиофаг, трус, стяжатель — все эти качества князя нужно было бы оговорить в его титуле! Все же, когда им приходилось встречаться, они беседовали очень мирно. Князь угощал гостей купленными в Урге русскими леденцами и пряниками и милостиво заявлял, что он рад видеть людей России на своей земле. Потом князь понес страшную чепуху, утверждая, что европейцы наливают в фотографические аппараты жидкость из выколотых глаз, причем для этой цели любители снимков ослепляют детей! Князь поэтому настоятельно просил гостя привезти из России аппарат для с'емок.

Он милостиво разрешил гостям с'ездить для охоты в горы Ала-Шаня и даже дал проводников. В скалах Ала-Шаня таилась неведомая жизнь. Голубые ушастые фазаны вырывались прямо из-под ног охотников; груды камней внезапно шевелились — это таились около серых утесов куку-яманы, быстрые горные бараны. Легкорогий олень звал к себе свою подругу. Затем наступала такая тишина, что, казалось, можно было услышать шорох бесчисленных жуков-дровосеков.

Горы Ала-Шаня, как острый каменный нож, прорезали пустыню. По одну сторону их лежали владения алашанского князя, по другую — огромная область Гань-Су. Туда можно было пройти по крутому перевалу между двумя острыми вершинами. Обе эти вершины похожи на зубцы, поднявшиеся над прямой линией кремневого лезвия. Название этих зубцов — Баян Цумбур и Боготай. Пржевальский встречал зарю на первой из этих вершин и, забыв на полчаса об измерении высоты, не отрываясь,

смотрел на четыре стороны азиатского материка. Если встать лицом к родному северу, по одну сторону останутся русло Желтой реки, бесчисленные озера, рисовые поля Гаиь-Су и двенадцатиярусная башня города Нин-Ся, возле которого когда-то умер Чингиз-хан. По другую сторону будут убегать на дикий запад золотые бугры «Песчаного неба».

В горах Ала-Шаня Пржевальский полностью отдался своей охотничьей страсти. На лютики и гвоздику альпийских лугов полилась кровь ушастых фазанов и голубых баранов. Здесь была и другая добыча, скрытая в нагромождениях гор и россыпях песка у подножий ущелий: уголь и золото дремали в недрах Ала-Шаня. Этого европейцы до Пржевальского не знали. Дунгане, потрясая узорчатыми клинками и фитильными ружьями, ворвавшись сюда, искали золото в кумирнях монастыря Цзун-Хит — на страшной крутизне в шесть с половиной тысяч футов. Они нашли золото в столетнем монастыре, но сколько золотых россыпей попирали они ногами на дне синих ущелий! Пржевальский жалел, что не взял с собой в экспедицию геолога.

Он измерил длину и высоту каменного гребня Ала-Шаня. Сидя на гранитном престоле, на самой высокой вершине хребта, он, как волшебник, колдовал у огня и звал к себе солнце. В жизни это обстояло проще. Небритый широкоплечий человек в изодранном полушубке и армейской фуражке кипятил на большом камне воду, необходимую для измерения высоты гор, и брал высоту солнца. Когда он поднимался во весь рост, в ярко-голубом небе на высоте его плеч плавали орлы.

Загорелый, шумный, голубоглазый, он принес в Дынь-Юань-Ин свою добычу — шкуры голубых баранов, травы, цветы и листки исписанной бумаги. В Ала-Шане он нашел насекомых северного типа: жуки-дровосеки, например, были очень похожи на сибирских.

В кошельке Пржевальского оставалось всего сто рублей. Посоветовавшись с Пыльцовым, он решил продать кое-что из имущества принцам Ала-Шаня. В руки Гыгена и Сия перешли пыльцовское ружье и швейцарский штуцер. Обрадованный Гыген перестрелял из русского ружья всех ворон и удонов в столице Ала-Шаня. На деньги от этой продажи отряд открывателей решил вернуться в Калган

и там думать, как достать средства на дальнейший поход в Тибет.

Оба принца пустыни, расставаясь с Пржевальским, звали его как можно скорее обратно в Дынь-Юань-Ин. Они хотели при первой возможности съездить вместе с Пржевальским в Петербург.

На пути в Калган случилось несчастье: Михаил Пыльцов заболел тифом. Он лежал, закрыв глаза, в палатке возле ручья Хара-Морите, на севере пустыни Ала-Шань. Но через несколько дней бледный, исхудалый Пыльцов сел в седло, и караван снова пошел на Калган сквозь выюги, нагнавшие путников за хребтом Хара-Нарин-Ула.

Так они шли в пустыне, огибая знаменитую «Большую подкову» с западной ее стороны, к городу Бауту, в дни, когда от мороза горячая баранина застывала у рта и когда больной Пыльцов, чтобы хоть немного согреться, спал рядом с верным псом Фаустом.

Они шли под снеговыми тучами, дрожали на заре от холода плоскогорий, видели багровое солнце, плывущее к ним со стороны пустыни. В канун нового, 1872 года, поздно вечером, они снова увидели огни чайного города Калгана. Скоро зашумели самовары в домах русских чаоторговцев, началась двойная праздничная суета: гостей надо было вымыть, переодеть, а потом уже поить и кормить. Очевидцы рассказывали, что не только спутники Пржевальского, но и он сам плакали, сидя в ту ночь в теплой, чистой комнате. Чаоторговцы, глядя на измученных людей, слушая их бессвязные рассказы, плакали тоже, а потом кидались наливать нежданым гостям чай, огненный ром, подвигали к ним блюда с пельменями. У Пржевальского были отморожены пальцы — по два на каждой руке — при съемах пройденного пути. Сухая запись в заветной книжке, сделанная отмороженными пальцами, говорит о том, что четыре человека прошли, большей частью пешком, более трех с половиной тысяч верст на пространстве от озера Далай-Нор до Желтой, Ордос, Ала-Шань и достигли северной границы области Гань-Су.

Что-то даст новый, 1872, год? Первый пост Пржевальский поднял за лазурные воды озера Куку-Нора!

Восемнадцатого марта 1872 года Пржевальский выступил из Пекина, взяв с собою новых людей — двух казаков: Дондока Иринчинова и Панфила Чебаева. Деньгами Пржевальский разжился у русского посла, выпросив взаймы тысячу рублей. После снаряжения осталось только сто семьдесят четыре рубля. Итти на Куку-Нор, а оттуда в Лхассу с этими рублями мог только неутомимый человек, открыватель земель, ученый, охотник.

В апреле он уже бродил между кустами цветущего дикого персика в горах Муни-Ула, а в мае вступил снова в Дынь-Юань-Ин. В это время смуглые кочевники-тангуты пришли сюда со своим караваном. Они направлялись в окрестности Куку-Нора, и Пржевальский решил пристать к ним. Тем временем почтенный лама Балдын-Сорджи вдруг начал плести хитрую тайную сеть, стараясь помешать русскому уйти с тангутами. Но Пржевальский, поняв и расстроив козни Балдын-Сорджи, все-таки двинулся с тангутами на просторы Гань-Су. Богомольцы, стремящиеся в Лхассу, ламы-воины с пиками и кремневыми ружьями, сумрачные тангуты-погонщики и новый приятель Пржевальского, говорливый тангут Рандземба — вот кто были спутники экспедиции. Рандземба получил от русских новое имя — Аввакум. Караван пылил мимо ганьсуйского города Даджина, спускался в долину благодатной реки Тэтунг-Гол.

Тангуты были привычны к странствованиям. Они постоянно присоединялись к караванам лхасских богомольцев и охотно ходили по святым местам. Народ, близкий к тибетцам, тангуты резко отличались от своих родичей не только наружностью, но и всем образом жизни. Впоследствии Пржевальский хорошо изучил тангутов, узнал про них все плохое и хорошее. В первые дни знакомства ничего хорошего про них сказать было нельзя. Тангут смел, но коварен, свободолюбив. Его, как огня, боялись мирные монголы. Чернобородые тангуты делают набеги на стоянки караванов и кочевья монголов, а потом «замаливают» грехи. Возвращаясь из набегов домой, в свои шатры, покрытые шкурами яков, тангуты делят добычу и пируют. Потом на них находит раскаянье. Тогда обитатели косматых шатров скачут на берега Куку-Нора, нападают на рыбаков и, отняв у них улов, выпускают рыбу обратно в озе-

ро. Таким жертвоприношением бородатые тангуты надеются вымолить себе прощение за разбой.

Пржевальскому не страшно ехать дикими местами рядом с черноволосыми всадниками, мечи которых редко покоятся в ножнах. Они не тронут Великого Охотника — тангуты чувствуют силу, уверенность и бесстрашие этого человека.

В горах Гань-Су затерялись две кумирни. Стены кумирни Чертынон были выкрашены в зеленый, красный и желтый цвета. Здесь Пржевальский гостил у местного гыгена-художника, подарил ему стереоскоп, чем очень привязал к себе святого отца. Пржевальский взошел на высочайшую вершину хребта — Соди-Соруксум и развел огонь. На несколько минут он забыл о кипячении воды, нужной ему для определения высоты вершин. Как зачарованный он смотрел на долины и ущелья.

«Я первый раз в жизни находился на подобной высоте, впервые видел под своими ногами гигантские горы, то изборозжденные дикими скалами, то оттененные мягкой зеленью лесов», — записал он в своей книжке.

13 600 футов — такова была высота Соди-Соруксум. На второй ганьсуйской вершине — Гаджур Пржевальский нашел спокойное светлое озеро Демчуг. Это произошло тогда, когда у подножья вершины, сгрудившись, стуча стремянами о стремяна, размахивая пиками, проносились отряды конных дунган... Пламенная рябина уже осыпалась в гаджурских ущельях, когда Пржевальский, узнав о набеге дунган, возвратился в кумирню Чейбсен, которую он тоже, как и Чертынон, превратил в опорный пункт своего пребывания в Гань-Су. Ламы суеились, готовясь к осаде, и умоляли Пржевальского защитить их от разбойников. Тогда он, не долго думая, вышел из стен кумирни и расположился лагерем на открытом со всех сторон лугу, в виду монастырских стен. Один из казаков остался в карауле, остальные трое путешественников заснули и спали до утра. Их разбудили солнце и крики птиц. Встревоженные ламы за стенами Чейбсена говорили о чуде — дунгане не осмелились напасть на четырех богатырей. Дымились жертвенные свечи, монахи возносили моления перед двухсаженным истуканом, который, несомненно, управлял железной рукой человека с голубыми глазами.

О дунганах, их происхождении, жизни и нравах, о знаменитом дунганском восстании написано немало научных

работ. Но все исследователи XIX и начала XX века в один голос утверждают, что ни вопрос о происхождении дунган, ни история восстания никем не были исследованы в достаточной мере. Все авторы — от Элизе Реклю до полковника Костенко, военного историка Средней Азии — затрудняются дать точную характеристику дунган, как народа. «Китайские мусульмане» — под таким общим названием известны дунгане в научной литературе.

Кто они, эти таинственные люди? Они носят китайскую одежду, но бреют головы, как мусульмане. Они чтут законы Магомета и считают китайцев язычниками. Дунгане населяют Гань-Су, Шань-Си, их много живет и в тянь-шанских областях. Если вы поедете в Каракол, Джаркент или даже в Алма-Ата — вы встретите дунганина. В Джаркенте он мирно сидит в артельной харчевне напротив Дунганской улицы и ест лапшу с гороховым студнем.

Считают, что дунганское восстание началось еще в 1862 году. Вспыхнуло оно с необычайной силой в провинции Гань-Су. Дунгане вырезали китайские гарнизоны и на место мандаринов ставили дунганских ахунов. Гнев дунганского народа справедливо обрушился на слуг богдыхана, купцов, феодалов. Освободительные цели восстания вскоре были преданы забвению. Война «правоверных» мусульман с язычниками китайцами — вот во что фактически превратилось восстание. Дунгане принялись вырезать также и монголов, чем окончательно восстановили против себя степных кочевников. Пламя мятежа разрасталось, бежало по пустыням, врывалось в цветущие оазисы и превращало их в груды пепла. Напрасно китайский генерал То принимал бои с дунганами: его войска терпели поражения, и дунгане занимали города и крепости, уничтожая все на своем пути. Передают, что инсургенты собирали особые отряды из стариков и женщин, на обязанности которых лежали сбор и увоз награбленного. Ни в чем не повинный китайский народ и монгольские племена были приведены в ужас. Генерал То воевал с дунганами пять лет, но ничего не мог поделать.

В 1870 году известный китайский военачальник Ли Хун-чан сменил То и оттеснил дунган, прижав их к северной ограде Тибета. Но истребление людей не прекратилось, в просторах Азии попрежнему пылали подожженные дунганами поселения и города. Мусульмане хватали китайцев и забивали телами живых пленников глубокие колодцы в

когда-то цветущих оазисах Гань-Су. Под Синином гремели выстрелы, и китайский знаменосец шел впереди войска, размахивая бамбуковой пикой, на конце которой трепетал алый шелк с вышитым на нем драконом.

Как далеко было богомольным тангутам до дунган!

Пржевальский знал, что дунгане не только бродят вокруг Чейбсена, но ими наводнена вся провинция Гань-Су. Столь страшные «хой-хой», как они называли себя, бежали в Чейбсен после того, как потерпели поражение от китайских войск. Облаченные в черные халаты, с фитильными ружьями, пиками и трезубцами в руках, дунгане мечутся в голубых ущельях, истребляя все живое на своем пути. По следам дунган идут китайские мандарины с четырьмя пушками из Пекина и выбивают «хой-хоев» из занятых ими городов. Целых десять лет тянется дунгано-китайская война, и никто не знает, когда она кончится.

Кто зажег в Китае этот десятилетний пожар? Когда-нибудь, когда все уляжется, во всем этом разберутся знатоки-историки и ученые обозреватели генеральных штабов. Но Пржевальскому сейчас не до этого, ему надо пройти к Куку-Нору, под пулями дунган, навстречу ветру, зною и морозу.

Пржевальский с радостью вспоминал пребывание в Чейбсене, на реке Тэтунге. Быстрая гремучая река катила свои волны по каменистому дну. Густые леса поднимались по горным уступам, выше начинались альпийские луга. Было приятно и то радушие, с которым встретил русских настоятель Чейбсена — Ловзен-Гобден Шабджюбнима. Пржевальский сделал кое-какие подарки настоятелю, после того как они подружились. Русские в Чейбсене осмотрели буддийские святыни. Здесь стоял сверкающий позолоченной кровлей кирпичный храм, украшенный тысячами идолов из Долон-Нора. Храм звался Тарлым-сэн-сэр-лан. Он считался главным. Кроме него, в Чейбсене было еще два, меньших, храма.

Пржевальский измерил высоту, на которой стоял Чейбсен: 9350 футов.

Тангутский караван уже давно расстался с нашими путниками. Они движутся к Куку-Нору со случайными проводниками, монголами-скототорговцами, спрятав коллекции в кумирне Чертынон у гыгена-живописца.

Совершилась неизбежная встреча, которой Пржевальского пугали еще в Петербурге. Сто конных дунган, держа

наперевес ружья и копья, соблюдая страшное молчание, движутся навстречу. Они знают, что путники, спускаясь с перевала, должны пройти длинное узкое ущелье. И дунгане спокойно и уверенно занимают единственный гранитный выход. Тишина... Кажется, что слышно, как дышат дунганские кони и потрескивают фитили тяжелых ружей, похожих на весла. Монголы-проводники стонут, бормочут молитвы и закрывают глаза. Великий Охотник, Пыльцов, Чебаев и маленький Дондок Иринчинов велят монголам вести верблюдов, а сами, взяв штуцеры на руку, идут прямо на дунган. Десять, двадцать шагов... тридцать... Дунгане торопливо прикладываются к весловидным ружьям. Залп! Пули падают на дно ущелья. Расстояние уменьшается, отчетливо видны лица всадников. Пржевальский уже хочет скомандовать: «Огонь!» — как вдруг дунгане с воем поворачивают коней и, уступив дорогу каравану, рассыпаются в стороны.

Так отряд прошел ущелье и двинулся по тибетской дороге, по которой уже десять лет не ходил ни один караван ахасских паломников. Черные шатры в стойбищах каратангутов давали приют победителям дунган. Пржевальский смотрел на неведомую для всего мира жизнь людей с черными, как у цыган, волосами, с почти орлиными носами и с иным, чем у китайцев, разрезом глаз. Каратангуты настолько выносливы, что спят на мерзлой земле. Китайцы зовут их народом Си-Фань — западными варварами.

Двадцать шестого ноября 1872 года на берегу Куку-Нора русские казаки поставили истрепанную бурями палатку своего начальника. Зачарованное голубое озеро с соленой водой лежало на высоте трех верст над уровнем океана в оправе из снежных гор. Куку-Нор еще не покрылся льдом, и свежий ветер гнал к востоку крутые медленные волны. Они уходили за горизонт.

«Мечта моей жизни исполнилась. Заветная цель экспедиции была достигнута. То, о чем недавно еще только мечталось, теперь превратилось в осуществленный факт. Правда, такой успех был куплен ценой многих тяжелых испытаний», — писал Пржевальский в то время, когда казаки варили первый на Куку-Норе обед.

Он опять приносил жертвы — водою и огнем — науке, кипятя воду для измерения высоты, брал высоту солнца, измерял силу ветра, летевшего с Тибета. Только два человека — французские миссионеры Гюк и Габе — пытались

дать подробные сведения о Куке-Норе. Лет за двадцать до того, как Пржевальский ступил на берег загадочного озера, миссионер Габе умер в Бразилии. Его товарищ Гюк вскоре выпустил книгу об их совместном путешествии в Тибет. О книге этой мы уже знаем. Велеречивый монах внес в свои записи столько фантастики, что долгое время позднейшие географы вообще сомневались — были ли Гюк и Габе действительно на Куку-Норе.

Пржевальский первым описал Куку-Нор таким, каким он видел это озеро, окруженное горами и солончаковой степью. Вечернее солнце пылало, опускаясь в озеро, как в темноглубую тучу, в степи кричал дикий осел — зверь Джан по-тибетски. В банагах — черных шатрах кара-тангутов — горели костры из сухого помета яка — аргала.

Тсинг-Тай — Синее море, — так звали Куку-Нор китайцы. Тангуты дали ему название: Цок-Гумбум. Огромное горное озеро окружностью в триста сорок верст лежало на высоте в десять тысяч пятьсот футов. Вдоль северных и западных берегов лежали степи, не очень высокие холмы поднимались над ровными пространствами. Вся степь была изрыта норами пищух (этот вид степного зверька был здесь открыт Пржевальским). Над норами пищух кружились орлы. Обилие рыбы привлекало к водам озера орланов, скопу и других крылатых пожирателей рыб. Семьдесят речек и ручьев вливали свои воды в Куку-Нор. На озере было пять островов; самый значительный из них носил название Лун-Цюй-дао. На нем жили буддийские отшельники. Только зимой, когда озеро покрывалось толстым льдом, туземцы Куку-Нора посещали остров, принося пищу отшельникам. На всем Куку-Норе нельзя было отыскать ни одной лодки. Пржевальский об этом очень сожалел — он не отказался бы отправиться в гости к островным монахам.

Пржевальский смотрел на зыбкие воды Куку-Нора. Самый слабый ветер вызывал здесь сильный прибой. Монах Гюк уверял в своей книге, что на Куку-Норе, как на море, бывают приливы и отливы. Великий Охотник терпеливо проверял, прав ли был Гюк. Наблюдения показали, что о приливно-отливных явлениях на Куку-Норе не может быть и речи.

Пржевальский глядел на распяленные свежие шкуры зверей. Здесь он впервые добыл дикого осаа и красавицу антилопу «*Gasella Przewalskyi*». На карте появились

очертания Куку-Нора. Озеро походило на сердце или на червонный туз, острым концом обращенный к юго-западу.

Весть о четырех неведомых людях, пришедших на берег озера, разнеслась по всей области Куку-Нор. Через несколько дней в палатке Пржевальского сидел необычный гость. Это был тибетец Камбы-Нансу, посол далай-ламы к китайскому богдыхану. Камбы-Нансу еще в 1862 году выехал из Лхассы в Пекин, но в пути был застигнут дунганским мятежом. С тех пор он отсиживался на Куку-Норе, боясь вернуться обратно в Лхассу, и выжидал времени, когда будет можно проехать в Пекин. Далайламские подарки богдыхану и почта хранились Камбы-Нансу в надежном месте, а сам он десять лет подряд слонялся по кочевьям кара-тангутов и монголов.

Камбы-Нансу, узнав, что четверо русских путешественников отбились от сотни «хой-хоев», загорелся желанием ехать с ними обратно в Лхассу! Посол клялся, что далай-лама будет рад приходу русских, давал слово, что гости будут с почетом приняты владыкой Тибета. Золотой фазан удачи, казалось, сам давался в руки охотника! Но Пржевальский только поблагодарил посла за приглашение в Лхассу. Деньги у Пржевальского пришли к концу, верблюды еле держались на ногах. Продавать последние ружья кара-тангутам, чтобы потом погибнуть от чужих пуль? Пржевальский в раздумьи бродил по берегу Куку-Нора, думая о том, что для похода в Лхассу нужна только тысяча китайских лан. Он решил отказаться от предложения Камбы-Нансу, но тем не менее дойти хотя бы до границы Тибета. Пересчитав свои деньги, он пошел к кукунорским монголам, выменял — с доплатой — старых верблюдов на новых, положил в кошелёк последние сто лан и двинулся в путь вдоль северного, а потом западного берегов озера.

По дороге он открыл Южно-Кукунорский хребет. Горы эти лежали за острым концом кукунорского «сердца». Перевалив через горы, путники вступили через некоторое время в страну Цайдам, простершуюся от 90 до 96 меридиана. Земля, пропитанная солью, вела его к самой тибетской ограде — хребту Бурхан-Будда. Через соленые болота Цайдама путники достигли подошвы хребта и стали пробираться к перевалу, за которым лежал Тибет.

Гюк, сочиняя свою книгу о Тибете в тишине монастырской библиотеки, пугал просвещенный мир «заразительными газами» высот Бурхан-Будды. Китайцы и тибетцы в один голос говорили о каких-то смертоносных испарениях «чжан-ци», которыми окутана стена Тибета. Гюк клялся, что он сам видел эти испарения, когда находился у подножья Бурхан-Будды. Он тогда и нашел лекарство от горных «газов»: восходя на перевал, он жевал чеснок, обильно посыпанный цайдамской солью. Гюк удивлялся — почему на высотах Бурхан-Будды не горят костры? Это он объяснял не сильной разреженностью воздуха, а все теми же пресловутыми «вредными испарениями»...

Несмотря на то, что путь на перевал не так уж и крут, верблюд мотает косматой головой, хрипит; пена вылезает из его пасти. Напрасно проводник Чутун-Дземба понукает верблюда: он падает замертво на гремучую каменную россыпь.

Трудно дышать и людям. Пржевальский, Пыльцов, Иринчинов и Чебаев идут по серому щебню, шатаясь и часто хватаясь за сердце. Так они бредут к каменистому венцу Бурхан-Будды, и этот путь возносит их на высоту, почти равную Монблану. Они садятся отдохнуть на обломки дикого сиенитового порфира. Страшное синее небо висит над самой головой, облака остались внизу, и тень от них скользит по соленым болотам Цайдама. Пржевальский измерил высоту: венец Бурхан-Будды поднимался на 13 500 футов над уровнем моря.

Одежда путников изорвана, к голенищам сапог пришиты куски звериных шкур. Люди спускаются вниз, по южному склону Бурхан-Будды.

Мечты сбываются... Ветер Тибета шевелит лохмотья путников, они пьют воду первой тибетской реки Номохул-Гол и видят новую каменистую гряду — трехсотверстный угрюмый хребет Шуга, опоясанный осыпями цветных глин.

Между Шуга и еще одним хребтом — Баян-Хара-Ула — на высоте в 14 тысяч футов распростерлась одна из страшных и бесплодных тибетских пустынь. В одном из ее углов мерцают вечным снегом вершины — начало великой цепи Куэн-Луны. Бурхан-Будда и два его собрата — Шуга и Баян-Хара-Ула, несмотря на свою огромную высоту.

совсем лишены снежного убора. Все это и есть Северный Тибет, страна-загадка, овеянная пыльными бурями, где неистовый ветер поднимает с бесплодной земли мелкие камни, где великое нагорье похоже на застывшие желтые волны.

Здесь Пржевальский пробыл два с половиной месяца, скитаясь по взнесенным к небу глинистым и каменным пустыням, в угрюмых горах, где до самых истоков Голубой реки не встретишь ни одного человека. Сухой помет — аргал — плохо горел на такой высоте, вода закипала медленно, и люди не могли сварить себе обед. Спали вповалку на войлоке, положенном прямо на холодную землю.

Питались яками. Пули спутников Пржевальского находили косматых яков у холодных северных склонов скал, где они любили прятаться от зноя. Чудовище, издавая страшный рев, падало на колени. Часто охота на яков была очень опасной — раненый зверь кидался на стрелка. Великий Охотник в Северном Тибете занялся подсчетом добычи. Вместе с Пыльцовым и казаками он убил тридцать два яка и много других зверей. Звери дали девятьсот пудов чистого мяса. Чуть обваренное сверху, полусырое мясо было источником силы. Его ели на утренней заре, ели в полдень, после полудня, вечером и даже темной тибетской ночью. Пржевальский ходил по следам зверей. Он наблюдал жизнь яков, пугливых антилоп — оронго, куланов, тибетских волков и лисиц — «кярс». Зоологические коллекции пополнялись новыми шкурами. Двое казаков поднимали для просушки черную семипудовую шкуру яка... В пищу шла также дзамба — размолотый поджаренный ячмень.

Новый, 1873, год Пржевальский встречал снова вдали от родины. На этот раз не было и случайного праздника, тепла калганских комнат. Четверо русских и их проводник монгол Чутун-Дземба, никогда не расстававшийся с молитвенным барабаном, сидели вокруг скудного огня в юрте. Они сосредоточенно жевали жареный ячмень и ели холодную болтушку из муки. Это было все, что осталось у них из припасов.

Двадцать третьего января, преодолев на пути из Цай-дама три горных перевала и пустыни, отклоняясь то вправо, то влево от главной тропы, они пришли на берег великой Голубой реки. Здесь, в верховьях, Голубая, или Ян-Цзы-Цзян, звалась по-монгольски Мур-Усу и по-тан-

гутски Ды-Чу. Говорили, что она скрывает в своих пещерах золото. Если идти по Голубой десять дней, можно увидеть золотые кровли лхасских дворцов и кумирен. Путь в Лхассу проходил почти у самых истоков Ян-Цзы-Цзян. Но как идти к Лхассе, когда три верблюда уже издохли, когда сами путешественники еле передвигают ноги. До запретного города осталось восемьсот верст. На Голубой надо было отдыхать и отъедаться. Здесь также не было встречено следов человека. Но животный мир поражал своим богатством. Стада яков, как черные тучи, бродили по степи. Дикие ослы взметали копытами пыль и редкий снег. Антилопы, горные бараны держались стадами, не тревожимые никем. Недаром Тибет назывался туземцами Гурёсу-Гадзыр — Страной зверей.

Когда люди отъелись и немного отдохнули, Великий Охотник повел их обратно — через Шугу, Бурхан-Будду и Цайдам. В марте они пришли к ледяному Куку-Нору, где продали револьверы и добыли верблюдов. Ох, эта вечная торговля!

В ганьсуйских горах цветущие примулы и ирисы утром освобождались от ночного снега. Пржевальский считал, что семьдесят шесть видов растений в полном цвету великолепно переносят здесь ночные вьюги. Лама из кумирни Чертынон сберег оставленные у него на сохранение коллекции и честно просмотрел через стекла стереоскопа все подаренные ему картинки. Этот безвестный лама оказал неоценимую услугу русской науке, о чем и сам, наверное, не подозревал.

В Гань-Су у путешественников вышла вся дробь, нечем было стрелять снежных грифов для коллекций. На пути в Дынь-Юань-Ин отряд едва не погиб от жажды, потеряв колодезь Шангын-Далай. В июле в горах Ала-Шань лагерь Пржевальского едва не снесло потоком после страшного ливня, когда с гладких круч низвергались грязно-желтые водопады, вывертывая с корнем деревья. В июле стряслась еще беда — сдох верный пес Фауст, прошедший с хозяином несколько стран.

Из Ала-Шаня Великий Охотник совершил путь на Ургу не через Калган, а прямой тропой через самую дикую область великой Гоби. Жара достигала 45 градусов в тени, почва раскалилась до 63 градусов. Сорок четыре перехода было сделано по этой кромешной жаре. Пржевальский сердито говорил, что он хотел бы идти скорее

по Сахаре, чем тащиться по пескам Шамо. Только в сентябре караван подошел к реке Тола...

Через день Яков Парфенович Шишмарев, усатый русский консул в Урге, увидел перед своим домом четырех людей в меховых обтрепанных сапогах. Бурые от грязи рубахи без рукавов сползали с плеч.

Яков Парфенович, бывалый человек, во все глаза смотрел на Пржевальского сквозь свои серебряные очки. Консул из бывших троицкосавских канцеляристов, сподвижник Муравьева-Амурского, любил точность. Когда гость из Тибета, исхлестав о свое могучее тело не один веник в шишмаревской бане, расхаживал по комнатам русского дома, удивленно рассматривая себя в зеркало, консул попросил рассказать, хоть коротко, об итогах скитания хребцов.

Выслушав гостя, Шишмарев от волнения стал протирать очки. Три года в пустынях! Одиннадцать тысяч сто верст пройдено — большей частью пешком. Консул невольно взглянул на карту. Пространство от границ России до верхнего течения Голубой теперь уже нельзя считать белым пятном. Оно все будет положено на карту. А новые народы, звери, птицы, цветы! Любопытный Шишмарев был свидетелем того, как гость разбирал свои грузы, от которых чуть не ломались хребты измученных верблюдов. Вечная благодарность доброму ламе-художнику, так хорошо сберегшему все это! Тысячи шкурок 238 видов птиц, 130 шкур животных 42 видов, шкурки змей и древних рыб Куку-Нора, гербарии — 4000 экземпляров растений, разная утварь, горные породы — чего только не было во вьюках каравана! В бумагах Пржевальского лежали драгоценные записи о гидрографии бассейна Куку-Нора, метеорологические дневники, списки пунктов, где были определены широта и долгота, данные о магнитном отклонении, исчисление высот Тибета и протяженности его горных хребтов.

Пржевальский терпеливо разобрал все это, привел в порядок и, распрощавшись с добрым Шишмаревым, поехал на родину через Кяхту и Иркутск.

В декабре 1873 года Пржевальский отряхивал со своей одежды снег в сенях родительского дома. В Отрадном все были живы и здоровы — мать, дядя и нянька Макарьевна. В лесной усадьбе с приездом Николая Михайловича наступили праздничные дни, тянулись они до Нового года. В январе Макарьевна вычистила мундир своего воспитанника, помолилась на иконы и с плачем проводила его в Петербург. Но и без молитв Макарьевны Великому Охотнику повезло в этой поездке.

Газета «Голос» писала о нем, как об открывателе неизвестных человечеству путей. Офицеры Генерального штаба тащили его на торжественный обед у Демута. Военный министр Милютин испрашивал для Пржевальского чин подполковника и пожизненную пенсию, — он уже успел прочесть рапорты Пржевальского о современном состоянии Китая и восстании дунган.

В феврале сановники и географы слушали его доклад о тибетском путешествии, и зал Географического общества наполнялся гулом восхищения и звуками рукоплесканий. Вся эта шумиха, расшаркиванья и назойливые заботы угнетали Пржевальского. Ему обещали высшую награду Географического общества — золотую медаль. Два императора — русский и австрийский — рассматривали его коллекции, и Франц-Иосиф пожаловал подполковнику Пржевальскому орденский знак Леопольда. Ботаники говорили, что почти все растения из Гань-Су, привезенные им, были ранее неизвестны науке. Английские географы присылали ему любезнейшие письма; о нем писали во всех иностранных географических журналах; Франция приглашала Пржевальского на Парижский географический конгресс. Его долго не отпускали из Петербурга. Огромные тибетские коллекции Пржевальского были приобретены за счет государства.

Он еще по дороге на родину начал писать книгу «Монголия и Страна тангутов». В Петербурге, живя в тесной каморке на пятом этаже, он продолжал эту работу.

В столице быстро появилась мода на все буддийское. В Азиатском департаменте можно было видеть вкрадчивого желтолицего человека в наглухо застегнутом черном сюртуке. Молодого азиата звали Жамсараном Бадмаевым. Он только недавно крестился и не мог еще привыкнуть

к русскому имени — Петр Александрович. Бадмаев пришел в Петербург из бурятских степей — по следу своего брата Сильтима. Братья Бадмаевы принесли с собой диковинную и таинственную тибетскую медицину. Старший Бадмаев как тибетский лекарь был известен еще с 1853 года. У него была своя аптека. Через двадцать лет — крестник будущего царя Александра III — Петр Бадмаев стал совмещать службу в Азиатском департаменте с лекарской практикой. Он корпел над тибетскими снадобьями и древними книгами, в которых излагались основы таинственной терапии. Тибетские врачи имели в своем распоряжении 1002 якобы чудодейственных средства для излечения всех болезней. Но Бадмаев думал не только о торжестве тибетской медицины в России. Он вынашивал тогда свои первые мечты о захвате Тибета и Монголии войсками «белого царя». Бадмаев думал, что прежде всего надо будет взять военной силой город Лан-Чжоу-Фу в провинции Гань-Су. А там, по расчетам Бадмаева, буддийская знать Монголии, Тибета, западного и юго-западного Китая сама пошлет делегацию в Петербург — просить «белого царя» о принятии в подданство. Так и корпел Петр Бадмаев над своими воинственными проектами и переводом на русский язык классического руководства тибетской практической медицины и хирургии, написанного три тысячи лет тому назад.

Карта Генерального штаба, загадочные снадобья в аптечных банках, древние рукописи... Над ними склонялся невысокий желтолицый человек в черном сюртуке. Уже тогда, в 1874—1875 годы, Бадмаев имел обширные связи с ламайским духовенством. Он внушал ламам мысли о грядущей власти «белого царя» над Тибетом.

...В мае Пржевальский вырвался в Отрадное. Там отпраздновали свадьбу Пыльцова со сводной сестрой Пржевальского.

Весь 1874 год он сидел за черновиками. Ругая Петербург, почтальонов и людей, которые так любят писать восторженные послания, Пржевальский заканчивал свою книгу.

В начале 1875 года он узнал, что ему присуждена Константиновская большая медаль Географического общества, Пыльцову — малая золотая, а Дондоку Иринчинову и Чебаеву — бронзовые медали.

Он брюзжал от нудной работы по описанию птиц, от-

крытых им. Измеряй клювы, считай перья на шкурках и чучелах! Эта работа по духу только препаратору Роберту Кёхеру, которого Пржевальский выгнал от себя еще в Иркутске.

«Это не та широкая свобода мысли, когда приходится творить описания природы, — нет, теперь все должно быть уложено в узкую рамку специальности, для которой прежде всего нужна усидчивость, а не способность», — так размышлял он на бумаге о своих научных занятиях...

Написав первый том «Монголии и Страны тангутов», Пржевальский взялся за изучение английского языка. В это время типографы уже делали оттиски первых листов его труда.

Президент международного конгресса географов в Париже вице-адмирал де ла Ронсиер писал Пржевальскому: «Важные открытия, сделанные Вами во время путешествия по Монголии и Стране тангутов, признаны международным жюри достойными исключительной награды. Благодаря Вам успехи, достигнутые географией этих земель, имеют настолько важное значение для науки, что отличия, предусмотренные в уставе общества, не могут соответствовать Вашим заслугам...». Министерство народного просвещения Франции дало Пржевальскому звание почетного сотрудника и возложило на его широкую грудь «Пальму Академии», знак из двух скрещенных золотых ветвей — пальмы и лавра.

Милей и роднее пальмовых ветвей были ему ветки родной сосны, стучавшиеся в окна лесного дома. Теперь настала очередь Пржевальского рассказывать седой Макарьевне чудесные сказки о далеких странах. Так он отдыхал в Отрадном, готовясь к новому походу. В кармане его мундира лежала телеграмма от верных спутников, друзей далекого похода — Иринчинова и Чебаева: «С вами готовы в огонь и воду...»

В КАМЫШАХ ЛОБ-НОРА

Великий Охотник собирался в новое странствие, оплавав смерть Николая Ягунова. Он погиб, купаясь в волнах Вислы. Новым спутником оказался Федор Эклон, юный офицер Самогитского полка. Эклон разделял планы своего начальника: дойти до Лоб-Нора, Лхассы, спуститься на юг до истоков Брамипутры и Инда, взойти на Гималаи,

перезимовать в Лхассе, а там — двигаться в пределы Индо-Китая через узкие долины рек Иравади и Салуэна — в субтропическую Азию, где живут еще неведомые племена, устраивающие капища на качающихся огромных глыбах песчаника, куда можно подняться только по тонким нескончаемым бамбуковым лестницам, поющим, как струны.

Верховья Иравади и Салуэна в то время никем не были исследованы, и там, где Китай смыкается с Бирмой, лежали пустынные области, страна сказки, где люди будто бы приручают носорогов и возят на них стволы благовонных деревьев.

Такие мечты рождались в Отрадном, где Пржевальский и Эклон рассказывали друг другу о пальмовых ветвях, нефритовых недрах, бешеных волнах мутной реки Иравади. Мать Великого Охотника и нянька Макарьевна с затаенным страхом прислушивались к речам Пржевальского. Куда теперь пойдет он, не на верную ли гибель?

А он сгибал свою могучую спину над картами и смотрел на бурый пояс Гималаев. Вот когда они побывают в Лхассе, после этого в пальмовые страны придется двигаться вдоль северной стороны Гималаев. Не зря прилетная иволга на берегах Ханка когда-то пропела ему песню лиановых лесов. На рабочем столе Пржевальского лежала новинка — только что вышедшая книга британца Беллью, «Кашмир и Кашгар».

Сосны Отрадного гулко трещали от мороза, а по снегу, через светлые сугробы, в Отрадное спешил из соседнего имения портупей-юнкер Евграф Повало-Швейковский, родственник известного смоленского декабриста. Портупей-юнкер тоже просился в экспедицию, и Великий Охотник взял с собой соседа по Отрадному.

Двенадцать тысяч патронов, сто пудов научных и иных грузов, целый обоз — пятнадцать почтовых лошадей, — вот как поехали они из Отрадного в Индо-Китай.

Москва, Пермь, Омск, Семипалатинск, Верный, Джаркент, река Хоргос на западно-китайской границе — таков был их начальный путь... Отсюда, с берега Хоргоса, в 1869 году безвестные казаки Лепсинского полка, преследуя конных барантчей, дошли до Лоб-Нора, известного раньше только со слов Марко Поло. Вдоль берега гремучего Хоргоса бродил также и задумчивый Верещагин, разглядывая жалкий город Чимпандзи, лежащий на том берегу

Серебряной реки. Это было в год похода казаков на Лоб-Нор.

Богатейший Илийский край, начиная с 1865 года, был разорен жестокой дунганской резней. Когда дунгане вынули из ножен свои узорчатые мечи, к ним присоединились их единоверцы — «таранчи». Это племя тюрков когда-то было выселено из Китайского Туркестана, с притаримских земель, в Илийскую долину. Название «таранчи» произошло, как говорят, оттого, что переселенцы сеяли главным образом просо. «Сеятели проса» — таранчи и дунгане — «хой-хон» — истребили китайцев, и править Илийским султанатом стал некий таранча Абиль Огла. Он укрывал у себя уголовных преступников, бежавших из России, отказался признавать законные границы и вместе с предводителем дунган Биян-Ху любовался заревом, встающим над разоренной страной.

Во всем Илийском крае после начала мятежа осталось всего-навсего 139 тысяч человек. А население Или до восстания исчислялось в два с половиной миллиона жителей. Дунгане здесь, так же как и везде, избивали монголов и особенно военных переселенцев, подневольных китайских солдат из манчжурских племен сибо и солонов. В довершение всего дунгане успели рассориться и с таранчами, задумавшими учредить в Кульдже свой султанат. Тогда дунгане учредили Дунганское ханство на землях Урумчи и Тарбагатай.

Весь Илийский край лежал в развалинах, и за пять лет успели зарости травой и бурьяном площади самых богатых городов. В июле 1870 года русские заняли Илийскую страну. С китайским правительством было заключено условие, что край не навеки переходит к России и что он снова будет возвращен законному китайскому правительству, когда пекинские войска сумеют дойти до реки Или. Султану Абилю Огле пришлось слезть с илийского трона, а предводитель дунган Биян-Ху ушел биться с китайцами к южным склонам Тянь-Шаня... Вот почему владения России в 1876 году не кончались, как раньше, у форта Борохудзир, за высоким перевалом Алтын-Эмель.

Пржевальский обгонял на своем пути русские подводы и русских всадников, скачущих в Кульджу. Сразу же за Борохудзиром начинается нескончаемая аллея — стена зеленых деревьев вдоль проезжей дороги. Она существует и в наше время и идет до самого Джаркента. В этом глиня-

ном городе седой старик Леваншин, обрусевший китаец, расскажет путнику о своих удивительных приключениях, когда он был в детстве взят в плен дунганскими инсургентами и уведен для продажи в рабство. Леваншина, тогда еще китайского мальчика Ле-Ван-Ши, отбил у дунган русский отряд.

...Пржевальский едет вдоль зеленой борохудзирской стены и видит, как перед ним встают — одна за другой — скорбные развалины Тургеня, Джаркента, Хоргоса, Алим Ту. Стена вязов не закрывает следов страшного разрушения. Может быть, следы мятежа и раздора пропадут за гремучей рекой Хоргос, где стоит русская почтовая станция? Но и за Хоргосом — та же печальная картина. Кости, пепел и комья сухой глины покрывают улочки Чимпандзи, что стоит правее дороги, за крепостцой Никан-Кара. Удоды вьют гнезда на деревьях над развалинами Чинча-кодзи, а город Баяндай ощерился остатками крепостных стен, над которыми уже поднялись ветви молодых деревьев.

Вот где Пржевальский отвел душу в громовой ругани... Все нехорошо — и то, что наделала здесь междоусобица, и свежее происшествие при переправе через Хоргос: на середине реки перевернулись две больших телеги с тяжелыми грузами. Пржевальский оглядывает подводы и, сменяя гнев на милость, широко улыбается. Все-таки у него богатый караван: двадцать четыре верблюда и четыре лошади. Такого богатства у него еще никогда не было. Экспедиция снаряжена хорошо.

Сам он едет на этот раз в удобном тарантасе. Лошади идут бойко, мелкой рысцой, и с каждой верстой все ближе Старая Кульджа. Ее называют также Куренем и Нин-Юань-Ченом.

Скоро путники увидели огромную городскую стену, такую широкую, что по ее гребню могли проехать рядом два всадника. Кульджа показывается вся в алом мареве цветущих маков, в облаках желтой пыли, пронизанных солнечными лучами. Инсургенты пощадили свою столицу — здесь не были тронуты ни дома, ни лавки. По улицам Кульджи ходят русские. Рослый семиреченский казак отдает Пржевальскому честь. Караван путников бредет по зеленым садам, мимо мусульманских храмов, построенных как буддийские пагоды. Кое-где уже возведены наспех русские дома, и очень непривычными кажутся вывески на

русском языке. Здесь живет сейчас до тысячи семиреченских казаков — офицеров, чиновников, солдат, купцов. Цветущий город стоит одиноко посреди пустынь, где в заросших арыках белеют человеческие скелеты. Разрушен богатый Чугучак, где на городской стене, во всю ее длину, красовалось изображение дракона. Зброшена и забыта когда-то могущественная Новая Кульджа, она же Или и Хой-Юань-Чен. В ней, среди руин, живут всего-навсего два дунганина, мостовые города покрыты пеплом и костями китайцев.

Седьмого августа 1876 года гонец из Ташкента привез Пржевальскому пакет от туркестанского генерал-губернатора. Он сообщал приятную весть — Якуб-бек Бадаулет Кашгарский зовет путешественника к себе в Курлу.

Пржевальский, Эклон, Швейковский, Иринчинов, Чобаев и трое семиреченских казаков приготовились к походу в глубь Восточного Туркестана.

По дороге к Якуб-беку они дышали благодатным воздухом Илийской долины, обедались персиками и дынями. Но эта идиллия омрачилась тем, что два новых казака оказались слишком ленивыми и нерадивыми. Пржевальский немедленно прогнал их обратно. Вскоре пришлось расстаться и с портупей-юнкером Швейковским. Нежное домашнее воспитание, полученное им, мешало всему делу лобнорского похода. Пржевальский сунул юнкеру восемьсот рублей на обратный путь.

Они поднялись на плоскогорье Юлдуз — в страну звезды, где, в самом сердце Тянь-Шаня, на богатых травой и фазанами необозримых лугах блестя воды звездообразных озер. По Юлдузу бродили кочевые монголы — торгоуты, люди в халатах, похожих на поповские подрясники, с тяжелыми огнивами на поясе. Ими правила женщина-хан.

Пржевальский снова ожесточенно бранил судьбу — третий по счету спутник выбывал из отряда. Проводник Тохта-Ахун струсил и заявил, что он не может идти дальше: люди из ближнего города Курла, его земляки, не простят ему, что он вел чужеземцев от Кульджи к Юлдузу...

В одно из урочищ прискакали всадники — гонцы самого Якуб-бека Бадаулета Кашгарского, властелина призрачного мусульманского царства, созданного в Восточном Туркестане на костях китайцев, дунган и таранчей. Это была третья по счету страна после Кульджинского султа-

ната и Дунганского ханства, такая же непрочная и созданная руками иноземных хозяев.

В те годы Восточный Туркестан кипел как котел с бараньим жиром. После дунганского восстания, изгнания китайцев, недолгого султанства таранчинца Абиля Оглы в Кульдже жестокий, хитрый и осмотрительный кокандец Якуб-бек обманно завладел Кашгаром. Он заставил своих подданных назвать себя Бадаулетом, что означало — счастливый, а свое царство — Семиградьем или Джитышаром. Якуб-бек объявил себя вассалом турецкого султана и стал думать, как теперь ему поладить с Англией и Россией.

Головы подданных Якуб-бека летели сотнями, а сам он, разыгрывая просвещенного государя, дважды принимал европейские посольства.

Иноземцы редко отваживались посещать Восточный Туркестан. Всем была памятна печальная история Адольфа Шлагинтвейта, которого послал в Кашгар великий Гумбольдт. Шлагинтвейт проник в Кашгар из Индии в 1857 году, и с тех пор о нем ничего не было известно. После него британский топограф Джонсон дошел до Хотана — города небесного камня (нефрита), как называли его китайцы. Топограф благополучно возвратился обратно и написал книгу о Хотане. Затем, в 1868 году, Джонсона сменили другие британцы — чайный плантатор Шау и некий Гевард. Плантатор остался в живых, но Гевард разделил судьбу Шлагинтвейта. Но как погиб смелый посол Гумбольдта?

Пржевальский как бы видит перед собой худого подтянутого русского офицера, но — с азиатским разрезом глаз и желтыми скулами. Это — потомок Чингиза, молодой киргиз-кайсак Чокан Валиханов. Он сменил офицерскую форму на наряд киргиза и через год после гибели Шлагинтвейта двинулся в Кашгар вместе с купеческим караваном. Караван бредет по дорогам Семиградья. Валиханов терпеливо изучает неизвестную страну. Забыто все — встреча с опальным Достоевским в Семипалатинске, любимые книги, занятия в библиотеке в Омске, где Чокан изучал Азию. Оставлены все навыки и привычки культурной жизни, и кто бы узнал русского офицера в этом простом киргизе, свояке караванного старшины? А Чокан упорно шел по следам Шлагинтвейта, стараясь разузнать подробности его гибели.

Валиханов был потрясен, услышав рассказ о смерти человека, прошедшего Гималаи. Когда Шлагинтвейт спустился в долины Кашгара, он узнал, что страна находится под властью жестокого и мстительного хаджи Валихана Тюрэ. Избавившись на время от власти богдыхана, кашгарский народ стал игрушкой в руках иступленного тирана. Кашгарлыки заперлись в крепости города Кашгара и с ужасом смотрели, как вокруг осажденной страны все теснее и теснее смыкалось кольцо китайских войск. Валихан Тюрэ в это время казнил своих подданных и курил гашиш. Он почти ничего не видел, зеленый туман застилал ему глаза, когда кашгарлыки привели высокого человека, пришедшего из Индии. Кашгарцы говорили, что европеец мог бы дать им совет о том, как лучше обороняться от китайцев. Кровавый хаджа попросил у пришельца его бумаги. Но Шлагинтвейт ответил, что пакеты он отдаст только хану Коканда, к которому он везет почту из Бомбея. Хаджа вскочил с хотанского ковра, выронив из рук кальян, и подозвал палачей. Волосы Шлагинтвейта развевались по ветру. Его тащили, скрутив руки, по тесным улицам мусульманской части города, гнали через широкую площадь с новой мечетью. За земляной стеной смертник увидел засохшие лужи крови на жарком лёссе и пирамиду, сложенную из отрубленных голов. Валихан Тюрэ любил приезжать сюда изо дня в день и смотреть, насколько выросла эта пирамида... Адольф Шлагинтвейт в последний раз вдохнул в себя горячий воздух Джитышара. Его повалили на землю, потом поднялся меч палача. Голову казненного утвердили на вершине страшной пирамиды.

Но Валихану Тюрэ не суждено было царить в Кашгаре. Вскоре, испытав на себе гнев народа, хаджа бежал в Коканд. Китайские войска взошли на ледяной перевал Музарт. Кашгарлыки понесли жестокую расплату за все то, что успел натворить Валихан Тюрэ.

Чокан Валиханов, возвратившись в Верный, привез за пазухой своего халата дневники с богатейшими записями о жизни Кашгара и истории свирепого царствования курильщика анаши. Чокан написал «Очерки Джунгарии». Василий Вережагин, узнав подробности о казни Шлагинтвейта, задумчиво набрасывал эскизы, изображавшие пирамиду из человеческих черепов. Так родилась знаменитая картина «Апофеоз войны»...

Судьба Чокана Валиханова сложилась странным и обид-

ным образом. Он приехал в Петербург, получил признание Географического общества, изучил европейские языки и засел вновь за книги о Центральной Азии. Он готовился к новым подвигам. Но Чокан не смог осуществить их. Заболев чахоткой, он уехал в родной аул. Ведя жизнь простого кочевника, первый русский исследователь Кашгара жил в ковыльных степях до 1865 года, где и умер на ложе из войлока, захлебнувшись подступившей к горлу кровью.

Пржевальский и чахоточный Чокан оба были избранниками Семенова-Тяньшанского. Теперь Пржевальский идет той же дорогой, по которой шел Чокан Валиханов, — через Тянь-Шань, открытый Семеновым. Семенов-Тяньшанский хлопочет о том, чтобы со временем Географическое общество поставило памятник на месте казни Адольфа Шлагинтвейта... Пути открывателей скрещиваются, мысли их и чаяния переходят от одного к другому, и страсть к открытиям — бессмертна.

Чем-то встретят теперь Пржевальского во владениях достойного преемника Валихан Тюрэ — вероломного мужеложца Якуб-бека Бадаулета: кинжалом, отравленным яблоком, глинобитной ямой-тюрьмой или мечом плечистого палача?

Прошное Якуб-бека было темным. Сын Муллы Мир-Латиф-бека из кишлака Кучкек, пятнадцатилетний Якуб был бачёй у крупного кокандского военачальника Гедаибая. От этого покровителя Якуб перешел в руки другого «парванчи» — кокандского генерала Нар Мухаммеда. Служа под знаменами Коканда, Якуб получил чин юзбаши — начальника сотни конников. Во время осады Ташкента казахами Якуб-бек попал в плен к кочевникам. Но ему удалось бежать из-под стражи. Он явился к Мухаммеду и вскоре получил от него уже генеральский чин «пансад-баши» и должность коменданта Чиназской крепости. Вскоре он был переведен в Аулие-Ата, а затем в Ак-Мечеть. Но о Якуб-беке быстро вспомнил его покровитель Нар Мухаммед. Парванчи вызвал Якуба в Ташкент, и он стал первым советником кокандского военачальника.

Милости одна за другой сыпались на голову Якуба. В Ташкенте он становится «беком дур-баши». Это — нечто вроде генерал-интенданта. Он умиряет восставших солдат, ведет дела снабжения войск. В то время в Коканде начались беспорядки. Якуб-бек был тут как тут. Он во-

шел в Коканд с большим войском и положил конец бесчинствам мятежников, упивавшихся победой над кипчаками. Он возвел на кокандский престол Худояр-хана. Новый владетель сделал Якуба правителем города Ходжента. Но вероломный Якуб-бек, вместе с бухарским эмиром и беками Ура-тюбе и Хатырчи, окружил своего благодетеля Худояра паутиной тайного заговора. Хан во-время узнал об этом. Он послал двести всадников взять Якуба. Но тот, не дожидаясь вестников хана, сбежал из Ходжента в Ура-тюбе. Правитель города помог своему сообщнику добраться до Бухары. Эмир бухарский Нафулла-хан взял Якуба к себе на службу. Якубу было все равно, где служить. Он продал свой меч Бухаре и стал умирять непокорные эмиру племена.

Совершив в своей жизни десятки измен, предательств, перебежек, Якуб-бек оставался невредимым и счастливым. Все ему сходило с рук.

Но зачем он зовет Пржевальского к себе и под сильным «почетным» конвоем тащит русских через огромное ущелье, по дну которого гремит Кокче-Дарья, мимо двух глинобитных фортов — прямо в свою столицу?

Рядом с Пржевальским на горячем жеребце скачет царедворец Заман-бек, начальник конвоя. Это — беглый русский подданный из Нухи, пробравшийся в Константинополь и посланный оттуда к Якуб-беку как сиятельный представитель самого султана.

Кто окружает сейчас кашгарского «счастливца»? Беглые из Индии, Бухары, Кабула, Ташкента — вот кто служит начальниками войск, правителями городов, казначеями, сборщиками налогов в Кашгаре.

Бывший конюх и нежный возлюбленный Якуб-бека, некий Токса-бай, правит сейчас целой страной — тремя областями: Курла, Лоб-Нора и Карашара.

На улицах глиняного города Курла оборванные калмыки торопливо копают глубокие ямы. Это готовятся про запас могилы для смертников.

Пржевальского привезли прямо в логово этого кашгарского тигра. Русских поместили в просторном загородном доме, кормили, как на убой, бараниной и плодами, но никуда не выпускали.

Якуб-бек через своего царедворца дал понять Пржевальскому, что если он объяснит, почему русские не помогают Якуб-беку, то он, Якуб-бек, позволит путешествен-

нику ехать на Тарим и Лоб-Нор. Если Пржевальский не сумеет дать ответа на все проклятые вопросы, мучающие Якуб-бека, — пришельцу не видать Лоб-Нора, как своих ушей.

Не добившись от Пржевальского ничего путного, Якуб-бек отпустил гостя на Лоб-Нор, но только в сопровождении своего царедворца. Проходимец из Нухи испортил Пржевальскому все радости охоты: с сотней головорезов он скакал впереди каравана, распугивая зверей и птиц. Заман-бек к тому же старался вести гостей самыми гиблыми дорогами, чтобы отвадить от поездок по Семи-градью.

Но вот он — не исследованный никем, причудливый Тарим. У этой самой большой из всех континентальных рек Средней Азии несколько названий и несколько русел. Верхнее течение называется Яркенд-Дарьей, главное русло — Уген-Дарьей. Только начиная с места, где Яркенд-Дарья сливается еще и с Кашгар-Дарьей, река Тарим известна под своим именем. Благодаря этому Тарим на всех картах был изображен неверно. Пржевальскому предстояло разобраться в этой загадочной реке, раскидавшей свои рукава, где ей было не лень — в пустыне, в лесах, в зарослях камыша, где бродили тигры, в гиблых дебрях и болотах.

Заман-бек, как ни старался, не мог помешать гостю сделать здесь ряд открытий. Тарим был разгадан и измерен быстро. Около урочища Чигилик наш охотник увидел болотистое озеро. В него впадала еще одна неизвестная река — Черчен-Дарья. Была найдена и другая еще — Дарья-Хотан, младшая из всех этих рек-сестер.

Загадочный Лоб-Нор был уже недалеко. В ноябре 1876 года неистовый охотник раздвигал лобнорские камыши, поседевшие от первого мороза. Скупой на восторги, когда дело касалось траты дорогого времени, Пржевальский однако решил, что теперь ни Лоб-Нор, ни таримские Дарьи никуда от него не убегут. Он двинулся к югу, где открыл Золотую гору — коченеющий на зимнем ветру угрюмый хребет Алтын-Таг. Только исследовав его, можно было разговаривать о природе северной огады Тибета.

Пока докучливый Заман-бек, оставленный на Лоб-Норе с тремя казаками, играл там с ними в таранчинскую орлянку — «джанза», Пржевальский лихорадочно измерял гра-

нитные высоты и бродил вдоль подножья Алтын-Тага. Так он прошел пятьсот верст по снегу, перемешанному с соленой пылью, питаясь зайцами и жареным ячменем.

Здесь он увидел первого дикого верблюда, о котором писал еще Марко Поло. Шкуры с верблюда-дикаря никогда во всем мире не снимал еще ни один охотник. Началась жестокая охота. Первый верблюд так и ушел от пули, и Пржевальский с проклятиями бежал по следам утраченной двугорбой добычи. Стояла железная звонкая зима. Сорок дней было отдано Алтын-Тагу...

Вернувшись на Лоб-Нор, Пржевальский, к своему большому удовольствию, узнал, что Заман-бек умчался в Курлу к своему повелителю — по случаю приезда русского посольства Куропаткина в Кашгар. Теперь никто ему не мешал приступить к исследованию Лоб-Нора.

Об озере Лоб-Нора упоминали лишь Марко Поло и азиатские историки — и всего два раза. Поход лепсинских казаков к Лоб-Нору остался неизвестным¹, как было забыто и то, что одновременно с казаками к Лоб-Нору пришли сто тридцать раскольников с Алтая. Они искали таинственное «Беловодье», стремясь попасть в «Камбойское царство» — в индо-китайскую область Камбоджу.

Эти странники доходили тогда до границы Тибета! Пржевальский жадно отыскивал их следы в области Лоб-Нор, где сибирские кержаки жили когда-то целым поселком. Суровые алтайские пахари и охотники основались у развалин города Лоб на правом берегу Тарима. Всего пятнадцать лет тому назад князь лобнорский из Турфана разорил русские поселки, увел четыре семьи кержаков в Са-Чжеу и там их казнил, остальные успели уйти.

По следам Великого Охотника в самом конце прошлого столетия на Тарим и к Лоб-Нору пришел швед Свен Гедин. Его сопровождали два семиреченских казака — Сыркин и Чернов. Свен Гедин нашел несколько безвестных могил, они ютились у подножья тамариска, на границе бесконечных песков. Из расспросов туземцев Гедин узнал, что могилы были кем-то уже вскрыты, — жители пустынь искали в погребеньях золото. В гробу из тополевых досок лежал высохший труп женщины, совершенно избегнувший тления. Тело было одето в одежду из белого полотна, хорошо сохранившиеся волосы были связаны алой

¹ Об этом походе вскользь сообщил В. В. Верещагин.

лентой. На черепе трупа мужчины сохранились светлые волосы. В гробу лежал деревянный гребень. Невдалеке от могил стояла старая хижина, сплетенная из хвороста. Свен Гедин не сомневался в том, что он нашел могилы русских людей, погибших в лобнорских просторах.

Старый житель Тарима, некий Киргуй Паван, рассказал Свен Гедину предание лобнорцев о людях, которых звали «камшуками». Они спускались вниз по Конче-Дарье на плотах из тополевых бревен. Эти люди привели с собой своих детей и женщин. Пятьдесят семей пришельцев жили охотой и рыбной ловлей, ели кабанье мясо и рыбу. Их начальник звался Иивеном (Иваном); сначала он один приходил разведывать эту страну, а когда узнал, что в ней можно сеять хлеб, привел своих людей к Лоб-Нору. Здесь, у высохшего русла Черчен-Дарьи, люди Иивена, хлебопашцы и стрелки, полегли в тополевые гроба, и песок пустыни прикрыл тела, одетые в льняные рубахи и сорочки. Свен Гедин пишет, что лобнорцы знали места еще нескольких погребений...

Верный ученик Пржевальского, Петр Козлов, через одиннадцать лет после гибели Великого Охотника разыскал в станице Алтайской старого лобнорского бродягу, кержака Рахманова. Около 1860 года он с партией искателей «Беловодья» проходил области, лежащие к югу от Лоб-Нора, то есть достигал северного порога Тибета...

...Пржевальский вразвалку расхаживает по солончакам Лоб-Нора, срывает ветви тамариска и кендыря для гербария. Очень уныл вид этого умирающего озера-болота... Тростники как будто выпили всю его влагу. Теперь можно утверждать, что Лоб-Нор — это не что иное, как сток вод Тарима и заново найденной Черчен-Дарьи. Тарим за деревней Абдала исчезает неизвестно куда. Тут начинаются какие-то бесчисленные болота, озера, ручейки, трехсаженные тростники. Вот это и есть система Лоб-Нора, лже-озера, беспрестанно меняющего свои границы.

Сами лобнорцы помогают таримским водам блуждать по этому болоту: хитрые рыболовы отводят таримские волны в каналы, запирают новые водоемы перемычками, а потом вылавливают рыбу из этих ловушек. Когда надобность миновала, каналы засыпаются землей; на ней вырастает камыш на корм для скота. От этой и еще от других причин Лоб-Нор никогда не имеет постоянных берегов, и лишь кое-где — по светлой ряби, по ходу рыбного косяка —

можно с трудом узнать блуждающее устье Тарима. Вся вода Лоб-Нора пресная, и только у самых берегов колыхнется пояс мутных соляных растворов — от близости солончаков. Итак, Лоб-Нор вовсе не озеро и совсем не соленое, как думали раньше.

Пржевальский идет в жилище лобнорцев. Они называют себя каракурчинцами. Это — тюрко-монголы. Живут они бедно и бесславно. Каракурчинцы забыты миром. Когда-то здесь проходила одна из великих древних дорог из Китая, и на ней сталкивались народы и племена. Потом исчезли города по Тариму. В забытых селениях на склонах Алтын-Тага и на берегах обманного озера остался неизвестный одинокий народец. Каракурчинцы не умеют считать далее ста, не едят ни хлеба, ни баранины. Их еда — жесткое мясо выпей и пеликанов и таримская рыба. Вверху — неприветливое небо, внизу — потрескавшиеся солончаки и тростниковые леса великих болот. И в этом безрадостном мире стоят жалкие хижины каракурчинцев, горят одинокие костры, на которых люди болот варят кашу из молодых побегов тростника.

Пржевальский обошел все селения каракурчинцев. Затем он сделал промеры глубин Лоб-Нора, с'емку его берегов, определил широту и долготу многих пунктов.

В марте (1877 года) был убит первый верблюд вместе со своей подругой и вскоре добыта еще одна шкура рослого двугорбого самца в низовьях Тарима.

Начался прилет птиц. Лобнорское небо потемнело от птичьих стай. Миллионы пернатых летели через Тибет, через гранитный порог Куэн-Луня, оттуда, из-за снежного жилища — Гималаев. Пржевальский смотрел, как на дикое камышовое болото низвергаются с шумящего неба стаи индийских лебедей. Ему в это время подумалось, что бородатые русские странники с Алтая шли в индийскую сторону осенью, по уже мерзлым пескам пустыни — вслед белым крылатым стаям, летящим на юг...

В апреле Якуб-бек принял Пржевальского у себя в Курле. Великий Охотник увидел перед собой маленького толстого человека с беспокойными глазами. Он все время держал себя за черную бороду, как бы стараясь убедиться, что она существует. Он боялся снов, острых предметов, незнакомых людей, невидимого яда. Когда он подавал руку гостю, пальцы его дрожали, а красные жилки на скошенных глазах наливались кровью.

Телохранители и палачи угрюмо окружали владыку.

Якуб-бек не привык показывать свои чувства и еще более не любил, когда их замечали. Поэтому Счастливый с царственно-легкомысленной усмешкой ходил в мечеть, держа чуть ли не наизготовку штуцер винчестера. Пусть все видят, что это только шутка властелина. А врагов он не боится.

Пржевальский спокойно рассматривал человека, имя которого было окружено свирепой славой. Якуб-бек говорил, что он так рад видеть русских, что он этого словами и выразить не может, и клялся в дружбе к России.

Он называл Пржевальского своим другом и говорил, чтобы гость не забывал его в Петербурге и писал ему... Наконец он подарил Эклону и Пржевальскому по золотому кольцу и, немного подумав, вынул третье, сказав, что у великого русского гостя, наверно, есть добрая старая мать, — так пусть она примет подарок несчастного кашгарского царя, которого его союзники отдают на растерзание китайцам... И азиатский счастливчик Якуб-бек опять задержал свою бороду.

Он напрасно беспокоился — умереть ему пришлось не от китайцев. Через месяц подосланный кем-то тайный отравитель растворил яд в золоченой чаше повелителя Кашгара... Перед самой смертью Якуб убил прикладом винчестера одного из своих царедворцев.

...Пржевальский насилу вырвался из вероломных объятий Якуб-бека и отправился снова в страну звезды — охотиться на горных архаров. На пути к Юлдузу случилось несчастье: пало сразу десять верблюдов. Теперь пришлось очень долго ждать помощи из русской Кульджи.

На Юлдузе и Пржевальский, и Эклон, и двое казаков заболели странным недугом — надоедливим зудом. Сняв рубахи и сапоги, собравшись в кружок, они ожесточенно скребли ногтями выдубленную в скитаниях грязную кожу.

В Кульдже этот чёс прошел у всех, но когда в августе отряд выступил в поход и осенью был уже в Гучене — на дороге в Лхассу, надоедливый недуг сказался с новой, еще более необычайной силой. Пржевальский, Эклон и два казака выбыли из строя.

Ругаясь на чем свет стоит, они мазались табаком, купоросом и дегтем, катались по земле, но страдания с каждым днем были все невыносимее. Казалось, пустяковый случай разрушит все планы. Бесстрашный покоритель пу-

стынь плакал, как ребенок. Он плакал и чесался, чесался и плакал, воздевая к небу руки, покрытые коркой из табака и дегтя. Он так ослаб, что не мог двигаться. Тогда спутники уложили его в ящик, прибитый к телеге, и Пржевальский, всхлипывая и теребя усы, оледеневшие от слез, покорно лежал на дне ящика. Чесаться у него уже нехватало сил... Он повернул из Гучена обратно и добрался до русского поста Зайсана, где госпитальные лекаря потащили путников в баню. Сидя на горячем полке, страдальцы с ужасом разглядывали свои пятнистые тела. Бессмысленный недуг долго не проходил, из-за него Пржевальскому пришлось долго сидеть в Зайсане.

В марте 1878 года ему сообщили — в Отрадном умерла мать. За шесть месяцев до ее смерти умер и дядя — беспутный, вечно похмельный, но добрый и живой старик.

В это путешествие Пржевальскому так и не удалось пройти в Тибет и Лхассу. Ведь он надеялся, миновав Гучен, выйти на Хами и Са-Чжоу и оттуда повернуть на юг, к гладким солонцам Цайдама и верховьям Голубой реки. Чебаев, Иринчинов и три забайкальских казака должны были сопровождать Великого Охотника в этом пути.

Вернувшись из Гучена в Зайсан для лечения чесотки, Пржевальский и там не оставлял своих сборов в Тибет. Но экспедицию пришлось отложить. Как раз в это время, в марте 1878 года, китайское правительство потребовало у России выдачи дунган, бежавших в русские пределы от гнева пекинских карателей. Лучшая часть дунганского народа, во главе с последовательным и убежденным врагом богдыханского владычества, партизаном Биян-Ху, была водворена в Семиречьи. Пекинские мандарины не хотели прощать дунганам перехода в русское подданство. Из-за дунганского переселения отношения России с Китаем стали ухудшаться. Именно тогда командующий войсками Западно-Сибирского военного округа донес военному министру, что лучше всего будет отменить путешествие Пржевальского по землям Китая и Тибета, чтобы не раздражать лишний раз китайское правительство.

Великий Охотник горевал. Единственное, что ему оставалось, — это перечитывать отчет о пройденном пути и опись собранных коллекций. Они уже были отправлены с казаком-нарочным в Петербург. В коллекциях, уложенных в девять больших ящиков и войлочный тюк, были шкуры

трех диких верблюдов, двадцати пяти крупных зверей, пятьсот чучел птиц, две тысячи пресмыкающихся и насекомых.

В июне Пржевальский, угрюмый, осунувшийся, появился в Петербурге. Доктора в один голос сказали, что у него нервное расстройство. Руками со следами чесотки он принял новые награды — золотые медали географических обществ Парижа, Берлина и Лондона — и узнал об успехе своих трудов, переведенных на европейские языки.

Географы мира были изумлены итогами работ Пржевальского. Съемка местностей на Нижнем Тариме и Лоб-Норе совершенно по-новому показала этот край. Старые карты, составленные по китайским источникам, теперь сделались бесполезными. На старых картах горы Алтын-Таг, открытые Пржевальским, показаны были лишь условно и на три градуса южнее. Великий Охотник определил их истинное положение, измерил высоты Золотого хребта. «Открытие этих гор проливает свет на многие исторические события, потому что дорога из Хотана в Китай в глубокой древности шла на Лоб-Нор, потом этот путь был забыт и вместо него избрали другое направление. Теперь весьма легко объяснить, почему именно здесь был такой путь. Это потому, что под горами скорее можно было найти корм для скота и ключевую воду...» — писал Пржевальский.

А загадка Лоб-Нора? Само озеро на картах помещали гораздо севернее. Некоторые географы утверждали, что подлинный Лоб-Нор высох. Но Лоб-Нор существовал... Пржевальский доказал, что этот огромный пресноводный бассейн беспрестанно меняет свои границы, блуждая по степи. Очертания водоема за столетия изменялись сотни раз.

Некоторые географы считали, что описание быта и обычаев лобнорцев, сделанное Пржевальским, является «самой завлекательной и интересной из этнографических картин, нарисованных новейшими путешественниками». Сэр Дуглас Форсайт, бывший глава британского посольства к Якуб-беку, переводил материалы лобнорского похода Пржевальского на английский язык. В британских журналах печатались статьи, содержащие высокую оценку первой книги Пржевальского — «Монголия и Страна тангутов».

Берлинский географ барон Рихтгофен в этом же, 1878, году затеял бесполезный спор. Он выразил сомнение в успехах изучения Лоб-Нора. Пржевальский, хмурясь, написал отповедь Рихтгофену, и тот поспешил отказаться от своих слов. Больше того: Рихтгофен заявил на весь мир, что Пржевальский — безусловно гениальный путешественник.

Вся Европа прислушивалась к молве о подвигах русско-го открывателя.

У ВОРОТ ГОСУДАРСТВА ЛХАССЫ

...Солнце отражалось в огромном медном тазу. Нянька Макарьевна подкладывала дрова под таган. Густая розовая пена вздувалась над клокочущей поверхностью. Засучив рукава, сосредоточенно поглядывая в таз, Пржевальский мешал горячее варенье. С улыбкой привычного сластены он пробовал свое изделие.

Макарьевна со своим воспитанником приготавливали в Отрадном подарки для далай-ламы. Другие сласти, сигары и разная мелочь закупались в Смоленске.

Теперь у Пржевальского, после смерти матери и дяди, остался лишь один близкий и любимый человек.

Герой Тибета и Лоб-Нора трогательно ухаживал за старой ключницей, дарил ей свои книги, рассказывал о своих приключениях. Вместе с Макарьевой они розлили отличное земляничное варенье по банкам, пересмотрели сигары, попробовали наливку и остались вполне довольны своими заготовками.

Пржевальский все еще почесывался, надоедливая болезнь не прошла бесследно.

Лето, осень и часть зимы 1878 года прошли в сборах. В феврале 1879 года он выехал из Петербурга на Оренбург, Омск, Семипалатинск и Зайсан. Один вид Зайсана, где Пржевальский так долго лечился от проклятой чесотки и разгулявшихся нервов, приводил его в неистовство.

Пржевальский хотел идти через Тибет к истокам Инда, Брахмапутры, Иравади и Салуэна в Бирму, где живет племя красных каренов — таинственных переселенцев из Гоби. Он хотел взойти на такую точку Гималаев, откуда должен был открыться вид на Индию и Тибет сразу и где с одной стороны виден Ганг, а с другой Цангбо (Тсангпо), на берегу которой стоит золоченая Лхасса.

В поход с ним шли Эклон и Иринчинов — из старых соратников, а новичками были ботаник Всеволод Роборовский, препаратор Коломейцев из Зайсана, казаки Никифор Егоров, Михаил Румянцев, Михей Урусов, проводник-таранчинец из Кульджи Абдул Басид Юсупов. Всего было на этот раз четырнадцать человек. Они были настолько уверены в том, что дойдут до Лхассы, что взяли с собой парадные мундиры для приема у далай-ламы и китайского резидента.

Они пошли через джунгарскую пустыню с большим верблюжьим караваном, гоня перед собой стадо баранов.

Многими открытиями был прославлен этот третий поход. Во время него была открыта дикая лошадь Пржевальского — зверь кертаг по-киргизски. Это было животное, представляющее промежуточную форму между ослом и лошадью. Лошадь Пржевальского водилась только в серой глуши джунгарской пустыни.

Путешественники достигли берегов солоноватого озера Улюнгур, где водились пресноводные рыбы, описали его и реку Урунгу, впадающую в озеро. Здесь Пржевальский установил северную границу распространения саксаула.

За Улюнгуром началась безводная степь Джунгарии, бедная растениями и животными. Рогатый жаворонок, ворон, саксаульная сойка — вот почти все птицы Джунгарии. Только тринадцать видов крупных животных можно было встретить в этих бесплодных равнинах, поросших эфедрой и саксаулом. Верблюды и лошадь водились здесь в диком состоянии, так же как и ослы.

Тучи песка и пыли часто закрывали солнце. В джунгарской пустыне бури обычно начинаются с утра или с полудня, а к вечеру облака песка, которые носятся в воздухе, ложатся на землю, и к закату солнца степные дали делаются вновь голубыми. В апреле 1879 года Пржевальский прошел через десять слепящих бурь.

Путь Великого Охотника лежал теперь к оазису Хами. Через город Хами проходил путь из собственно Китая в Восточный Туркестан и Джунгарию. Пржевальский почти никогда не заходил в чужой город без приглашения. Так было и в Хами. Измученные люди положили усталых верблюдов, развели костры и пошли к прохладному ручью, бегущему по большому лугу.

Хами — город знаменитых дынь — лежал в двух верстах от лагеря путешественников. Хамайские дыни давно пре-

льщали Пржевальского. Он еще из Зайсана посылал в подарок матери их семена. Но мать так и не получила этого подарка, как и золотого кольца Якуб-бека, кашгарского счастливца.

Цин-Цай, командующий войсками и военный губернатор Хами, узнав о приходе русского каравана, выслал к Пржевальскому своих гонцов. Отдых в Хами был отмечен посещением дачи Цин-Цая и званым обедом, где было тридцать гостей и обед из шестидесяти блюд.

Хами не очень понравился Пржевальскому. Глина и песок, пыль и первая весенняя жара раздражали путешественника. Он ворчал и ругал китайцев — зачем они вырубали все сады оазиса? Мелкие речки, бегущие с Тянь-Шаня, едва орошали сухую почву Хами. В сорока верстах от города лежали края пустыни. Она распростерлась от Тянь-Шаня до Нань-Шаня, с севера на юг. На западе пустыня сливалась с пустынными степями Лоб-Нора, а на востоке — со срединной частью Гоби. Пржевальский установил, что один из участков этой пустыни, названный им «областью вздутия» — 120 верст в поперечнике, — был поднят на высоту пяти тысяч футов над уровнем моря.

Но как ни скучен был город Хами, он привлекал внимание Пржевальского. Он считал Хами ключом к Восточному Туркестану и Притяньшанью. Это, очевидно, знали и дунгане, которые с особым упорством громили здесь китайцев. Хами состоял из нескольких городов — двух китайских и одного мусульманского. Лао-Чен, Бей-Чен и Хомуль-Чен — так звались они.

Достопримечательности города состояли из дворца князя-правителя и дерева Девяти Драконов. Его охотно показывали путешественникам. Дерево это была всего-навсего ива «джагалун» с причудливо выросшими из одного корня девятью узловатыми стволами.

Затем был город Са-Чжоу, из которого были видны высокие горы Гань-Су. Но каких трудов стоило добраться туда по земле пустыни, накаленной до пятидесяти градусов жары! Столбы соленой пыли стояли над песками, воздух по цвету был похож на дым. Даже ветер не мог всколыхнуть этой недвижной жары. Караван шел ночью или утром; привалы делались днем, но люди не могли спать на жаре. По белым костям верблюдов и мулов, этим высохшим вехам пустыни, за две недели четырнадцать странни-

ков добрели до садов Са-Чжоу. Там их ожидал короткий отдых.

Китайские мандарины в Са-Чжоу говорили, что к югу от оазиса нет даже следов человека. Но четырнадцать храбрецов не остановились перед трудностями.

Новые открытия ждали Пржевальского на его пути. Проникнув в середину хребта Нань-Шань, он вдыхал полной грудью холодный воздух горных высот и отдыхал на берегах ключа Благодатного. Здесь он набирался свежих сил, разглядывал облака, скользящие по снежным вершинам. Юго-восточный муссон из долин Китая обвевал древние склоны. Пржевальский поднимался на горы, определяя, как всегда, их высоту. Он подарил миру два сверкающих памятника — хребты Риттера и Гумбольдта. Как благодарный ученик, он назвал эти два высочайших хребта Нань-Шаня именами своих учителей. Хребты на карте образуют фигуру, похожую на острую скобу, обращенную концом к востоку. Как бы взявшись рукой за эту острую скобу, Пржевальский открыл двери в Тибет. Теперь он был вновь в самой толще каменной ограды Тибетского нагорья. К востоку хребты тянулись до самой Желтой реки, на западе они доходили до Хотана и Памира. Теперь нужно было пройти по глиняному уступу Цайдама и вновь подставить свою грудь бурям Тибета.

Путешествие омрачилось беспокойным происшествием. Казак Никифор Егоров пропал, отстав от отряда. Егорова искали пять дней и нашли плачущим от радости. Этот простой человек кинулся на колени перед своими товарищами, умоляя простить его за то, что он причинил им столько горя своим исчезновением. Зачем они искали его, тратили силы в такое горячее время? Лучше бы они бросили поиски Егорова и шли без него к великой цели. Так бормотал, плача, бородатый человек, и слезы струились по его потемневшему лицу.

Снова все четырнадцать путников пошли вперед и скоро достигли Южного Цайдама. Здесь были знакомые еще с 1873 года места, ставка князька Цзун-Цзасака. От этой ставки в Тибет вела дорога пилигримов из Монголии и Северного Китая. Князек Цайдама, очевидно, кем-то наученный, всячески препятствовал Пржевальскому. Но тот, не обращая ни малейшего внимания на хорохорившегося князька, готовился к выходу в Тибет.

Двадцать пятого сентября 1879 года они двинулись из Цайдама. Князьку было об'явлено, что, если он не даст проводников, его самого заставят лезть на Тибетское нагорье.

После этого проводники сразу нашлись. Пржевальский вступил в страну зверей. На высоте в пятнадцать тысяч футов над уровнем моря, дыша разреженным воздухом, попадая то под град, то в тучи пыли, смешанной со снегом, отряд брел по великому нагорью. Многие из спутников Пржевальского впервые видели такое обилие зверей. Не пуганные никем, косматые яки бродили, по своей привычке, у северных склонов гор, косяки куланов щипали жесткую траву, антилопы проносились легко и быстро, как стрелы. В долинах тибетских рек звери бродили, не боясь людей. Куланы рысцой шли за караваном Пржевальского, а яки, отяжелев от обильного корма, лениво уступали дорогу пришельцам.

Не удивлялись всему этому лишь Пржевальский и маленький Дондок Иринчинов. Так же, как и в первый раз, яки тяжело падали от метких выстрелов на россыпь черного щебня.

Скоро снег — такой мягкий и рыхлый вначале — отвердел, покрылся блистающей от солнечных лучей коркой. От яркого света болели глаза. Они слезились, слезы застывали на ресницах, и в яркий солнечный день казалось, что ресницы были как пучки маленьких радуг. Блистающие снега слепили не только людей, но и животных. Верблюды шли, неуверенно ставя косматые ноги. Кто-то из путников придумал промывать верблюдам глаза чайным настоем. Это спасало их от слепоты. Один из баранов, которых гнали перед собой казаки, ослеп окончательно. Проводник умолял вернуться назад. Вьючные животные падали от усталости. Люди закрывали ладонями то один, то другой глаз — настолько страшны были сверкающие снега. Точно так же слеп когда-то Верецагин на вершинах Гималаев, там — на заветном юге, за руслом Цангбо!

Глубокий снег закрыл все тропы и приметные знаки. Проводник растерянно разводил окоченевшими руками и метался вместе с отрядом от одного ущелья к другому, с перевала на перевал, но дорога была потеряна. Путешественники кружили на дне горных котловин и, куда бы ни шли, встречали только занесенную снегом стену гранитного хребта. Никакие внушения, сделанные проводнику

(Пржевальский мог быть жестоким), не помогли. Проводник был изгнан из отряда и ушел куда глаза глядят, спотыкаясь о торчащие из-под снега кости верблюдов. Когда он исчез черной точкой в сверкающих просторах, Пржевальский решил искать выхода из снежной ловушки. Всадники отряда стали обшаривать одну за другой окрестные долины в поисках выхода из снежных стен. Пржевальский отыскал тесный проход в горах и вывел своих товарищей из плена. Они одолели еще три хребта и с одышкой, головной болью, хватаясь за сердце, спустились в долину Мур-Усы — верховья Голубой реки.

Они снова — на земле тангутов, снова видят их черные шатры на берегах Мур-Усы. Но впереди лежит неведомая область гор Тан-Ла. Через перевалы Тан-Ла шел когда-то в Тибет отец Гюк.

Хребет Тан-Ла не что иное, как водораздел для рек Индо-Китая и двух великих китайских рек — Желтой и Голубой.

Около перевала Тан-Ла, на высоте в 16 700 футов, люди сохраняли торжественное молчание. Справа и слева от себя они видели цепи новых высоких гор — тысяч в двадцать футов. Отсюда до золоченой Лхассы, до берегов заветной Цангбо оставалось всего лишь около двухсот пятидесяти верст.

В такую минуту не нужны были слова. Все молчали, лишь слышно было, как скрипел снег под ногами да звенели конские стремяна. Двадцатого ноября 1879 года у перевала Тан-Ла раздался громкий салют: выстрелы из русских винтовок облетели ущелья Тибета и замерли вдалеке, погребенные в синих пропастях.

Теперь уж можно было вынуть из нижних व्यюков варенье для далай-ламы и сигары для лхасского китайского резидента и переложить их куда-нибудь поближе...

Вскоре горы Тан-Ла огласились новыми выстрелами. Дело происходило так. К лагерю Пржевальского пришли пятнадцать тибетцев — еграев. Сняв обеими руками шапки, высовывая языки, наклоняя и поворачивая при этом голову, еграи таким образом приветствовали гостей с севера. Еграи — гроза лхасских пилигримов, вдохновенные грабители караванов — пришли в лагерь якобы для продажи масла.

Но пока шла торговля, один из разбойников кинулся с копьем на переводчика Абдулу, а остальные начали ме-

тать камни из пращей. В схватке было убито четверо «продавцов масла» и несколько ранено. Прося пощады, остальные высовывали языки и поднимали вверх большой палец.

После схватки с еграями лагерь пришлось перенести на другое место и укрепить. Но еграи не оставили путников в покое. Вскоре семьдесят всадников, издавая протяжный боевой клич «Ки-ху-ху-у-у!», ринулись на русский караван в одном из ущелий Тан-Ла. Разбойники отступили, оставляя на снегу недвижные тела и стонущих раненых.

Когда караван снова вышел в путь, три новых отряда еграев засели в ущельи, но Пржевальский и тут проложил себе прямой путь сквозь ряды врагов. Грабители караванов отступили в горы.

Вскоре Великий Охотник встал лагерем в долине реки Сан-Чу. Страшный хребет Тан-Ла пройден, теперь остается Лхасса, священная река Цангбо, а там — Брамапутра и пальмовые рощи Бирмы! Пржевальский с завистью и нетерпением следил за небесными караванами лебедей, что тянулись осенью в индийскую сторону, трубя и роняя перья на холодную землю.

Границы государства Лхассы были теперь ощутимы вполне. У деревни Напчу Пржевальского встретили два тибетских чиновника. Они удивились — с севера сюда приходили только тангуты, монголы и китайские купцы из Синина, а русских здесь не бывало еще никогда. На вопрос, зачем человек с севера пришел сюда, Пржевальский ответил, что правительство в Пекине знает, кому разрешить путешествие в его землях. Чиновники очень вежливо попросили Пржевальского ждать ответа здесь и никуда не двигаться.

Великий Охотник подчинился этому с большим трудом. Как чертыхался и бушевал он, устраиваясь для стоянки на ручье Ниэр Чунту, у подошвы высоченной горы! Если бы он мог, он бы снес эту вершину в 16 000 футов — она закрывала ему вид на подступы к Лхассе! Но ему пришлось подчиниться требованиям чиновников далай-ламы.

Пржевальский не знал, что делалось тогда в Лхассе. В то время, когда русские храбрецы шли к Нань-Шаню, Тибет праздновал возведение на престол нового далай-ламы. С 1875 года тянулись поиски чудесного младенца, в которого должен был воплотиться дух прежнего великого ла-

мы. Этого мальчика отыскиали в округе Конпо на восток от Ахассы. 31 июля 1789 года тринадцатый далай-лама был возведен на «трон золотых львов». Его провели в покой Поталы, мимо исполинского изваяния белого слона. Новому властелину дали титул «Наг-ван-ло зан тубден-чжяцо» — Владыки Речи, Могучего Океана Мудрости. Мальчик тянул руки к серебряным колокольчикам, возвешавшим торжество на холме Поталы.

В день возведения далай-ламы на трон над Ахассой возшла крутая радуга. Она долго держалась в небе.

Тибетцы придали этому большое значение.

Шестнадцать дней, проведенных у тибетского ручья, казались Пржевальскому вечностью. Как на грех, здесь нельзя было охотиться — не было зверя. В деревне Напчу собралось около тысячи тибетских солдат и ополченцев — с пращами и фитильными ружьями в руках. Все ждали ответа из Ахассы: она решит — пускать или не пускать Хун-Руса на берег священной Цангбо.

...Через шестнадцать суток Пржевальский получил ответ. Важный тибетский посол в собольей шубе передал Хун-Русу решение сановников Тибета — в Ахассу русских не пускать.

Любезность тибетцев простиралась до того, что они были согласны оплатить все затраты Пржевальского, сделанные в пути до перевала Тан-Ла, лишь бы люди с севера покинули пределы царства далай-ламы.

Пржевальский, конечно, не взял тибетского серебра, он потребовал от послов объяснительную бумагу. Такую бумагу выдали очень любезно и предупредительно. Делать было нечего.

Стояла железная тибетская зима. Продовольствие шло к концу. Люди Пржевальского шли к Цайдаму, питаюсь земляничным вареньем, приготовленным для далай-ламы. Пржевальский сосредоточенно вытаскивал из-за голенища ложку и делил варенье, стараясь не обидеть никого. Чтобы чем-нибудь скрасить всю горечь событий в Тан-Ла, он роздал казакам и солдатам по три сигары из дарственных запасов.

Новый, 1880, год встречали в горах Думбуре; ели оттаявшее варенье, засахаренные фрукты и треску. На реке Нейчжин-Гол вышла последняя горсть риса.

В феврале путники были в Цайдаме, где узнали, что в

Пекине Пржевальского и его спутников считают уже погибшими.

По мерзлым берегам реки Сини-Хэ они добрались до города Донгэра, через места, населенные народом далда—смесь тангутов с китайцами. Башни Донгэра поднимались над бойким торговым городом; здесь проходила дорога из Гань-Су в Южный Тибет; две другие дороги вели отсюда на Куку-Нор. Донгэр и другой город — Синин лежали в долине, окаймленной лёссовыми холмами. Годы дунганского восстания были особенно памятны жителям Донгэра. Китайские солдаты истребили здесь десять тысяч магометан.

На рыночной площади Донгэра встречались: купец из Ладака и из Лхассы с кочевым тангутом, далд — с монголом и китайцем.

Из Донгэра надо было добраться к китайскому сановнику Цин-Цаю, владыке кочевых народов Куку-Нора и всего Северо-восточного Тибета. Цин-Цай жил в большом и хлопотливом городе Синине на большой дороге из Китая в Лхасу (Синин у Марко Поло упоминается под именем Син-Жу). Пржевальский, Роборовский, переводчик и два казака влетели верхом на конях в ворота сининской крепости. Китайские солдаты, стоявшие у ворот, склонили над головами гостей пестрые знамена.

Цин-Цай принял Пржевальского в покое, где на стене висела картина с изображением моря, гор и деревьев. Сановник вежливо задавал вопросы гостям и очень твердо сказал, что не пустит их на верховья Желтой реки. Пржевальский вспылил и заявил, что пойдет на Хуан-Хэ без разрешения.

Тогда Цин-Цай начал пугать Пржевальского какими-то людоедами в истоках Хуан-Хэ, разбойничьими стойбищами тангутов. Гость сказал, что никаких людоедов он не боится. Сановник взял с Пржевальского подписку в том, что он берет всю ответственность за поход на себя.

В Синине Пржевальский узнал, что недавно здесь побывала экспедиция венгерца Бела-Сечени, ездившая отсюда на берега Куку-Нора.

Через три дня караван Пржевальского выступил из Синина к верховьям Хуан-Хэ.

Там отряд пробыл три месяца, исследуя неровное русло реки, рождающейся в Тибете, дополняя новыми мате-

риалами работу первого похода по «Большой подкове» Ордоса.

Летом Пржевальский стоял на берегу голубого Куку-Нора. Были добыты новые материалы для с'емки области лазурного озера.

На лёссовых отложениях Хуан-Хэ и Куку-Нора Пржевальский собрал редкостные растения для гербария, уже украшенного новыми для науки травами и цветами из Джунгарии и оазиса Са-Чжоу. Он разгадал тайну проникновения индийских муссонов через венцы Северо-западного Гималая — в Нань-Шань. Горячие и влажные склоны индийских хребтов отдавали свое дыхание областям, открытым им. Он вез новые сокровища, собранные им для родины и мира.

Он не увидел золоченых кровель Лхассы и не вошел в нее. Зато он вновь снял один за другим покровы загадок с таинственных областей — от Джунгарии до государства Лхассы.

Через великую пустыню Гоби он вернулся к границам России.

Первого ноября 1880 года добрейший Яков Парфенович Шишмарев в Урге встречал, как и прежде, гостей юга. Так закончилось третье по счету путешествие Пржевальского в Центральную Азию.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОХОД

Пржевальский, конечно, мог бы подготовить и послать для с'емок Лхассы смышленного, отважного Дондока Иринчинова или переводчика Юсупова. Но он хотел идти в Лхассу прямо и открыто, как ходили в далекие страны настоящие ученые-путешественники.

В январе 1881 года он выступил на чрезвычайном собрании Географического общества в Петербурге и выступил не один, а вывел на кафедру верного своего спутника — Никифора Егорова. Он поступил так, чтобы разделить славу поровну с товарищами по странствиям.

На седеющую голову Пржевальского вновь посыпались почести. Почетный доктор зоологии Московского университета, почетный член университета в Санкт-Петербурге, С.-Петербургского общества естествоиспытателей, Уральского Общества любителей естествознания, Венского, Итальянского, Дрезденского географических обществ, Се-

веро-китайского отделения Королевского Азиатского общества в Шанхае и прочая, и прочая, и прочая. Прославленный при жизни, Николай Пржевальский рвался от всех этих наград в смоленскую глушь.

Он привез дикие подарки седой Макарьевне. Привыкший с детских лет делиться с ней новостями, он со свирепым юмором рассказывал няньке о знаменитом случае с вареньем далай-ламы, как они ели это варенье пополам с гнилой треской.

В ящике его стола теперь лежали русский орден Владимира, рескрипт о пожизненной пенсии, бумага о звании почетного гражданина городов Санкт-Петербурга и Смоленска.

Он писал книгу о своем третьем походе.

У него была большая склонность к преувеличениям, и он этим летом извел Макарьевну, ругательски ругая Отрадное.

— Там кабак, тут кабак, в ближайшем соседстве дом терпимости, а в более отдаленном — назойливо навязывают дочерей-невест... Ну их совсем, этих соседей, — говорил он, отрываясь от работы.

В это лето он убежал от докучливой славы, наград и невест в самый глухой угол Смоленской губернии, к трем озерам усадьбы Слобода, в сорока верстах от Поречья. Он жадно слушал рассказы о кабанах, рысях и медведях окрестных лесов. Ему хотелось теперь зажить на свободе.

Он вырыл пруд для рыбы, а в саду построил хижину, где принимались только самые избранные гости и товарищи славных странствий.

Забот было много. Эклон совершил предательство и ни с того, ни с сего взял да и женился. Вот тогда-то его и вспомнил холостяк Пржевальский «добрым словом»: шаркун, ловелас, моншер, хлыщ! Променять жизнь вольного бродяги на семейный уют! Рука Пржевальского дрожала, когда он писал в своей садовой избушке книгу «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» или сажал в смоленскую землю семена дынь из Хами.

— Женщины, — проповедывал он, грозя пальцем собеседникам, — судашницы, сплетницы и помеха во всякой работе, женитьба — петля, брать с собой в поход женщину — безумие. Эклон — изменник, променял Куэн-Лунь на первую попавшуюся розовую сплетницу!

Но под всей этой намеренной фельдфебельской грубостью, как теплый родник под ледяной коркой, таились и нежность и тоска по близким людям. Пржевальский всегда кого-нибудь опекал, делал подарки, пожертвования. Грубые выкрики по адресу женщин были лишь средством, чтобы скрыть тоску одиночества от окружающих. Но женитьбу он считал потерей свободы.

Во всей округе говорили о причудах Пржевальского. Хозяином в Слободе он и не думал заниматься, овес сеял только для приманки медведей. Он обрюзг, раздался вширь и стал похож на того толстого и ленивого генерала, каким его любили изображать впоследствии художники. Он ходил вразвалку по берегам светлого озера Сопши; вечерами уединялся в заветную садовую избушку и писал до рассвета; брался за осушку болот; ждал вестей о выходе последней книги. Его книги — уссурийская, монголо-тангутская, лобнорская — зачитывались до дыр, переводились на иностранные языки.

Измена Эклона так огорчила его, что Макарьевна решила сама найти нового спутника для Пржевальского. Осенью 1882 года она разузнала о бойком юноше Петре Козлове, родом из Духовщины, и привела его в дом Пржевальского. Смышленный юнец понравился Великому Охотнику, и вскоре он стал готовить Козлова к сдаче экзаменов при реальном училище в Смоленске и к трехмесячной военной службе. Пржевальский свез Козлова в Москву, определил в полк и стал дожидаться, когда Козлов вернется обратно — с пестрым кантом на погонах и с запасом солдатских словечек, приобретенных в полку.

...В четвертый поход Пржевальский отправился в августе 1883 года, в год Водяной Овцы, по тибетскому летоисчислению. Консул Шишмарев в Урге протирал очки: откуда Пржевальский набрал таких ребят? Вот старый приятель Дондок Иринчинов, старый переводчик таранчинец Абдул, — но кто эти рослые голубоглазые молодцы? Яков Парфенович оглядывал великанов-гренадеров, взятых Пржевальским из Москвы.

Яков Парфенович пошел показывать Пржевальскому подарок Хутухты Монгольского — драгоценную сандаловую чашу. Это был первый случай во всей истории ламаистской церкви, когда иноземцу была подарена подобная вещь.

Двадцать первого ноября Пржевальский выстроил людей против шишмаревского дома и оглядел их. Потом он вышел вперед и прочел приказ:

— Товарищи! Дело, которое мы начинаем, — великое дело. Мы идем исследовать Тибет, сделать его достоянием науки... Не пощадим же ни сил, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется...

И он повел караван из Урги старой дорогой — на Дыньюань-Ин. Пржевальский в третий раз переходил Гоби. Солнце нагревало грудь, когда спина Пржевальского покрывалась инеем. Он ехал впереди отряда, рядом с проводником и препаратором — казаком Пантелеем Телешевым. Начальство над караваном принял Дондок Иринчинов — маленький казак, испытанный в боях, грозах и бурях. Роборовский и юный Козлов, которому еще все было в диковину, ехали в хвосте каравана.

В Тибет шли русские люди — казаки, московские гренадеры, солдаты Троицкосавского линейного батальона — люди, не знающие страха, для которых слово Пржевальского было законом.

В январе 1884 года они увидели громады алашаньских гор, через месяц палатки путников были раскинуты на альпийских лугах у берега светлой реки Тэтунг-Гол. Вот она, знакомая кумирня Чейбсен, где приятель-лама рассматривает в стекла стереоскопа виды Кремля и Волги. Он жив, этот старик — мечтатель и художник, спасший тогда для России бесценные коллекции Великого Охотника. Пржевальский варит суп из мяса и риса, а вечером записывает в свой дневник: «Весело нам и хорошо вдали от всех гадостей европейской жизни...»

Пять дней проводят путники на северном берегу Куку-Нора, а потом идут в Цайдам, к князю Дзун-Цзасака. Цайдамский князек опять препятствует русским идти дальше — на этот раз в Тибет.

Пржевальский учинил расправу над цайдамским князьком. Владыка пустыни был уведен в русский лагерь и там посажен в палатку под присмотром часового. Князек размышлял четыре дня, а на пятый стал проситься на свободу. Он дал все, что у него требовали: проводника, верблюдов и баранов.

В Цайдаме было решено устроить склад. Иринчинов и шесть казаков остались на складе. Пржевальский дал им

книг и семян: пусть попробуют что-нибудь сеять! И пусть не заводят лишних ссор с князьком Цайдама...

Отдав все распоряжения, Пржевальский поднялся на перевал Бурхан-Будды, знакомый ему по первому походу. На плоскогорьи Тибета таилась скрытая холмами и окруженная пустыней котловина Одон-Тала. Она лежала к югу от каменных нагромождений Бурхан-Будды. В этой суровой колыбели рождалась величайшая река Небесной Империи — Желтая, она же Хуан-Хэ. Великий Охотник рассматривал бойкую светлую речонку, бившуюся в ложе из песка и щебня. Он высчитал окружность котловины Одон-Тала — около ста пятидесяти верст, прошел по ее болотам. Темные кочкарники котловины были покрыты светлыми живыми нитями. Казалось, что невидимая игла тянет эти нити вверх, но они обрывались и вновь падали на землю. Они шевелились и сверкали, сгибались и расползались по болоту. Путешественники долго любовались этим зрелищем. Это были из-под земли ключи. Множество маленьких озер раскидалось по всей котловине, которую можно считать дном высохшего озера.

Пржевальский сравнил названия Одон-Тала: китайцы зовут ее Син-су-хай — Звездное море, тангуты — Гарматын — Звездная степь. Тангуты не видели моря, и поэтому обширное пространство они сравнивают со степью. Тангуты в своих черных шатрах, наверное, поют о степи, где родники сверкают, как звезды в небе. Вот из этих светлых нитей, болот и мелких речушек и рождается Хуан-Хэ. Пржевальский стоит над ней — пока еще ничтожной рекой, и Хуан-Хэ оmyвает пыльные сапоги великого открывателя. Сбылись давние мечты: истоки Желтой реки найдены.

Пржевальский торжествовал. Он первым напился воды из Хуан-Хэ и, вытирая усы ладонью, приказал пить ее гренадерам и казакам.

От колыбели Хуан-Хэ он двинулся дальше по ее течению. Два казака сопровождали его. В каменистой долине с ними встретились «божьи собаки», как зовут монголы Цайдама медведей. Все три священных зверя упали под шуцерными пулями.

Дальнейший путь Пржевальского пролег на юг — к верховьям Голубой, известной в тех местах еще под именем Мур-Су.

Теперь водораздел великих рек — Желтой и Голубой — был как на ладони, и, вторично разрезав его своим маршрутом, Пржевальский вернулся на Хуан-Хэ. Он никак не мог оставить в покое эту красавицу-реку. Она точно убежала от настойчивого пришельца с севера и, прихватив по пути свою подругу, скрывалась в двух озерах.

Преследуя Хуан-Хэ, Пржевальский отыскал эти озера, узнал имя, под которым живет и сверкает Хуан-Хэ в своих верховьях. Оказалось, что монголы зовут верхнюю Желтую именем Соломá, а тибетцы — Ма-Чу.

Два озера, к которым бежала Хуан-Хэ, лежали очень высоко — на 13 500 футов над уровнем моря. Отряд расположился лагерем у одного из этих светлых и прозрачных озер.

Пржевальский дал имена озерам: восточное отныне звалось Русским, а западное — озером Экспедиции. С юга в озеро Русское впадала безыменная речка, и Пржевальский долго не мог подобрать ей названия.

В это время триста нголоков, диких жителей Желторечья, рыская в поисках добычи, наткнулись на горсть русских у светлых озер. Про нголоков ходила плохая слава по всему Тибету. Они жили разбоем и разводили для этого особую породу быстрых лошадей. Путешественников нголоки обычно или убивали или брали с них выкуп — «чаг-тал». Главари больших шаек выдавали откупившимся особый пропуск. Другим забавным обычаем нголоков было целоваться при встречах — со всеми знакомыми и незнакомыми. Но когда нголоки увидели людей Пржевальского у озера Русского — ни о каких поцелуях не могло быть и речи...

Три сотни нголоков с развевающимися длинными черными космами, с плащами за спиной, играя на скаку копьями, летели на русский лагерь. Казалось, что они сомнут горсть смельчаков, потопчут их копытами коней, а потом, когда кровавая свалка стихнет, косматый нголок будет обходить трупы и, склоняясь над ними, отсекал, по обычаю, правую руку и выкалывать правый глаз жертвы.

В эти минуты Пржевальский, как он рассказывал потом, думал только о смерти или победе. Стрелки стояли, подняв винтовки, впереди лагеря. Они защищали свою жизнь и сокровища, добытые в походе, — шкуры зверей и птиц, засушенные цветы, бумаги с драгоценными записями!

Нголоки приближались. Русские дали залп. Однако свинцовые поцелуи, полученные нголоками, не остановили их. Они скакали навстречу пулям, падали с коней, но кричали свое: «Ки-ху-ху!» Затем нголоки быстро повернули и залегли за песчаным увалом. Они решили взять пришельцев осадой. Рассвирепев, Пржевальский взял с собой казака Телешева и еще шесть человек и под пулями нголоков пошел прямо на увал. В это время ботаник Всеволод Роборовский защищал бивуак с пятью людьми.

Штурм двух увалов закончился победой. Бой длился два часа, и отряд расстрелял восемьсот патронов. Нголоки потеряли тридцать человек и ушли в синеву пустыни. Нагретые стволы винтовок быстро остыли, на берега безымянной речки вновь пришла великая тишина каменного нагорья. Люди спокойно спали. Июльский ветер еле шевелил длинными, как конские хвосты, смазанными жиром волосами убитых нголоков.

Наутро Пржевальский выстроил людей и прочел им приказ. «Товарищи...» — начал он и от волнения запнулся. В приказе он благодарил верных спутников за храбрость, умолчав о том, как он сам шел на песчаный увал, когда пули нголоков свистели вокруг него. Безымянная речка, впадающая в озеро Русское, с тех пор стала называться Разбойничьей.

В телеграмме, которую при первом удобном случае Пржевальский пошлет в Петербург, было написано:

«В глубине Центральной Азии, на заоблачном плоскогорьи Тибета, за 3000 верст от ближайшей нашей границы, среди дикой природы и ужасного климата наша экспедиция оружием завоевала исследование от века неизвестных истоков Желтой реки и больших озер ее верхнего течения. Дикари-тангуты, старавшиеся преградить наш путь, дважды были разбиты горстью моих смельчаков-спутников, сослуживших отличную службу для науки и для славы русского имени. За таковой по истине геройский подвиг умоляю наградить их знаками отличия военного ордена...»

Пржевальский в раздумьи отложил в сторону карандаш. А как же теперь Лхасса и — может быть — Иравади? После двух сражений с тангутами нечего и думать, чтобы далай-лама пустил русских в свою страну. Пржевальский встает и вразвалку ходит по черному щебню. Ну, ничего, он пойдет теперь в Куэн-Лунь, пройдет вдоль ограды

Тибета на запад и, если там отыщет горный проход, вновь побывает в Тибете. Он вытаскивает карту и черным ногтем отмечает дорогу от Цайдама к Лоб-Нору и дальше — к Хотану, городу небесного камня...

Иринчинов и оставленные с ним казаки в Цайдаме ждали своего начальника. Он возвратился, запыленный и загорелый, и остался очень доволен примерной работой маленького Дондока. Всем своим верным товарищам Пржевальский велел отдыхать две недели, а потом...

РАВНЕНИЕ НА КУЭН-ЛУНЬ

Теперь посмотрим, как Пржевальский исследовал Куэн-Лунь, который и Гумбольдтом, и Риттером, и Рихтгофеном считался за некую неведомую прямую. Вот в Куэн-Лунь ворвался этот удивительный человек, теперь уже сильно обрюзгший и похожий на старого пехотного фельдфебеля. Он раскидывает камни на своем пути, взбирается на недоступные вершины, кипятит воду, довольно гладит усы, а потом часами сидит на снежной вершине и читает наизусть лермонтовского «Демона» и Байрона.

К слову сказать, он иногда и сам пишет стихи в своем дневнике. Правда, они не блестящи по форме, но ясны и целеустремленны по содержанию.

Почему-то он, владыка вершин, победитель горных снегов, в этих стихах вечно уподобляет себя не альпинисту, а пловцу. Бури и волны неизменны в его вдохновенных виршах. Не оттого ли, что он одолевает застывшие волны земной коры — гранитные, сиенитовые, увенчанные не пеной, а вечными снегами?

Он пробил себе путь через тибетскую ограду, ступив на каменную выю Бурхан-Будды, и открыл хребты Северного Тибета: Куку-Шили, Баян-Хара, злосчастную Тан-Ла, семью снежных вершин Самптын-Кансыр и доказал, что горы Северного Тибета имеют связь с Гималаями.

Когда же он увидел Алтын-Таг — к югу от Лоб-Нора, он понял, что за Золотыми Горами — Алтын-Тагом — должны лежать еще какие-то хребты — северная ограда Тибета. Открытие хребтов Северного Тибета выглядело приблизительно так же, как открытие человека, долго искавшего дверь в темной комнате, но вдруг нашедшего не одну, а несколько дверей. Алтын-Таг — это прихожая Тибета, установил тогда он.

На востоке тибетской ограды он открыл Нань-Шань с двумя—Тэтунгским и Южно-Кукунорским хребтами и хребтами Гумбольдта и Риттера. Еще в то путешествие, когда он был остановлен всадниками далай-ламы у Тан-Ла, Пржевальский подарил миру хребет Марко Поло.

Так вот каков он, Куэн-Лунь! Но в этом исполинском сплетении хребтов Пржевальским пока распутаны только два-три узла. К югу и западу от Алтын-Тага есть еще что открывать — если, конечно, итти не по линейке, как учили немецкие географы. Куэн-Лунь — не линейка, не палка, не штык, а дракон, выгнувший спину к северу.

Пржевальский знает еще не все изгибы этого каменного тела. Если хвост дракона лежит у Ордоса, то где его гранитная голова? Надо итти к западу...

Веселей, гренадеры! Осенние дни — не помеха. Пусть синие снежные тучи встают над Цайдамом и ледяной ветер шумит в горной воронке. Во вьюки снова упрятаны шкуры яков, диких ослов, антилоп и единственный во всем мире полный гербарий северо-тибетской флоры.

Пусть нголки и тангуты крадутся по следам экспедиции — впереди только победа. Великий Охотник едет верхом на коне с алюминиевой подзорной трубой в руке со штуцером за широкими плечами. И простая русская песня льется над мерзлой глиной и солончаками Цайдама. Где-то слева, вдалеке, чуть виден бело-голубой хребет Марко Поло с пятью вершинами. А за ним прямо перед глазами встает начало нового горного вала.

Со щедростью человека, которому принадлежат несметные богатства, Пржевальский в этот поход подарил человечеству новый хребет Колумба в Куэн-Луне с высокой вершиной Джин-Ри.

До января 1885 года бродил Пржевальский за хребтом Колумба. У озера Гас он основал ставку, откуда делал походы то в Куэн-Лунь, то в Тибетское нагорье — за южный склон хребта Колумба.

Победа следовала за победой. На великом нагорье, в хаосе гор, скал и холмов невероятных цветов — от пламенно-желтого до лилового (обычный вид в Северном Тибете), он отыскал хребет Загадочный и озеро Незамерзающее. Потом этот хребет по справедливости был назван именем Пржевальского. Его венчала вершина — шапка Мономаха. С этой сверкающей льдами и снегом шапки низвергался поток, одно из начал великой Ян-Цзы-Цзян, ре-

ки Голубой. И он пил ее ледяную воду, черпая горстью, и коченеющими руками делал промеры русла...

История поступила справедливо и мудро: хребет Пржевальского лег на картах между горами Колумба и Марко Поло.

Конец 1884 года войдет в историю всемирной географии, как непревзойденный пример истощенной жажды открытий.

ВОЛШЕБНЫЙ КОВЕР

Делая в Куэн-Луэ вычисления, Пржевальский торопился, как будто солнце могло свалиться с неба в пропасть за Московским хребтом, который тоже был открыт им. Как будто буссоль вот-вот вырвут у него из рук нголки.

Как он успевал? Двенадцать разных наблюдений в день! Надо было измерять температуру, силу, направление ветра, изучать почву, лед и снег и кипятить воду на вершинах. А кто будет снимать золотистые шкуры с диких ослов, антилоп-оронго, горных баранов и яков? Кто уложит на лету снежного грифа?

Он успевал делать все: вести дневник и варить мясо яка. Он засыпал в палатке под грохот лавин и, встав на рассвете, брел по алым снегам к новым и новым вершинам.

За одним исполинским валом Куэн-Луэ Пржевальский брал другой поднебесный редут. Покачиваясь на ходу, он нес свое грузное тело от гор Колумба к Московской горной цепи. Прожеывая длинные волокна полусырого мяса, он оглядывал через подзорную трубу окрестности с макушки «Кремля». Вершина эта стояла в самом сердце Центрального Куэн-Луэ, властвуя над хребтом Московским, и с нее в горные долины текла река Зайсан-Сайту; к востоку лежала Долина Ветров. Золото, каменный уголь, соль, нефрит дремали в заповедных кладовых куэнлуэньских недр.

Тайна Куэн-Луэ теперь была раскрыта.

В год Деревянной Обезьяны он спустился с Куэн-Луэ на дно третичного моря. Великого Охотника снова ждал Лоб-Нор, прижавшийся к гранитным подошвам Алтын-Тага.

В этом походе мужал юный Петр Козлов, будущий герой мертвого города Хара-Хото. Он преклонялся перед

своим суровым учителем. Пржевальский был Кутузовым географии. Он умел далеко видеть и во-время отступать, чтобы потом добывать победу.

Пржевальский часто говорил Козлову о бамбуковых лесах Сычуани, о диковинных цветах в стране за Голубой рекой. Но за Голубую пройти не пришлось, как не пришлось и прорваться в область Лхассы через Куэн-Лунь. Великий Охотник сделал последнюю попытку пробиться в Сычуань. Для этого нужно было переправиться через Голубую реку возле устья Бы-Чу. Но переправа оказалась невозможной. Ничего не оставалось, как «отступить» к Лоб-Нору.

Неистовый — он умел быть и терпеливым. В его дорожных тюках среди шкурок черного аиста с Тэтунга, сушеных ящериц Ордоса, розовых кустов Гань-су лежала замечательная добыча. Ее называли по-латыни *Ahdrosace tapete*, и похожа она была на кусок русского ситца с мелким точным узором. Этот растительный коврик — аршин в поперечнике — рождался из одного маленького семечка, упавшего когда-то на лиловую землю Тибета. Каждый стебелек растения давал в год четыре листочка и один боковой побег. В ситцевом коврике жались друг к другу тысячи стебельков, ростом в один дюйм каждый. Сколько столетий потребовалось для того, чтобы на каменном поднебесьи, под неистовым ветром Тибета, вырос этот коврик? *Ahdrosace tapete* пережила не одно царство и не один народ.

Пржевальский был терпелив. Опускаясь на колени, он собирал новую добычу — четырехдюймовый стебель инкарвиллии. Первый цветок она дает через семь лет, а для того, чтобы на стебле выросло двенадцать цветков, нужно пятьдесят лет. Эта ничтожная веточка, еле сидящая в кремнистой почве, — ровесница ему, человеку, успевшему за это время пройти мир от русских ржаных полей до Тихого океана, от Невы и Волги до вершин, омытых ветрами Индии...

Он изодрал все колени, ползая по тибетской земле в поисках карликовой флоры. Для этого нужно было великое терпенье. Нужно было также иметь терпенье для охоты за мелким крылатым населением гор и долин. Он добыл триста видов насекомых Северного Тибета. Все они, особенно сетчатокрылые виды из семейства муравьиных львов, на две трети оказались неизвестными науке.

Сам он энтомологом никогда не был. Насекомых он стал собирать только после усиленных просьб Семенова-Тяньшанского. Теперь он везет седому открывателю Небесных Гор подарок — совершенно не известных нигде, кроме Центральной Азии, жужулиц.

Пржевальский помнит, как умирающий Гумбольдт мечтал об осколке камня с Тянь-Шаня на своем столе. Теперь Пржевальский, можно сказать, несет в могучей охапке весь Куэн-Лунь.

...Наступил год Деревянной Птицы. С февраля по апрель 1885 года Пржевальский пробыл на Лоб-Норе. Правитель каракурчинцев Кунчикан-бек встретил Пржевальского тепло и приветливо. Он свято хранил подарки — фотографии Великого Охотника.

Население Лоб-Нора расспрашивало путников о России, о великом торге на Волге в древнем русском городе, о чудесном телеграфе, воздушных шарах, паровых кораблях и железных дорогах.

Во время стоянки в селе Абдала Великий Охотник гонялся за тигром. Зверь перебрался через изгородь дома, где жили путники, и задрал корову, осла и злого пса, приведенного Пржевальским из Цайдама. Сколько раз ни выходил Пржевальский на тигра — и на Уссури и в Центральной Азии, ему никак не удавалось уложить ни одного усатого хищника.

Теперь Пржевальский был избавлен от кашгарского надзора на Лоб-Норе. Камышевые дебри расступились перед ним, и он ринулся туда — к весенним хлопотливым птицам — на свою неистовую охоту.

Но он не оставил Куэн-Луня в покое. Там, за цепью Московских гор, светился последний хребет главного Куэн-Луня — цепь Тогус-Дабан. Он был виден с «Кремля». А что лежит дальше — к западу?

От Лоб-Нора он двинулся через пустыню Восточного Туркестана. С левой руки у него оставались, как он думал, великие горы, к подножью которых он и хотел выйти снова.

Золото и нефрит лежали в недрах долины Черчен-Дарьи. Здесь встречались развалины древних городов и могильники неведомых народов. Пржевальский узнал, что в одной из таких могил нашли женский скелет. Золотые кружки покоились на глазницах желтого черепа. Кто и когда закрыл золотом веки азиатской красавицы? Какие

племена населяли просторы Восточного Туркестана? Историки говорят, что здесь жил загадочный арийский народ. На восток от него бродили свирепые гунны, а на северо-западе обитали светловолосые и голубоглазые усунь. Почти до самого начала нашей эры русокудрые усунь пребывали где-то возле Балхаша. Они находились в самых тесных сношениях с древними обитателями Восточного Туркестана. Но кем были эти первые древние люди со «впалыми глазами и выпуклым носом», как описывали их китайские историки? Пока здешняя земля не перешла к китайцам, в 39-м году до нашей эры, пока усунь не ушли с Балхаша, — древняя торговая дорога вела из северо-западных областей сюда, в жаркие пустыни.

Пржевальский шел путем усуней на запад от Лоб-Нора, вспоминая то, что он открыл еще в прежних своих скитаниях: великие дороги ранней цивилизации шли на восток с северо-запада и запада — через Лоб-Нор, вдоль Куэн-Луня, подножьями гор.

Куэн-Лунь открылся перед загоревшимся взором странника своей новой стороной — весь в ледяном огне и сиянии светлых облаков. Пржевальский назвал этот хребет Русским в честь великого народа, сыном которого он был.

Здесь он нашел подтверждение своих смелых догадок о древнем населении страны. Он посетил жилища, вырытые в лёссе, и под сводами их нашел племя мачинцев — древних арийцев Индостана, смешавшихся с монголами.

Индийское начало осталось преобладающим в мачинцах. Так у ледяных вершин Русского хребта, на забытом пути в страну усуней, жил, может быть, древнейший из всех народов Куэн-Луня.

Сердитый и раздражительный, Великий Охотник умел устремлять взор в века. Распутывая сплетенья чудовищных горных хребтов, вглядываясь в жаркую мглу пустынь, он сам пришел к мысли о том, что здесь погребены древние тайны. Кто знает, какие народы прошумели по нагорьям, пескам и что произошло на просторах от Ганга до Лоб-Нора с того времени, когда на земле Тибета великая природа стала ткать тот самый волшебный коврик, который Пржевальский осторожно снял и уложил в свою сказочную походную кладовую?

Пржевальский опередил в своих прозрениях многих ученых. И пройдет еще много времени, пока в Китайском

Туркестане найдут бесценные памятники индийской культуры — сокровища, которые давно утрачены в самой Индии.

Пржевальский знал все — пути птиц в небе, древние следы человека на земле; он знал, как древний человек искал дороги в горах, пустынях, на берегах рек и где именно этот человек должен был идти. Поэтому он знал, как и где идти ему самому к истокам индийских рек, чтобы сомкнуть железное кольцо своих открытий и догадок.

...Высочайшую вершину Русского хребта он назвал горой Освободителя. Она так же, как и высшая точка гор Христофора Колумба, была покрыта сверкающей ледяной корой.

У Пржевальского был обычай — после каждой пройденной тысячи верст устраивать праздник для себя и своих людей. Такое торжество он открыл в Ялсугуне, в оазисе, осеменном шелковичными деревьями. Казачья гармошка ходила ходуном в руках веселого победителя нголоков, гренадеры — Нефедов, Иванов, Блинков, Бессонов — плясали в присядку, и древние индостанцы, жители зеленого Ялсугуна, смотрели с удивлением на это веселье великанов.

Гренадеров сменяли в пляске казаки и пехотинцы: Хлебников, Родионов, Максимов, казак-препаратор Пантелей Телешев, старый бродяга Дондок Иринчинов. Светловолосый Роборовский, юный Петр Козлов и сам начальник большого похода веселились как дети. На торжествах Пржевальский закармливал спутников едой собственного приготовления и угощал шутивными стихами, которые он сочинял тут же, где-нибудь в сторонке, держа в одной руке поварскую ложку.

Отряд веселился не только в Ялсугуне. С песнями вступили храбрецы в город Кэрию, известный с древних времен своим золотом. Здесь жили земледельцы, шелководы и искатели золота и нефрита. Плодородие и избыток воды делали Кэрию благодатным местом Джитышара. Кэрийские китайцы вышли встречать русских.

Великий Охотник нашел реку Кэрия-Дарью. Она, как и многие реки, открытые Пржевальским, брала начало в каменной тибетской пустыне, низвергаясь с безыменной высоты. Прорываясь сквозь вечный снег Кэрийских гор, новая река стремительно текла к Тариму, но, добежав до

него, пропадала в песках Такла-Макан. В стремнинах Кэрий бродили охотники за камнем «юй» — нефритом.

На кэрийском притоке Курабе стояло цветущее селение мачинцев — Полу. Здесь русские гости присутствовали на веселом празднике «томаше», где перед толпой ходили шуты, обряженные обезьяной и козой. Казачья гармошка снова оглашала тутовые сады звуками лихой музыки, и снова казаки плясали, вертясь и приседая в облаках лёссовой пыли.

К югу от Полу простирались тибетские области, неизвестные пути вели в Ладак, на верховья Инда.

Жители Полу так привыкли к русским, что женщины, забросив тканье павлиньих и багряных шелков, плакали, узнав, что русые молодцы покидали их тихий поселок, заброшенный у тибетских рубежей...

Путешественники упорно искали проход в Тибет. От жителей Полу удалось узнать, что такой проход будто бы существует в ущельи, где течет река Кураб. Пржевальский сел в седло и уехал на разведку. Вернулся он оттуда мрачный и раздраженный. Пробриться в Тибет здесь было нельзя. Он плохо спал, осунулся, почти не разговаривал.

Тогда Пржевальский обрушил последний мощный удар на Куэн-Лунь и взошел на вершины Кэрийского хребта. Эти горы были последним, самым западным и самостоятельным звеном, последним позвонком в теле куэнлуньского дракона.

Вечный снег блистал на холодных скалах. Растения здесь росли не выше 13 000 футов, уступая место камням, льдам и снегам. У подножий Кэрийских вершин жили те же древние индостанцы — мачины. Пржевальский во все взгляделся, все изучил, но прохода в Тибет не нашел.

Уже на пути в шумный магометанский город Хотан он открыл горы Текелик-Таг. Город небесного камня прятался за старым крепостным валом. Китайцы, утвердившиеся здесь после падения Якуб-бека Счастливого, строили новые укрепления. Русские подданные Хотана вышли навстречу Пржевальскому с хлебом-солью.

В этом городе шелка и ковров произошло забавное событие. Переводчик Абдул пошел гулять по Хотану в сопровождении туземного купца, русского подданного. Пржевальский сидел дома, размышляя о связи Кэрийских гор с хребтом Русским, как вдруг таранчинец Абдул прибежал с вестью, что на него напали китайские солдаты. От

волнения Абдул перешел даже на тангутскую скороговорку. Верный Абдул готов был разнести весь Хотан, но Пржевальский, улыбаясь, успокоил переводчика.

Он вызвал Козлова и Роборовского и велел им взять двенадцать самых рослых гренадеров и солдат и пойти «прогуляться» по городу. Через полчаса удивленные хотанцы глядели на четырнадцать пришельцев из восточных пустынь. Они шагали правильным строем и пели походную песню так, что от нее, казалось, дрожали ветви абрикосовых деревьев. Они обошли оба города — мусульманский и китайский — и вернулись к своему начальнику.

Вскоре к Пржевальскому явился китайский мандарин и, рассыпаясь в любезностях, стал просить извинения за случай с переводчиком. При этом мандарин растерянно спрашивал: неужели в России все солдаты такие, как эти поющие великаны? Озорные искры плясали в глазах Великого Охотника. Он милостиво отпустил мандарина и стал собирать сведения об осеннем пролете птиц над шелковым Хотаном.

Теперь надо было идти вдоль Хотан-Дарьи на Аксу. Великая пустыня Такла-Макан лежала по обе стороны пути, и могучий Тарим прорезал ее горячей и мутной полосой стали.

Тогда Пржевальский не придавал большого значения тому, что он первым прошел всю Хотан-Дарью и определил течение Тарима. Пока что он увлекался дынями из Турфана и Хами, а в Аксу ходил по рынкам, закупая дынные семена в таком количестве, как будто хотел засадить ими всю Смоленскую губернию.

В шести караван-сараях Аксу кипела жизнь города, устремившего взоры на Индию. Запыленные караваны из русских владений, Кашмира, Ладака и Китая проходили под гулкими сводами четырех ворот крепкой городской стены. Купцы и гранильщики камней, пастухи и седельные мастера, земледельцы и сумрачные восточные кочевники встречались на площадях Аксу.

Пржевальский радостно говорил о том, что великая пустыня, края которой синеют на восток от шумного города, пройдена им от Лоб-Нора до Аксу, от Кяхты до Желтой, от Зайсана до ворот государства Лхассы и от Кульджи до хребта Колумба.

...Страна шелка, золота и нефрита осталась за плечами. Ветер Тянь-Шаня пел в дуле штуцера. Путники стоя-

ли на высоте 13 700 футов среди подернутых изморозью камней перевала Бадиль-Курган.

Границы родины лежали внизу, под ногами, справа синевато светилась вершина Хан-Тенгри.

Одиннадцатого ноября 1885 года на перевале Бадиль-Курган раздался торжественный залп из двадцати ружей.

В долине Иссык-Куля, на земле родины, путники встретили русского поселенца. Что подумал он, когда двадцать оборванцев, отложив в сторону ружья, стащили его с воза и, плача и смеясь, стали обнимать, передавая его из одних железных рук в другие? Пржевальский так мял крестьянина, что тот просил дать ему перевести дух и, лишь отдохнув, сказал, что до Каракола теперь — рукой подать.

ЛАВРЫ

В июле 1886 года Пржевальский возмущенно рассказывал Макарьевне, что с ним делали в Петербурге. Ведь он насилиу вырвался из об'ятий, в которых он барахтался, совсем как каракольский мужик в руках гренадеров.

Действительно, его носили на руках.

Куда теперь складывать награды? Шведы прислали медаль «Вега», которой в последний раз был награжден Стэнли, Италия дала золотую медаль, Академия наук выбила медаль с его портретом и надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии». Куда сложить все эти золотые отличия, которым тесно в ящике письменного стола? Особенно он удивился лавровому венку. Он больше привык к засаленной фуражке, чем к такому, по меньшей мере, странному головному убору...

Теперь он генерал-майор. Солдаты надоедливо становятся во фронт, когда он проходит по улицам Петербурга и Смоленска. Петербургская городская дума постановила еще несколько лет тому назад вывесить его портрет в одной из своих зал. Он отказался от этой чести. Пусть лучше устроят бесплатную читальню. Теперь ее открыли и вновь требуют разрешения на портрет... Когда это кончится?

Не успеет он выйти в сад поглядеть на ростки дынь и арбузов из Джетышара и ремень из Гань-Су, как Макарьевна бежит к нему с пачкой телеграмм и писем. Восторженные дамские послания он читает с ехидными при-

мечаниями или с громовым хохотом. Нет, надо скорее бежать от всего этого в Тибет!

Он отправляется на охоту ясной и звонкой смоленской осенью, но на обратном пути еле доходит до дверей дома. У него, неумолимого странника, болят ноги. Макарьевна растирает ему могучие икры; они пухнут с каждым днем, с каждым днем тяжелей одышка. Московский доктор Остроумов качает головой. Надо меньше бродить по горам и пустыням... Пржевальский машет на доктора своей ручищей. Зима 1886 года стоит у оконца его садовой избушки. Алые уголья горят в печке. Запершись на крючок, он корпит за простым сосновым столом, переписывая набело свои дневники и разбираясь в грудѣ походных записей. Тяжело приминая розовый снег, на вечерней заре он крадется в сад и смотрит, не померзли ли его молодые деревья: яблони, вишни, сливы из Джетышара.

И поздним вечером — нескончаемые разговоры с друзьями, — старые мечты о золотых леопардах. Гунь-Су, лавровых лесах Гималая, сычуаньских зарослях бамбука и холодных рыбах Куку-Нора, которых он открыл...

...Наступает новый, 1887, год. Деша за депешей летит из Петербурга в Слободу. Ворча, Пржевальский идет к шкапу и злобно дергает дверцу. Макарьевна благоговейно бережет его новый генеральский сюртук с жирными, как дунганская лапша, эполетами, прикрывая его хотанским шелком. Тут же, над сюртуком, в шкапу висит окутанный какой-то другой цветной материей лавровый венок.

Он хохочет так, что звенят оконные стекла. Хорош бы был он в драном полушубке и меховых лаптях на вершинах Куэн-Луня, увенчанный этими лаврами!

В письмах к друзьям он горько сетует на то, как душит его застегнутая на все крючки почетная одежда. Но ничего не поделаешь.

Он едет в Петербург, но там ему вручают новые награды и просят скорее устроить выставку.

Грузный, раздавшийся вширь, с золотыми буграми на плечах, чем-то похожий на Кутузова, он бродил по залам выставки, изумленно рассматривая свои же собственные богатства. Чучела антилоп, горных баранов стояли в четыре яруса от пола до потолка. Лошадь его имени — дикий джунгарский скакун Пржевальского — красовалась в центре выставки.

Теперь пора поговорить о ней, об *Equus Przewalskii* — сла-

ве и гордости русской зоологии. Открытие лошади Пржевальского необычайно помогло делу пропаганды дарвинизма... Ученый мир убедился теперь в существовании нового вида, промежуточной формы между ослом и домашней лошастью. В ней есть кое-что ослиное — большая голова, наполовину мохнатый хвост, но *Equus Przewalskii* на зоологической лестнице ставится рядом с домашней лошастью. Возможно, что жительница джунгарских пустынь — живой предок обычной лошади? Пока человек приручал дикого скакуна, вид лошади мог постепенно изменяться.

Когда Пржевальский привез на родину шкуру джунгарской лошади, за ее научное описание взялся магистр зоологии И. С. Поляков. Этот замечательный и упорный человек забыт, и о нем надо сказать хотя бы несколько слов. По происхождению забайкальский казак, он уже взрослым начал учиться, кое-как добравшись до Петербурга. Проявив блестящие способности, он ко времени возвращения Пржевальского из джунгарского похода был уже хранителем зоологического музея Академии наук. За плечами у забайкальского казака были славные дела — исследование Саянских гор, зимовка на Сахалине. И хотя Иван Поляков, по приезде Пржевальского со шкурой сказочной лошади, и торопился в поход вокруг света, зоолог взялся за описание важной находки. Он терпеливо начал разбирать по косточкам стати дикого скакуна. Иван Поляков сообщил всему ученому миру приметы и образ жизни *Equus Przewalskii*. И вот на высоком подножьи в зале выставки стоит невысокая лошадь чалой масти, но почти белая в нижней части тела, грива ее коротка и не лежит, а стоит прямо. Киргизы зовут скакуна кэртаг, а монголы — таге.

Вот как будто и все приметы. Но надо самому пережить и перечувствовать джунгарскую горячую мглу, дыханье потрескавшихся солончаков и самому увидеть, как по мерцающим пескам проносятся тени; косяк кэртагов мчит к далекому водопою, и сердце Великого Охотника замирает от ржанья волшебных коней пустыни...

Поляков, описав кэртага, принялся описывать верблюда Пржевальского. О существовании дикого верблюда сообщил Марко Поло, писал о верблюде и Симон Паллас, но никто до Пржевальского никогда не видел и не убивал двугорбого красавца. Теперь два диких верблюда, как живые, стоят возле чучела *Equus Przewalskii*. Они

живут в пустынях Южной Джунгарии, по Нижнему Тариму, у Лоб-Нора, в просторах Цайдама. У дикого верблюда горбы меньше, чем у его выючного собрата; в остальном разницы как будто нет. Но сила, осторожность, хитрость, злоба живут в этих двугорбых зверях, быстрых, несмотря на кажущуюся неуклюжесть (Свен Гедин говорил про диких верблюдов: «Они так хорошо знакомы с положением ключей, как будто бы они пользовались картой и компасом...»). В конце зимы самцы устраивают дикие побоища, и тогда пустыня оглашается долгим ревом соперников, грызущих друг друга. Маленьких диких верблюжат можно приручать, и они покорно понесут вьюки. Взрослый дикий верблюд — непримиримый враг человека. Он злобен, храбр и чуток, и больших трудов стоило добыть желто-бурую шкуру быстрого зверя. Пржевальский бежал за диким верблюдом по звонкому снегу равнины у Алтын-Тага, по снегу, перемешанному с пылью солончаков, посылая пулю за пулей вдогонку горбатому беглецу. Вопрос о существовании дикого верблюда решен окончательно, и он, покорный и задумчивый, блестя стеклянными глазами, стоит в музейной зале, и на его боку, носящем следы старых кровавых драк, белеет ярлык, наклеенный рукой Полякова.

На выставке-музее представлены богатейшие результаты путешествий Пржевальского. Здесь собрано великое стадо — семьсот млекопитающих: от дикого осла, могучего яка, тибетского медведя до «пеструшки» — маленького степного грызуна. Звериная страна Гуресу-Гадзыр смотрела на изумленных людей, наполнявших залы выставки.

Исполинский гриф-монах, аисты Гань-Су, сотни весенних жертв с Куку-Нора, монгольских озер, Лоб-Нора, птицы Куэн-Луны, Джунгарии и Тянь-Шаня... Здесь есть семьдесят пять видов новых рыб из холодных вод великого нагорья, есть крестоцветные растения, открытые в гиблых дебрях, и парнолистники, похожие на растения Сахары.

Пржевальский смущается, когда ему приходится упоминать здесь свою фамилию... Чорт знает что: «лошадь Пржевальского», «ящерица Пржевальского» и т. д. Пищуха, антилопа, сурок, верблюды, змеи, цветы, рыбы, степные травы, величайшие горы — все носят его имя!

Он показал на выставке далеко еще не все. Где разме-

стить, например, шестнадцать тысяч собранных им растений?

Как много почестей и славы... И он украдкой пробирается к выходу, на весенний ветер, дующий с Невы. И как болят ноги, прошедшие тридцать тысяч верст, когда-то железные ноги, взявшие двести тридцать высот!..

...В Слободе он устраивался на новосельи в новом доме и по этому случаю закатывал гостям обеды. Гостеприимство его было чудовищным. Он требовал от друзей и верных соратников, чтобы они обязательно прибавляли в весе за время пребывания в Слободе. Он ставил каждого приезжего на весы, взвешивал, записывал цифру и успокаивался только тогда, когда вторичное взвешивание показывало, что гость даром в Слободе не жил.

Он завел себе библиотеку, украсил комнаты чучелами тибетского медведя, фазанов, развесил по стенам карты Желтого материка и поставил в угол изваяние «Будды на алмазном престоле»... Спал он на ложе из хвостов яка, причем говорил гостям, что ни один владыка мира не имеет такой постели.

Он водил гостей по саду, показывал яблони, привезенные им из Азии и перенесшие смоленскую зиму. Яблони были названы в честь спутников: «Роборовский», «Козлов», были и яблони — «гренадеры», самая маленькая звалась «Дондоком», в честь храброго и исполнительного забайкальского казака...

Весна и лето 1887 года прошли в ночном слушании соловьев у порога хижины, в прогулках по Чортовой гряде и Слободскому озеру, в напряженной работе над последней книгой — «От Кяхты на истоки Желтой реки».

Великий Охотник, уединяясь в бревенчатой избе, склонялся над картами своих путешествий. Весь Северо-западный Тибет был исколот остриями циркуля, испещрен цветными точками и кружками. Закапав карты стеарином, избороздив их красными линиями маршрутов, он утомленно закрывал глаза и звал к себе Петра Козлова. Великий Охотник начинал горячо рассказывать о лофофорах Гималая — больших зеленогорлых фазанах с красным затылком и спиной цвета бронзы. Снова развертывая исколотую карту, похожую теперь на сито, он ставил на ней размашистый крест. Вот здесь, на высотах в 16 000 футов, токуют красавицы лофофоры, а внизу — у северного ската Гималаев — бродят бешеные дикие скакуны.

Туда пойдет он снова с Козловым, Роборовским и Телешевым!

А болезнь? А боли в ногах? Он в недоумении смотрит на Козлова. Что за вопросы? Он здоров и крепок, он давно уже выкинул склянки с лекарствами в бурьян под окно хижины. Он ругает Козлова бабой и выталкивает из избы: иди к Макарьевне, судачь с ней насчет мнимых болезней своего учителя...

...В конце года Огненной Свиньи англичане объявили, что их первая научная экспедиция в Тибет увенчалась большим успехом. В декабрьской книжке «Вестника Королевского Географического общества» был напечатан краткий отчет А. Кэри. Оказалось, что Кэри в 1885 году перешел Алтын-Таг, проник в северную часть Тибетского нагорья и оттуда пробрался к верховьям Хуан-Хэ. Научные результаты своей экспедиции путешественник держал в тайне.

Кэри прошел по следу Пржевальского, по открытым им землям. Не успел индийский муссон загладить следы Пржевальского на горячей глине пустыни, как по его следу идут люди из Гималаев. Теперь Королевское Географическое общество отмечает Кэри как пионера Тибета.

...Далай-лама, имеющий титул «Красноречивого Благородного Тубдена», обратил свои медленные взоры на Север. Далай-лама не хочет слушать богдыхана, а ищет сближения с Россией. Чем объяснить такую перемену? Почему юный земной бог хочет протянуть руку не Пекину, а Петербургу? Всем известно, что ни один далай-лама еще не доживал до восемнадцатилетнего возраста. Далай-ламу каждый раз убивали по указке богдыханского регента. Но вот этот мальчик-владыка не хочет умирать. Ходят слухи, что далай-ламу теперь воспитывает бурят, выходец из России. Он пришел в Тибет из Забайкалья, уединился в одном из монастырей и получил звание «Тзан-найс Кханпо». Он сделался опекуном далай-ламы, и мальчик в желтой митре слушает советы бурята. Они неразлучны. «Благородный Тубден» уже начинает покрикивать на богдыханского регента.

И вот, прищулив глаза на сияние качающихся золотых лампад Поталы, во дворце живого бога сидит выходец из русского бурятского кочевья, тибетский жрец Го-Манг Ломцанг Дорджиев... И две тени — маленькая и большая — качаются на фарфоровой стене лхасского дворца.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

В августе 1888 года Великий Охотник простился со Слободой. Он прошел в сад, сорвал два жолудя с могучих дубов и спрятал памятку у сердца. Когда он прощался с Макарьевной, он плакал, глядя в выцветшие, как старый ситец, глаза няньки. Она благословила его. Пржевальский подошел к порогу родного дома и написал у входа: «До свиданья, Слобода!», вывел внизу свою подпись и заставил сделать это же Роборовского, Козлова, Телешева и Нефедова. Затем он оглядел строй яблонь, снял шапку и вышел из ворот Слободы.

В Петербурге он говорил всюду о том, что нужно дружить с Тибетом, что теперь-то его пустят к далай-ламе. Он уговорит мальчика-владыку пропустить его к неведомым истокам лотосовых рек. «Умереть за такое славное дело приятнее, чем дома», — говорил он Козлову и тут же успокаивал его: до Лхассы они дойдут через Полу, Кэрию, а там будет видно.

Он без умолку твердил о цветах лотоса, найденных им когда-то на озере Ханка, о зеленогорлых лофофорах, о рощах Сычуани, наполненных ревушими обезьянами...

Внезапно замолчав, он вытаскивал из карманов газетные вырезки и раскладывал их на коленях. Нахмурясь, Пржевальский перечитывал вырезки одну за другой. Чего только не писали в Европе о его новом походе в Центральную Азию...

Пржевальский говорил спутникам, что теперь-то он пойдет в Тибет, невзирая на любые опасности. Пусть даже богдыхан откажет ему в выдаче бумаг для похода — он пойдет без них.

Но охранный лист пекинские власти выдали. Пржевальский выехал из Слободы.

В Москве он узнал о смерти Макарьевны.

Пржевальский рвался скорее к границам Центральной Азии.

Трудно представить себе Пржевальского, путешествующего с удобствами. Но на этот раз он спешил. В Нижний он ехал на поезде, а там пересел на пароход «Фельдмаршал Суворов» и на нем спустился к Каспию. Морское судно перевезло экспедицию через море. Потом замелькали пески закаспийских пустынь, Кизил-Арват, Асхабад, Мерв, Самарканд. Древний город очень понравился Прже-

вальскому. Потом он выехал в Ташкент. Отсюда начинались привычные караванные пути Азии. Вскоре Великий Охотник жил в юрте возле Пишпека. Он был озабочен покупкой верблюдов и с увлечением расхаживал по пыльному базару. Потом он велел запрячь лошадей и поехал в Верный вместе с Роборовским. Спутник Пржевальского замечал, что его начальник часто жаловался на жаркое солнце, чего раньше с ним никогда не было.

В Верном, зеленом городе у подножья снеговых гор, у Пржевальского было много дел: он отбирал солдат и казаков для экспедиции, закупал чай и сахар, веревки и уздечки. Нашел также время для того, чтобы осмотреть в городе следы недавнего землетрясения.

Роборовский вспоминал позже, что во время этой поездки могучий, железный Пржевальский часто говорил о смерти и старости. Он завидовал юности Роборовского и Козлова. Называя свой отряд семьей, Великий Охотник мечтал умереть не дома, а в каком-нибудь путешествии, на руках у верных спутников. Но хандра быстро проходила. В Караколе он приказал спутникам поставить юрты и палатки около Каракольского ущелья. Пржевальский не мог жить в городе, стены давили его. На новосельи он рассказывал спутникам о том, как он славно поохотился недавно на фазанов в долине Чу. Но, рассказывая об охоте, Пржевальский зябко поводил плечами. Его начинало лихорадить.

Нежданный неумолимый враг подкрался к его изголовью. И вот он лежит под сводом юрты, обросший свалывшейся бородой, и бредит птицами и снежными хребтами. Ледяные горы Тянь-Шаня мерцают за дверью юрты, падучие звезды пролетают над глетчерами, веет осенний ветер, и багровые языки походного костра поднимаются к войлочному своду.

Двадцать девятого октября 1888 года военный лекарь из Каракола потрогал холодеющее запястье руки Великого Охотника. Боль под ложечкой, тошнота, боли в руках и ногах, тяжелое забытье... Что мог поделать здесь лекарь со своими пузырьками?

В тот день к юрте слетел с высот Тянь-Шаня огромный бурый гриф. Он сел на склоне скалы, закрыв крыльями солнце и горы. Великий Охотник очнулся, взял штуцер и, еле держась на ногах, вышел из юрты.

Шатаясь, водя дулом ружья то вправо, то влево, устремив испуганные впалые глаза на добычу, он шел к уступу, где сидел гриф, повернувший голову к горам и солнцу.

Дрожащими руками Пржевальский вскинул ружье. Последний в жизни выстрел! Он знал это. Гриф, ломая крылья о каменный уступ, скатился вниз, на глубокий снег.

Ползком добрался Пржевальский до юрты и рухнул на ложе, не выпуская из рук холодного ствола. По скрипучему снегу его привезли в армейский лазарет в Каракол. 31 октября он лежал на койке в забытьи. Кровь, струившаяся из носа, пятнала белую рубаху. Он сердился и кричал на Козлова и Роборовского, видя слезы на их глазах. Его растирали камфорой, уксусом, клали на лоб лед...

Утром 2 ноября 1888 года он впал в забытие. Прикрывая лицо ладонью, он бредил птицами. Потом, встав во весь рост на кровати, он выпрямился и огляделся. Верные гренадеры стояли вокруг, соблюдая молчание и поддерживая на весу его могучее тело. Он смотрел в лица спутников, и в голубых глазах Великого Охотника промелькнули искры сознания. Он громко и явственно произнес: «Теперь я лягу!» — рухнул, вытянулся на постели и замер.

Его закрыли бязевой лазаретной простыней.

Через несколько дней огромное тело героя Тибета водрузили на лафет старой пушки и повезли к глубокой могиле на берегу Иссык-Куля. Это было место, откуда Петр Семенов когда-то впервые увидел Тянь-Шань. Когда гроб опускали в могилу, раздался залп орудий каракольской линейной батареи и грохот ружейного салюта.

Бурые грифы кружились над берегом Иссык-Куля, а солнце зажигало горные снега.

ТАМО-РУС МАКЛАИ

НОВГОРОДСКАЯ РОДИНА

Родиной этого замечательного человека были новгородские края, обширные пространства Северной России с их светлыми зорями. Хвойные леса, мхи-зыбуны на темных болотах, холодные голубые озера, шершавые валуны, похожие на огромные ковриги черного хлеба, синеглазые льны, багровые ягоды клюквы, быстрые реки, бегущие к трем морям... валдайские холмы, сумрачные могилы древней вёси, темные погосты — вот что видел путник на тихих новгородских просторах.

В этих просторах затерялся городок Боровичи. К северу от него, за областью холодных озер, стоит Тихвин, к юго-западу — в своих горных владениях — славный город Валдай. Прямо на юг от Боровичей — Торжок, где девушки вышивают золотом шелка и бархат, дальше расстилается озеро Селигер, на южном берегу которого стоит городок Осташков. Путь к востоку от Боровичей приведет к Устюжне-Железнопольской, что на Мологе, — городу древних кузнецов, в Весъегонск, где живут люди с соломенными волосами и глазами цвета голубицы. И кругом — мхи, леса, поля, где в лямкой ржи кричит коростель, а ветер рябит воду озер от Тихвина до Кириллова.

Река Мста бежит по Боровичскому уезду, шумя на каменных порогах, в берегах, сложенных из каменноугольных глин. На Мсте боровичане строят суда, искусные кормщики из Боровичей проводят суда через гранитные гряды порогов. Боровичане — хорошие гончары. Они также ткут белые холсты и выделывают пуговицы из меди. Го-

род бойко торгует холстами и кожей. Боровичи славятся хорошим местным кирпичом.

На большой дороге в Устюжну бренчат глухие валдайские колокольцы обозов. На рынке продают возами рожки, розовые пряники, радужные леденцы и снятки.

Но у малого простого городишки Боровичи — необыкновенный герб: щит разделен на два поля — серебряное и голубое. В голубом поле всходит золотое солнце, а в серебряном изображен корабельный руль, окованный железом. Снег, лазурь, солнце и эмблема странствий! И тишина лесной новгородской страны — только для тех, кто не может услышать за ней рокота светлых родников. Здесь, на севере, крепнет и мужает русский народ, тот, что еще ходил в ушкуйниках, раскропая веслами дальние реки, плавал на утлых ладьях по чужим синим морям.

Боровичи дали миру великого русского землепроходца, и от Боровичей, от ржаных суслонов, начинается история странствий Миклухо-Маклая по земному шару.

...Он родился 5 июля 1846 года в селе Рождественском, что возле Боровичей. Отец будущего путешественника, инженер-капитан Н. И. Миклухо, повидимому, жил в небольшом имении.

Новгородский архив не хранит в своих фондах никаких документов об отце Миклухо-Маклая, хотя архивисты просмотрели старые документы Новгорода и Боровичей.

Зато удалось установить другое. Из четырех сыновей инженер-капитана Миклухо трое связали свою судьбу с походами, странствованиями, изучением земли и морей.

Два младших сына инженер-капитана немало бродили по земле. Михаил Николаевич Миклухо был геологом. Он исследовал остров Валаам и озерные архипелаги, прилегающие к нему, составил геологический очерк Олонецкого уезда. Он изучал знаменитые кварциты Шокши, из которых был вытесан саркофаг Наполеона: крепкие породы малинового, багрового и бледно-зеленого цвета. В Житомирском уезде Миклухо-Маклай — геолог проследил процесс перехода мощных слоев лёсса в песок. Сверстник Александра Карпинского, Мушкетова, Толмачёва, Барбота де Марни, геолог Миклухо сделал немало для познания недр страны. Самый младший из братьев — Владимир Миклухо-Маклай был моряком. Еще находясь в морском училище, он вступил в революционную организацию «Общество Китоловов», и его имя было внесено жандармами

в тайные списки революционеров в русском флоте. Очевидно, Миклухо-моряк участвовал в кругосветных плаваниях русских кораблей. Эти плавания были обычны в то время. Пятнадцатого мая 1905 года капитан первого ранга Миклухо-Маклай погиб в Цусимском проливе, командуя броненосцем «Адмирал Ушаков».

Во время боя «Адмирал Ушаков» оказался в тесном кольце неприятельского флота. Русские офицеры и матросы понимали, что они не смогут выйти из этого кольца и спасти свой корабль. И они приготовились к последнему беспощадному бою. Японские суда приближались к «Адмиралу Ушакову», и с борта обреченного корабля был отчетливо виден сигнал с предложением о сдаче, поднятый на мачте крейсера «Иваге». По приказу В. Миклухо-Маклая артиллеристы «Адмирала Ушакова» стреляли до тех пор, пока славный корабль не пошел ко дну.

Капитан первого ранга Миклухо-Маклай покинул корабль последним. Когда к нему подошла японская шлюпка, командир «Адмирала Ушакова», еще держась на волнах, успел указать врагам на гибнущего рядом с ним русского матроса.

Через несколько мгновений В. Миклухо-Маклай пошел ко дну, гордо отвергнув помощь врага.

Братья Маклай — и моряк и геолог — были известны, как и их брат, будущий знаменитый путешественник, под двойной фамилией. Это следует отметить особо, ибо биографы Н. Н. Миклухо-Маклая, в том числе и академик Анучин, утверждали, что великий путешественник прибавил вторую фамилию «Маклай» к основной «Миклухо» совершенно произвольно, в виде некоего экзотического псевдонима. Это утверждение неверно, так как в новых материалах оба брата упоминаются под двойной фамилией.

ПЕРВЫЕ СКИТАНИЯ

В боровичской стороне семья Маклаев жила недолго. Проф. Анучин свидетельствует, что инженер-капитан Миклухо-Маклай был начальником вокзала Николаевской железной дороги в Санкт-Петербурге. Остальные биографы Маклая повторяют вслед за Анучиным эту короткую справку и ничего больше об отце путешественника не пишут. Теперь удалось установить, что инженер-капитан

Миклухо был одним из видных строителей железной дороги между Петербургом и Москвой. Он работал в Северной дирекции; в 1844 году имя его упоминается в царском указе с выражением благодарности инженерам северных участков дороги. Миклухо строил железнодорожный путь от Петербурга на Чудово и Мсту—до границы Крестецкого и Валдайского уездов. Года через два после указа капитана Миклухо назначают помощником начальника опытного участка Петербург—Колпино с веткой к Александровскому заводу, где строились тогда паровозы. Седьмого мая 1847 года американец Уистлер по приказу Миклухо провел по новой линии первый паровоз. Первый пробный участок был длиною лишь в двадцать шесть верст. К 1849 году открыли второй опытный путь Вышний-Волочек—Тверь, в сто двадцать верст длиною. Когда Миклуху назначили начальником участка, он навлек на себя гнев Клейнмихеля. Дело в том, что Северная и Южная дирекции соперничали, ссорились между собой. «Северянин» Миклухо из-за чего-то крупно поспорил с «южаннином» Крафтом — человеком, который был лицом так похож на Наполеона, что все этому изумлялись. Из-за ссоры с двойником Бонапарта капитана Миклуху уволили с участка. Года два подряд сидел он в боровичской усадьбе, где подрастал его четырехлетний сын Николай. Двадцатого июня 1852 года из канцелярии Клейнмихеля вышел приказ № 116 — о разделении железной дороги на отделения и дистанции. Миклухо назначался начальником IV отделения и получал в свое ведение отрезок пути в сто пятьдесят две версты — между Спировской и Клином, с такой крупной станцией, как Тверь. Шестилетний Маклай мог помнить многие события на железной дороге — пробный перевоз пехотной дивизии из Петербурга в Москву, проезд царской семьи, осмотр линии грозным Клейнмихелем... Это были такие времена, когда свистки первых паровозов пугали тверских и валдайских лосей, когда рабочие ловили филинов и орлов недалеко от насыпи дороги.

В 1857 году капитан Миклухо умер. Будущий исследователь Океании после смерти отца поступил в «Школу св. Анны» в Петербурге, но через год уже носил на фуражке серебряные гимназические веточки. Не закончив курса Санкт-Петербургской 2-й классической гимназии, Миклухо-Маклай определился в университет на физико-ма-

тематический факультет по отделению естественных наук. В стенах университета Миклухо-Маклай пробыл недолго: в 1864 году юный Маклай был исключен из списков вольнослушателей, и обер-полицмейстер столицы предложил университетскому начальству выдать Маклаю обратно метрику, копию формулярного списка его отца и бумагу о дворянском достоинстве. Чем это было вызвано — в точности неизвестно. В архивах сохранилась лишь справка о том, что Маклай... «неоднократно нарушал во время нахождения в здании университета правила, установленные для этих лиц» (то есть для вольнослушателей)...

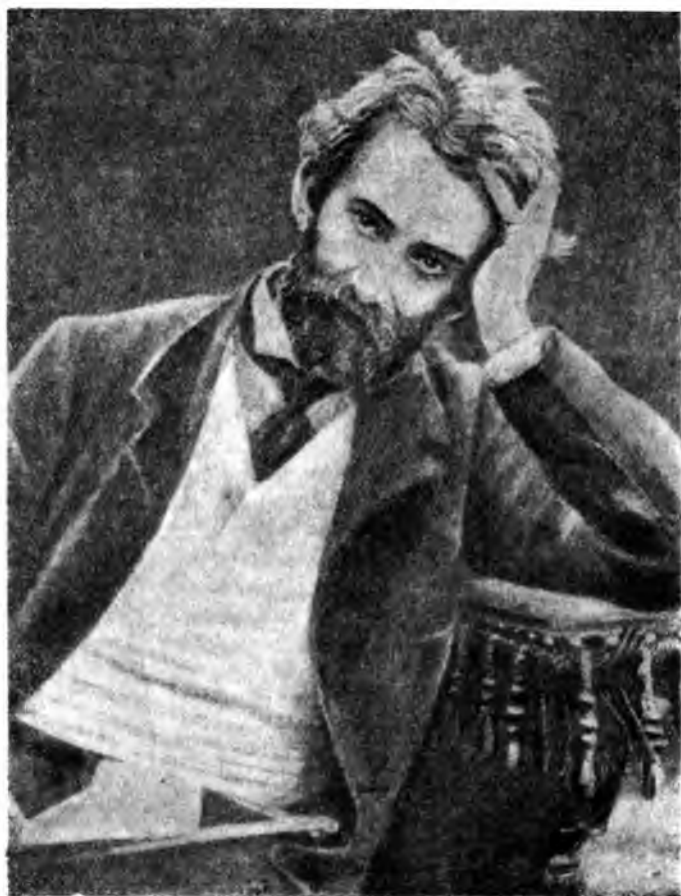
Возвратив Маклаю бумаги, университетское начальство взяло с него подписку в том, что он не будет больше посещать университет.

С этого времени и начинаются странствия Николая Миклухо-Маклая по земному шару.

Он уехал в Гейдельберг и поступил в знаменитый университет. Числясь на философском факультете, он также слушал лекции и всех других выдающихся профессоров Гейдельберга. Среди них был Герман Гельмгольц, медик и гениальный физик. В Гейдельберге читали лекции и знаменитый юрист Иоганн Блунчли, веривший в то, что со временем все человечество создаст единое всемирное государство, и великий физик Бунзен.

Два года прожил Миклухо-Маклай в Гейдельберге, потом он переселился в Лейпциг, где мы видим его на медицинском факультете. Но непоседливый юноша из Лейпцига перекочевал в Иену, где в то время читал лекции Эрнст Геккель, знаменитый естествоиспытатель. Геккель был погружен в изучение простейших беспозвоночных, губок, полипов, медуз, местом его работы были остров Гельголанд, Ницца, Мессина, Неаполь. Ему принадлежала идея изучения животных моря на морском берегу, и Миклухо-Маклай, организуя впоследствии морские биологические станции, делал это, помня заветы Геккеля. Лучший знаток жизни лучистых, Эрнст Геккель был убежденным дарвинистом.

В 1866 году Геккель подарил миру «общую морфологию организмов», сделавшую имя его бессмертным. И в том же году Николай Миклухо-Маклай был приглашен Геккелем в большое путешествие. Они побывали на Мадейре, где Миклухо-Маклай впервые увидел апельсиновые рощи, драконовые деревья, уступы береговых скал и мор-

Н. П. Миклухо-Маклай
1846—1888

ские просторы. Волшебная нить странствий впервые привела Миклухо-Маклая на просторы океана. За Мадейрой следовал Тенериф, где по выжженным солнцем дорогам шагали верблюды, где по светлому снежному шлему Тенерифского пика бежали тени от облаков и где ученому путешественнику показывали дом, в котором жил творец «Космоса» Александр Гумбольдт.

Геккель со своими спутниками побывал на Гран-Канарии, четыре месяца прожил на острове Лансероте. Миклухо-Маклай анатомировал губки и работал над мозгом хрящевых рыб. С океанских островов Миклухо-Маклай устремился в Марокко, проехал в Испанию и через Францию вернулся в Иену. На следующий год мы видим Миклухо-Маклая уже в Мессине, где он работал с зоологом-дарвинистом доктором Антоном Дорном, изучал морские организмы непосредственно в связи со средой.

Но Миклухо-Маклая опять потянуло в другие страны. В 1869 году он появился на берегах Красного моря. Двадцатитрехлетний русский ученый очутился в незнакомой стране, среди враждебных арабских племен. О подвигах Миклухо-Маклая в Африке у нас знают меньше, чем об опасных походах хромого Вамбери, странствовавшего в наряде дервиша по золотым пескам Востока. А ведь юный Маклай прошел пешком через все Марокко. Еще отважнее были его путешествия по берегам Красного моря.

Миклухо выбрил, как истый мусульманин, голову, выкрасил лицо, облачился в арабский бурнус. Его можно было видеть на коралловых рифах, где он рассматривал в микроскоп мельчайших обитателей красноморских глубин. Маклай хотел установить связь фауны Красного моря с Индийским океаном. В наряде араба он сидел на морском берегу и вел свои работы в то время, когда термометр показывал не менее 35 градусов в тени. Но ни голод, ни болезни, ни постоянные угрозы со стороны арабов не смогли сломить Миклухо-Маклая.

Скитания по берегам Красного моря были как бы преддверием к новогвинейской эпопее Маклая. Мужество с молодых лет сопутствовало молодому ученому,

Убедившись в том, что он уже постиг некоторые тайны фауны Красного моря, изучил его берега, познакомился с бытом арабов, которые не раз, кстати, покушались на его — увы — пустой кошелек, Маклай тронулся в обратный путь. Он увидел Константинополь и скоро сошел с

корабля на берег Одессы. Побыв недолго в Крыму и не успев восстановить расшатанное на Красном море здоровье, Миклухо устремился на Волгу. Здесь он, под несомненным влиянием Карла Бэра, стал работать над мозгом хрящевых рыб. Только выполнив эту работу, Маклай успокоился и приехал в Москву с пораженными цынгой деснами и остатками тропической лихорадки. Но и тут он не отдыхал. Прямо из гостиничного номера он пошел на собравшийся в Москве второй съезд русских естествоиспытателей и врачей. С трибуны съезда Маклай предложил проект создания сети зоологических научных станций на четырех российских морях и Тихом океане.

Маклай рвался в Петербург. Уверенный в своих силах, он ждал там признания своих трудов от седых патриархов русской науки. Особенно хотел он увидеть Карла Бэра.

ЗАВЕТ КАРЛА БЭРА

В 1869 году Карлу Бэру было семьдесят семь лет. Величавая поэма его жизни близилась к концу.

Бэр помнил годы наполеоновского нашествия на Россию, когда он, будучи студентом в Дерпте, добровольно поехал спасать от тифа русских солдат рижского гарнизона. Бэр побывал под картечью, когда Ригу обстреливали орудия армии Макдональда.

В 1826 году Бэр в послании Санкт-Петербургской Академии наук обнародовал свое величайшее открытие в области эмбриологии: «О происхождении яйца млекопитающих и человека». Через два года Бэр выпустил первый том своей «Истории развития животных».

Избранный в члены Санкт-Петербургской Академии наук, Бэр зимой 1829 года покинул Кенигсберг, посвятив с тех пор себя работе по изучению естественных богатств России. Не надолго наведываясь в Кенигсберг, Бэр с 1834 года уже навсегда поселился в России, спасаясь от произвола прусских чиновников, мешавших его научным занятиям.

Карл Бэр принадлежал к тем ученым, вдохновение которых роднит науку с поэзией. Он рвался за Полярный круг, на Новую Землю, которую не посещал еще ни один ученый естествоиспытатель. Бэр разыскал русского моряка, лейтенанта Цывольку, получил от него все сведения о русском севере и скоро на утлой шхуне летел под всеми па-

русами из Архангельска к берегам Новой Земли. Он изучил фауну и флору полярного острова, побывал затем на Кольском полуострове и островах Финского залива. Работая в Медико-Хирургической академии, Бэр вместе с Пироговым основал Анатомический институт, впоследствии совершил поездки в Генуэ, Триест и Венецию, где исследовал низших морских животных.

Вслед за этим Бэр устремляется в Балтику и на берега Чудского озера для работ по исследованию рыбных промыслов России, а затем на Волгу, Каспий и Азовское море.

Вернувшись в Петербург, Карл Бэр начал работы по антропологии в Академии наук. Пытливый ум Бэра живо откликался на многие явления природы. Он посвящает себя изучению географии, зоологии и антропологии, преимущественно с прикладной точки зрения, выдвигает проблему соединения каналом Каспийского и Азовского морей, делает описание Каспия, обосновывает «закон Бэра» — о причинах неравномерной высоты правого и левого берегов рек северного полушария, устанавливает систему измерения черепов, чем и прославляется как «Линней антропологии». Бэр открывает лабиринтовые постройки на островах Финского залива, пишет исследования о папуасах, делает изыскания по истории олова, пропагандирует разведение новых полезных растений и особенно выступает за освоение новых рыбных богатств в водоемах России. Всем известную «астраханскую селедку» до Бэра в России не ели; он доказал съедобность этой породы сельди.

Карл Бэр писал стихи и исследовал «Одиссею» Гомера с точки зрения географа. Сделав подробный разбор «Одиссеи», он утверждал, что Одиссей странствовал большей частью в Черном море, Сцилла и Харибда лежат в Босфоре, Балаклава — не что иное, как бухта Листригонов. Его привлекала поэтичность легенды об умирающем лебедь, и Бэр научно обосновал эту легенду, доказав, что южно-европейский черноклювый лебедь-кликун действительно издает звуки, похожие на красивое пенье, на что не способен лебедь красноклювый.

В годы, когда дряхлый Бэр допевал свою лебединую песню, юный Миклухо-Маклай искал встречи с этим великим человеком. У Маклая была рекомендация Геккеля. Молодой ученый воочию увидел светлые, широко откры-

тые глаза седого академика, еще горящие юным огнем, его большой лоб и покрытое морщинами лицо.

Карл Бэр оказал большую честь Маклаю. Престарелый ученый поручил исследователю Красного моря начать изучение в Зоологическом музее собранных самим Бэром коллекций губок.

Так Маклай получил признание знаменитого старца и, ободренный пожатием его руки, стал описывать бэровские находки.

Но только ли одни вопросы изучения морских губок влекли Маклая к Бэру? В те годы виднейшие ученые мира страстно обсуждали проблему происхождения человеческого рода. Антропологи разделились на два лагеря: моногенисты стояли за единство происхождения всех народов мира, полигенисты утверждали обратное. Хотели этого или не хотели полигенисты, среди которых были и ученые с большим именем, но за их спиной стояли колониальные угнетатели, озлобленные прокламацией Авраама Линкольна об отмене рабства в Новом Свете. Еще в сороковых годах XIX века некий Хунт выступил с «теорией», утверждавшей близость низших рас к животным. Потом начались поиски живого «missing link» — недостающего звена между обезьяной и человеком. За признаки этого «вида» принимали и «шерстистость» волос у папуасов, и особую форму черепа, и цвет кожи, и отставленный в сторону большой палец на ноге дикаря, никогда не знавшего обуви. Но Дарвин, Геккель, Бэр, Кольман, Вирхов и другие решительно отстаивали единство происхождения человечества. Не разделяя целиком великой теории Дарвина, Бэр, однако, проявил себя убежденным моногенистом. В самый разгар войны Юга и Севера он писал: «Я ссылаюсь на опыт всех времен и стран: во всех случаях, когда народ несправедливо поступает по отношению к другому, он не преминет считать последний жалким и бездарным...» Так Бэр вставал на сторону угнетенных негров.

Маклаю был понятен интерес Бэра к изучению первобытных племен, ему были известны работы Бэра об альфурах и папуасах. Разгадку происхождения человеческого рода можно найти там, на пальмовых островах Океании. Когда к первобытным племенам придет европейская цивилизация, простые дети природы утратят почти все, что их отличало от белого человека. А белый владыка

принесет с собою алкоголь, непонятные для дикого человека молитвы, более совершенные орудия убийства, страшные болезни «цивилизованного» мира и рабство, пусть не утвержденное законом, но все же беспросветное и страшное.

Надо идти в Океанию, идти не для проповеди евангелия, а для спокойного и вдумчивого изучения жизни младших чернокожих братьев, членов единой семьи человечества. Маклай был жадным исследователем. Он верил, что сможет в совершенстве изучить не только черные племена коралловых островов, но самые кораллы, птиц, рыб, медуз, растения и камни океанских стран.

Маклай думал, что первобытного человека следует изучать непосредственно в связи с его средой.

Радужие Карла Бэра окрылило Маклая.

Но он нуждался еще в признании и праве на дальнейшее внимание у адмирала Федора Литке, вице-председателя Русского Географического общества. Это общество в 1845 году создали славные ученые и мореходы — Бэр, Крузенштерн, Рикорд, Литке, Врангель. Общество прославило себя впоследствии подвигами Пржевальского, Потанина, Певцова, Семенова-Тяньшанского, Грум-Гржимайло, Федченко, Северцева и самого Миклухо-Маклая.

В 1869 году Маклай был молодым и совершенно не известным Географическому обществу ученым. Поэтому он, прежде чем идти в Географическое общество, достал письмо от замечательного путешественника — зоолога Н. А. Северцева. Это был храбрый и выносливый землепроходец.

Маклай знал работы этого замечательного путешественника, исследователя Тянь-Шаня и берегов Иссык-Куля: его монографию об орлах и исследование по биологии красной рыбы.

С письмом от Северцева Маклай пришел к Литке. Но седой орел океанов встретил Миклухо-Маклая не так тепло, как Бэр. Географическое общество лишь разрешило Миклухе сделать сообщение о своих работах на берегах Красного моря.

Через месяц после доклада о Красном море, в октябре 1869 года, Миклухо подал в Совет Географического общества записку о своем желании отправиться на Тихий океан. За Маклая ходатайствовал академик Брандт. Он доказывал Литке, что Маклай уже известен работой над губ-

ками, плавательным пузырем акул, мозгом рыб. Но Литке и слышать не хотел ни о каком Тихом океане. Адмирал опасался, что планы молодого путешественника «завлекут общество слишком далеко».

Федор Литке долго не сдавался. С упорством, с каким он в дни молодости бомбардировал Данциг, адмирал отвергал идею Маклая. Адмирал даже не желал принять Маклая, морщась при одном упоминании имени самонадеянного исследователя. Но секретарь общества каким-то образом уговорил адмирала и столкнул его лицом к лицу с Маклаем. Обычно застенчивый и молчаливый, Миклуховко направил разговор на славное прошлое адмирала. Казалось, он сам был вместе с Литке на шлюпе «Камчатка» у Головнина в походе вокруг света. Маклай перечислял Литке его плаванья в Ледовитом океане, три похода вокруг света, открытие новых островов Каролинского архипелага. По мере рассказов Миклухов Литке видел картины своей прошлой жизни, слышал рев моржей у островов Прибылова, шелест пальм на коралловых островах, видел свечение волн у русских островов в Океании и венец полярного сиянья над Аляской. И старый, растроганный, суровый Литке, проводя высохшими пальцами по седым бакенбардам, сказал, что он будет хлопотать за Маклая!

Обрадованный Маклай начал приводить в порядок личные дела, поехал в Иену и вскоре вернулся оттуда в Россию. Он составлял программу своих научных работ на Тихом океане, включив в нее ответы на некоторые вопросы, поставленные Дарвином другим исследователям.

Маклая горячо поддерживал географ П. П. Семенов, помогали Бэр, Геккель и другие великаны науки.

К этому же времени относится встреча Маклая с Петром Кропоткиным, тогда уже известным своими путешествиями по Китаю, Манчжурии и Сибири. Уволенный от военной службы, переименованный в титулярные советники, Кропоткин сидел в канцелярии Географического общества. Кропоткин описывает Маклая, как «маленького нервного человека, постоянно страдавшего лихорадкой». Будущий друг Элизе Реклю с первых дней знакомства оценил всю незаурядность личности Маклая. Впоследствии о подвиге Маклая писали и он и Элизе Реклю. Кропоткин называл маклаевские наблюдения драгоценными и сетовал на

то, что Миклухо мало выступал в печати с рассказами о своей жизни и научной работе в Океании.

В 1870 году Маклай заявил, что он поедет на тропики и оттуда будет постепенно продвигаться на север Тихого океана — к Берингову и Охотскому морям. Это продвижение от Новой Гвинеи, — очевидно, к Гавайям и от Гавайев к Алеутским островам или через Индонезию, Филиппины, Формозу и Японский архипелаг и Сахалин — к Охотскому морю должно было отнять семь-восемь лет.

Литке сдержал слово и стал хлопотать в морском ведомстве о том, чтобы Маклая взяли на военное судно. Путешественнику дали из средств Географического общества 1350 рублей.

Этой помощью российские географы и ограничились. Изучение Тихого океана их не волновало. Царская Россия, прекратив кругосветные походы, в то время перестала, с точки зрения многих, быть страной, которая могла себе позволить такую роскошь, как экспедиция в Океанию.

Литке как будто забыл о плаваниях Крузенштерна, Резанова и Лисянского, походах «Рюрика», о русском флаге, реявшем в южных морях, о трепете парусов «Восток» и «Мирного» у коралловых островов Океании и во льдах Антарктиды.

Так или иначе, Маклай должен был надеяться лишь на собственные силы. И он это прекрасно знал и понимал.

В конце октября 1870 года с палубы корвета «Витязь» Маклай прощался с Россией. «Витязь» вышел из Кронштадта; командиру корабля было приказано доставить Миклухо-Маклая в Новую Гвинею. Морские офицеры, видавшие всякие виды, пророчили Маклаю, что его с'едят папуасы, как некогда канаки с'ели Джемса Кука. Маклай отшучивался, поглаживая бороду, и уходил из кают-компании к себе. В своей каюте Маклай доставал заветную книгу и перечитывал по несколько раз запавшие ему в душу слова дряхлого Бэра:

«...Таким образом является желательным и, можно сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинеи...»

Вот что внушил Маклаю знаменитый ученый. Но не были забыты и бэровские морские губки. Маклай их изучил, составил описание, и ко времени выхода «Витязя» из Кронштадта труд его был уже напечатан в «Мемуарах Академии наук.

Корвет «Витязь» считался бывалым кораблем. За несколько лет до того, как на его палубу ступил Маклай, «Витязь» совершил вместе с «Алмазом», «Александром Невским», «Варягом», «Пересветом» и «Ослябей» прошумевший на весь мир поход.

В начале осени 1863 года две эскадры русских кораблей — атлантическая и тихоокеанская — ушли в поход. Весь мир был потрясен, когда в сентябре корабли России бросили якоря на рейдах Сан-Франциско и Нью-Йорка. Матросы с «Калевалы» и «Богатыря» расхаживали у калифорнийских Золотых Ворот, атлантическая эскадра, в составе которой был «Витязь», после пребывания в Нью-Йорке показала русский флаг Балтиморе, Кубе, Гондурасу, Гаванне, Ямайке...

Миклухо-Маклай очутился в обществе русских морских волков, которые — от командира Назимова до матросов из новгородских, двинских, вологодских крестьян — хорошо знали тропические моря.

Маклай договорился с командиром «Витязя» о времени и месте встречи и, выгадывая время, начал поездку по Европе. Он посетил Гамбург, Берлин, Амстердам, Лондон и другие города. Всюду он знакомился с учеными-этнографами, посещал музеи. В Лондоне он хотел увидеться с Чарльзом Дарвином, но эта встреча почему-то не состоялась. Зато он виделся с пламенным апостолом дарвинизма — Томасом Гексли, когда-то изучавшим Австралию и Новую Гвинею, и долго беседовал с ним. Затем Маклай поспешил на «Витязь».

Из Плимута «Витязь» взял курс на острова Зеленого Мыса. Для русских моряков здесь тоже не было ничего нового: те же португальские флаги над правительственными зданиями в Портогранде, те же забитые негры, те же теплые ключи, струящиеся из вулканической почвы острова Винцента. В тропической части Атлантики Маклай, по своему обычаю «заниматься не своим делом», как о нем говорили ученые педанты, принялся за измерение температуры океанских глубин. В одном случае он целых три часа измерял температуру океанской воды на глубине тысячи саженей термометром Миллер-Казелла. Эта работа была проделана Маклаем гораздо ранее известной экспедиции на «Челленджере».

В Рио-де-Жанейро Маклай сходил на берег, блуждал по огромной улице До Увидор, смотрел на светлый залив, покрытый островами. Обогнув Южную Америку, «Витязь» прибыл в Чили. В Вальпарайзо наш очарованный странник не ограничился обычной прогулкой по городу и приморскому рынку и рассматриванием холмов, покрытых зарослями алоэ. Маклай из Вальпарайзо проехал за сто шестьдесят верст в Сант-Яго, где, шагая по порфировым тротуарам, оглядывал белые башни города, здание старинного университета, берега речек и видные из Сант-Яго вершины Андов. Маклай с'ездил к горе. Аконкагуа, и только краткость стоянки корабля в Вальпарайзо удержала его от соблазна подняться на ее склоны, чтобы оглядеть океанские просторы. Из Вальпарайзо Миклухо писал в Петербург, что и в Патагонии и в Магеллановом проливе он тоже вел научные наблюдения.

Корабль заходил на сказочный остров Пасхи (Рапани), где высились знаменитые древние статуи — огромные истуканы, вытесанные из базальтовых глыб. Идолы с плоскими затылками и теменем, с длинными носами на злобных лицах, с подобием серег в каменных ушах стояли на уступах потухшего кратера. Мастера неизвестного народа ваяли этих идолов ножами и скребками из обсидиана. На острове идолов были видны остатки мостовых из плит посреди правильно разбитых насаждений, развалины загадочных дворцов, подземные дома...

Здесь Маклай впервые столкнулся с трагедией народов Океании, оказавшихся беззащитными перед лицом хищных плантаторов, видевших в туземцах только даровую рабочую силу. Он разговаривал с неким Борнье, агентом богатого плантатора Брандлера с острова Таити. Борнье производил «добровольный» наем рабочей силы для плантаций своего хозяина. Чтобы обеспечить успех вербовки, Борнье предал огню жилища полинезийцев, вырубил пальмы, сравнял с землею плантации. После этого туземцам пришлось сдаться. Борнье передал двести будущих рабов Брандлера христианскому миссионеру, приказав ему везти жителей острова Пасхи на таитские плантации. Среди обитателей острова был один ученый жрец («маори»), по имени Меторо Тауауре.

Маклай был свидетелем гибели остатков целого народа. Жители острова каменных истуканов когда-то были сильным и отважным племенем. Они имели выборных военачальников.

чальников. Предводителем воинов мог быть лишь самый храбрый. Островом Пасхи правили цари. Первым из них был, как гласит предание, Хоатуматуа. Он заселил остров. После него правили еще двадцать девять владык. При них развивалось здесь искусство ваяния исполинов из каменных глыб. Народная память сохранила имена некоторых скульпторов — Канано, Марапате, Готомоара. Династия первобытных художников создала здесь пятьсот пятьдесят каменных идолов в шапках из красного туфа. На острове Пасхи вырезывали неисчислимое количество идолов из редкостного красного дерева эдварзии, божков в виде людей и ящериц с глазами из агата и перламутра. Художники украшали каменные плиты изображениями морских птиц. Островитяне строили дома из камня и даже подземные каменные убежища. Но самым примечательным было то, что туземцы острова Пасхи имели свою, очень своеобразную, письменность. На скалах Тарахи стояли дома художников и ученых — «маори»; там жили они и там же создавали знаменитые «руа» — письма на досках из твердого красного дерева. Смуглый жрец осколком крепкого камня чертил на дереве изображения птиц, животных, растений, людей. На таких табличках рисовались также предметы, которых не было на самом острове Пасхи. Это подтверждало догадки некоторых исследователей, что рапа-нуйцы действительно когда-то пришли на этот базальтовый остров из каких-то других стран. Ученые думали, что творцы исполинских идолов были потомками переселенцев из Средней Азии, которые через Индию и Индонезию дошли до синих полинезийских просторов.

Мирные ваятели истуканов с ужасом встретили первых хищников. Это были перуанские торговцы рабами. В 1862 году появились их корабли в бухтах острова. Перуанцы под предлогом «найма» рабочих для добычи гуано на острове Чинча напали на рапа-нуйцев. Пираты взяли в плен всех знатных островитян. Царь острова Пасхи, Маурага, выронил из рук длинный скипетр с изображением двуликой человеческой головы. Маурага был пленен вместе с учеными и ваятелями. Часть простого народа успела скрыться в пещерах и подземных жилищах.

Вслед за торговцами рабами на острове Пасхи появились миссионеры. Через два года после пленения туземцев перуанцами на остров прибыл из Вальпарайзо член

«Братства святого сердца», христолюбивый Евгений Эйро. Фанатизм делал его бесстрашным. Эйро прожил на острове около года, единственным европейцем среди доброй тысячи островитян, от которых нельзя было требовать любви к белым людям после событий 1862 года. Мужественно перенося лишения и опасности, чилийский монах вел на острове записки. Сам того не подозревая, Эйро высказывался в пользу моногенистов; он утверждал, что даже цветом кожи жители Рапа-Нуи не очень отличаются от европейцев и что лица островитян очень похожи на европейские.

«Когда я говорил о явлениях природы, все подходило ко мне и слушали, даже старики присоединялись к моим ученикам», — писал Евгений Эйро.

Но, не прожив и года на острове Пасхи, он сбежал оттуда с первым же кораблем, успев построить все-таки церковь у подножия базальтовых истуканов. Года через четыре на острове Пасхи высадился любознательный офицер Топаз. Он осмотрел мастерские ваятелей, размещенные внутри потухших кратеров, исследовал остатки каменных жилищ возле вулкана Терно-Хау и привез в Европу двух небольших истуканов. Их поставили в открытой галлерее Британского музея. Десять тысяч лет — вот возраст некоторых памятников с острова Пасхи! Зловещий Борнье, известный еще и под фамилией Дютру-Борнье, появившись на острове, купил себе земельный участок за несколько аршин какой-то дешевой ткани. Отсюда началось его темное владычество на острове каменных великанов. Разорив туземцев, уничтожив их жилища, он стал разводить на острове тонкорунных овец. Дютру-Борнье не пощадил даже христианской миссии на острове — он занял дом миссии и церковь под склады шерсти.

...Маклай увидел переселенцев с острова Пасхи. Они не могли доехать до Таити, многие из них умерли в захламленном корабельном трюме. Даже миссионер, человек с железным сердцем, не выдержал вида страданий пленников и выпустил их на волю. Встретиться Маклаю с ними довелось на острове Мангарева. Он подробно исследовал рапа-нуйцев, зарисовывал их, удивляясь худобе и забитому виду пленников Борнье. В дневниках Маклая нет никаких упоминаний о знаменательной встрече с ученым «маори» Меторо Тауауре, сыном Хетуки. А эта встреча должна была неминуемо состояться, ибо Меторо был в

числе пленников рапануйского «овцевода». Жрец с острова великанов был последним «маори», который умел читать знаки на дощечках из красного дерева. Вернее, он не читал, а пел, глядя на рисунки таблиц.

«Я дал одну из таблиц в руки Меторо... Он ее вертел и переворачивал, ища начала, и наконец запел написанное. Он пел нижнюю строчку слева направо; дойдя до конца строчки, он запел следующую уже справа налево; третью строчку опять слева направо, четвертую — справа налево. Так правят волом на пашне. Дойдя до последней верхней строчки одной стороны таблицы, он перешел к ближайшей, т. е. к верхней, строчке обратной стороны и таким же образом спустился со строки на строку...

Я опять отдал табличку Меторо и записывал то, что он говорил, разделяя чертой то, что приходилось на каждый знак; таким образом, каждому написанному знаку соответствовало определенное количество слов. Я искал название такого рода письменности: она называется Бустрофедон (*bous* — вол, *strepho* — я поворачиваю), так как строчки начертаны попеременно — то слева направо, то справа налево, подобно следам плуга. Каждый знак более или менее близко изображает предмет, который обозначает. Если бы я дал весь текст, пропетый Меторо, в подстрочном переводе, образы, добавляемые во время пения, дали бы возможность заполнить более 200 страниц...» — так писал один из ученых Терапо Laussen о тайне красных таблиц острова Пасхи. Маклай видел эти единственные образцы полинезийской письменности и должен был знать последнего во всем мире человека, умевшего выпевать поэмы, начертанные на гладком дереве.

...Прошлого острова Питкерн волновало Маклая. Когда-то, в конце XVIII века, девять мятежных матросов корабля «Bounty», взяв с собой шесть туземцев и двенадцать таитских женщин, высадились на пустынном острове Питкерн. Прошло много лет, и много разных событий произошло на океанском островке. О беглецах уже успели забыть. Но в 1814 году капитан одного из английских кораблей нашел на Питкерне целую колонию потомков мятежников от браков их с таитянками. Общиной на острове управлял седой первопоселенец Джон Адамс. Все европейцы, посещавшие в XIX веке Питкерн, в том числе и русские путешественники, — например, Кирилл Хлебников, следовавший из Аляски в Россию, — были по-

ражены нравственной чистотой и физическим здоровьем колонистов Питкерна. Маленькая община на одиноком острове жила в мире и согласии, молодежь была на редкость сильной и красивой. Количество рождений здесь брало верх над смертностью. Моногенисты учили, что от смешанных браков европейцев с представителями «цветных» племен нельзя ждать здорового поколения, что потомки белых и туземок неминуемо обречены на вымирание. Еще Карл Бэр высмеивал эту «теорию». Пример процветания питкерновцев показывал, что все зависит от условий, в которые поставлены потомки белых и туземцев. Юноши и девушки росли здесь крепкими духом и телом. Это маленькое государство счастливых и свободных людей было воспето Байроном.

Не здесь ли в сознании Маклая впервые родилась его мечта о лазурной Океанской республике?

Мангарева, вулканический архипелаг, окруженный коралловым рифом, напомнил Маклаю о Чарльзе Дарвине. Именно здесь Дарвин открыл происхождение коралловых островов, связанное с опусканием дна океана. Большой коралловый риф, по мнению Дарвина, — не что иное, как границы ушедшего под воду острова.

Широко раскрытые на мир глаза Маклая увидели и архипелаг Таити. Корабль остановился в гавани Папее, на главном острове архипелага. Путник видел гигантскую вершину горы «Земля богов», увенчанную прямыми, как свечи, базальтовыми столбами, на которую еще никогда не всходил человек. В Папее, среди садов и пальмовых рощ, бродили полинезийцы, люди замечательной красоты. Маклай думал о тайне происхождения племен на островах Океании, о загадке переселения этих людей на лазурные берега из каких-то иных областей.

Русские бывали и до Маклая на Таити. Так, под кровлями таитских хижин, как лучший гость, был встречен другой замечательный русский человек — будущий декабрист Завалишин. Он писал, что русских принимали, как самых лучших друзей, и дворцы и хижины Таити. Но в голубой Полинезии, за кажущимся безмятежным счастьем, Маклай разглядел и весь ужас бесправного положения островитян. Он видел во всей его отвратительной наготе институт рабства, прикрытый, как саваном, видимостью «добровольного» труда островитян. Маклай опять вторгся в «область, далекую от его специальности».

Строгая, показная чинность Императорской улицы в Папеэте не могла дать понятия о нравах столицы архипелага. Стоило пройти немного в сторону, и путешественник увидел бы плоды капиталистической «цивилизации». Хорошо вид хотя бы одной из немногочисленных площадей, которая носила название «Малой Польши»! Это — клоака Таити, где кабаки лепятся к другому кабаку, где совершенно открыто существует рынок разврата, где пьяные матросы и солдаты, горлая песни, расхаживают в обнимку с туземками по грязной мостовой, покрытой скользкими апельсиновыми корками.

Далее, на улицах, цветущие ванильные деревья скрывают от взоров путника прочные здания, возле которых расхаживают часовые. Корпус жандармов, казарма, тюрьма, палата юстиции на улице св. Амелии — вот она, благословенная Полинезия! Таитский «рай земной» существует лишь на пестро раскрашенных картинках — рекламах туристских фирм и пароходных компаний.

Первый король-христианин Помаре II дрался здесь с идолопоклонниками и даже бежал от них на остров Эймео, оставшийся верным его скипетру. Королю сопровождал миссионер Нотт. Восставшие идолопоклонники разрушили типографию короля, перелили шрифты на пули, а христианские книги изорвали на ружейные пыжи. Король шесть лет пребывал в изгнании, шесть лет копил силы для мщения. В 1815 году он появился в родных местах и дал решительный бой идолопоклонникам. Победив врагов, Помаре II стал окружать себя миссионерами. В годы изгнания король успел перевести на таитский язык евангелие от Луки. Уже и тогда он был неравнодушен к рому. Миссионеры привезли из Европы новый типографский станок. Заслуга короля — первая таитская азбука, которую он набирал сам. Потом он издал свое евангелие от Луки — три тысячи книжек в переплетах из кожи диких кошек. Король-книжник воздвиг себе памятник — огромный собор с колоннами из стволов хлебного дерева. В 1821 году он умер от водянки. В последние годы жизни христианнейший король не расставался с библией и бутылкой с ромом. Библию он переводил, подкрепляя себя огненной влагой. Королю Помаре II приписывают такие предсмертные слова: «О Помаре! Твоя свинья теперь разумнее себя...» Утешенный этой мыслью, король сошел в могилу. Маклай видел мавзолей короля с коралловыми

стенами. Помаре II, по наивности своей, хотел взять себе монополию на всетаитскую торговлю, не понимая того, что это никак не могло устроить его заокеанских друзей и просветителей. В 1824 году на Таити пришел русский корабль под командой Отто Коцебу. Миссионер Вильсон готовился в таитском соборе к коронации Помаре III, которого королева-мать тогда еще носила на руках. Коцебу приказал корабельному сапожнику ботинки для будущего владыки таитского, и Помаре III благосклонно принял этот дар, приуроченный к коронации. Король вступил на трон в русских ботинках... Моряки с корабля Коцебу тогда же сделали пробную с'емку Матавайского залива и соседней бухты Матуау, определили широту таитского мыса Венеры.

Бельгиец Мёренгоут сыграл роковую роль в жизни Таити. Он как будто бы мирно и тихо жил там с 1829 года. Но в 1838 году в бухтах Таити появился французский фрегат «Венера». На нем прибыл офицер Дюпети Туар. Он очень настойчиво советовал королеве таитской дать разрешение французам всех профессий и сословий селиться на Таити под покровительством консула Французской республики господина Мёренгоута... После этого Дюпети Туар пошел к Маркизским островам, чтобы высадить там двух католических миссионеров. Через четыре года Франция вынудила королеву Таити подписать договор, который давал Франции право управлять всеми иностранными делами на Таити, за королевой осталось лишь право на власть над своими подданными. Но властителем Таити сделался г. Мёренгоут, глава «временного правительства». Через год Дюпети Туар снова угрожал пушками со своей «Венеры» спокойствию таитского народа. Королеве пришлось спасаться бегством на соседний остров, как бежал некогда от идолопоклонников Помаре II. И тогда на «счастливых» островах Полинезии грянула война таитян с войсками Луи-Филиппа. Судьба Таити решилась 17 декабря 1846 года, когда французы силою оружия заставили сдаться два отряда повстанцев в лагерях при Пунавиа и на горе Тагеваи. Таитяне дали присягу французскому Протекторату...

Вскоре на Таити появились учреждения цивилизованных стран в виде корпуса жандармов, полицейских бюро, тюрьмы, кабаков и домов терпимости. Отсюда французские миссионеры и торговцы распространяли свое влады-

чество и на другие острова Океании, например на Маркизские. Здесь подвизался такой прожженный делец от религии, как миссионер Крук, знакомый Океании с 1797 года. В сороковых годах девятнадцатого века Крук на Таити открыл нечто вроде школы туземных проповедников христианской религии. Он раз'езжал с этими «таитскими учителями» по Полинезии.

Наконец нить чудесного странствования русского человека, уводя его на берег Новой Гвинеи, зацепилась за базальтовые скалы архипелага Самоа — сердца Океании. Здесь те же люди, что и на Таити. Они говорят на наречии, которое состоит почти из одних гласных.

«Витязь» зашел в главный порт и город архипелага — Апиа. Здесь Маклай увидел подневольный труд океанийцев на хлопковых и кофейных плантациях, жителей Меланезии, насильно привезенных сюда для отдачи в рабство европейцам.

Апиа была в то время поделена между Германией, Англией и Америкой, и консулы этих государств правили ею. Для приличия острова Самоа считались конституционным королевством Тау, но все дела вершились в Апиа тремя консулами.

На Самоа Маклай занялся важным делом. Он искал себе помощников и слуг для жизни в Новой Гвинее. И хотя Маклай хорошо знал людей, но в Апиа он совершил большую ошибку, наняв шведского матроса с китобойного корабля — Ульсена.

Ленивый, трусливый лежебока Ульсен принадлежал к тем матросам, которые поныне называются на всех морях мира «бичкóмберами» — «чесателями берегов». Отправляясь в Новую Гвинею, Ульсен, очевидно, думал о жизни там, как о веселом и обычном пребывании тихоокеанских китобоев на Гаваях, среди туземок. Неизвестно, какие мысли теснились в длинном черепе Ульсена при его сборах в Новую Гвинею, но Маклаю пришлось не раз потом свидетельствовать, что люди с меланезийской формой черепа оказались в тысячу раз благороднее, смелее и предприимчивей Ульсена. Маклай в своих дневниках не жалел чернил, чтобы очертить трусость, жадность и лень Ульсена.

Так или иначе, Маклай был рад тому, что нашел людей, согласившихся ехать с ним на далекий берег. Ульсе-

ну, очевидно, отставшему от судна или списанному с него, на первых порах было все равно.

Вторым спутником Маклая был Бой, полинезиец с острова Ниуэ близ королевства Тонга. Остров этот славился во всей Океании обилием плодов и свободолюбивыми людьми.

После Самоа русский корабль посетил остров Ротума, причисляемый к архипелагу Фиджи, хотя Ротума лежит километрах в пятистах от Фиджийских островов. Люди на Ротуме живут только на побережьях, у кольца пальмовых лесов, а внутри острова вряд ли кто отваживался бывать, — там бродили огромные стада диких свиней. Ротумцы считались хорошими знатоками Океании, смелыми мореплавателями, и много морских дорог сходилось к их хижинам на берегах острова.

Корабль идет вперед, и вот с борта его Маклай жадно разглядывает острова Меланезии. На острове Томбара (Новая Ирландия), в порту Праслин, Маклай видит меланезийские села у подножья высоких гор, слышит рассказы о меловых статуях в общественных зданиях островитян и узнает, что жители Томбара похожи на обитателей Новой Гвинеи.

Маклай еще вернется сюда!

Он горит желанием скорее ступить на землю Новой Гвинеи, и в сентябре 1871 года взору очарованного странника наконец открывается закрытый наполовину облаками берег желанного острова.

ШКОЛА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В 1819 году молодой французский мореплаватель был послан исследовать берег и острова Эгейского моря. Во время стоянки фрегата у берегов острова Милос моряк случайно увидел грека-земледельца, склонившегося над выкопанной из земли прекрасной статуей древней богини. Потрясенный красотой мраморного тела, моряк сообщил о находке безвестного грека.

Вскоре Венера Милосская явилась миру с палубы фрегата. Одного лишь этого открытия было бы достаточно для бессмертия Дюмона Дюрвилля. Но человек, нашедший Венеру Милосскую, преисполнился жадой новых открытий.

В 1822—1825 годы Дюмон Дюрвиль совершил свой первый кругосветный поход и вскоре после него — второй.

Дюрвилль решил идти к Южному полюсу. Знаменитый русский путешественник-мореплаватель Иван Крузенштерн горячо напутствовал его, и Дюрвилль устремился во льды Южного полушария. Но на 64° южной широты встретились айсберги, заставившие Дюрвилля вернуться в Чили. Во второй раз он доходил до $66^{\circ}30'$ южной широты и водрузил французский флаг на землях Адели и Клары. Он умер за три года до того, как в новгородских землях родился Миклухо-Маклай.

Во время второго кругосветного похода Дюмон Дюрвилль, проходя на фрегате северо-восточный берег Новой Гвинеи, открыл бухту Астролябии. Не сходя на берег, он сделал с'емку бухты с борта фрегата. К заливу Астролябии и пришел русский корабль «Витязь» после последней стоянки у острова Томбара.

Офицеры корвета осматривали через подзорные трубы зеленые берега залива, холмы, увенчанные столбами дыма. Маклай спокойно разглядывал места, где он будет жить. «Витязь» лежал в дрейфе посредине лазурной гавани. Командир корвета Назимов советовался с Маклаем, куда лучше посадить его, Ульсена и Боя. Вдруг один из офицеров корвета увидел бегущих папуасов. Они промчались по песчаному берегу и скрылись в густом лесу. Взгляд Маклая остановился на мысе, скрывавшем небольшую бухту. Он показал на нее Назимову, и корвет вскоре стал на якорь. И тут снова из леса вышли папуасы. Они несли в дар неведомым гостям кокосовые орехи. Маклай велел Ульсену и Бою собираться и первым спустился в шлюпку.

Целый день потратил Маклай на первые встречи с папуасами. Он храбро углубился в лес по неведомой тропинке, зашел в деревню и долго искал в ней присутствия какого-нибудь живого существа. В кустах возле деревни Маклай встретил своего будущего друга — Туя. Маклай взял за руку Туя, онемевшего от ужаса, и привел его в деревню. На деревенской площади вокруг Маклая и его спутников скоро собралось восемь папуасов, с черепаховыми серьгами в ушах, каменными топорами в смуглых руках, увешанных плетеными браслетами. Маклай щедро одарил папуасов и к вечеру вернулся на корвет. В следующий раз, когда Маклай вновь с'ехал на берег, Туя вышел к нему навстречу. С этого момента Маклай решил прочно обосноваться в Новой Гвинее. Он выбрал место для постройки хижины возле ручья, близ самого моря.

Матросы и корабельные плотники с «Витязя» помогали Маклаю, Ульсену и Бою строить хижину из досок, заготовленных еще на острове Таити. Офицеры бродили по берегу и снимали карты берега, неизвестного европейцам.

Бухта с коралловыми берегами была названа портом Константина, мысы — в честь военных топографов, делавших эту с'емку, а отражавшийся в голубой воде ближний остров получил имя «Витязя».

Между тем новый друг Маклая, пожилой семейный папуас Туй, стал предупреждать Маклая о том, что, как только корабль скроется из виду, папуасы придут и умертвят Маклая, Боя и Ульсена. Маклай сделал вид, что не понял Туя, и преподнес ему в подарок еще лишний гвоздь. Люди с «Витязя» обеспокоились рассказом Маклая, и артиллерист Чириков придумал хорошую меру «на всякий случай» — заложить мины вокруг хижины Маклая. Матросы корвета так и сделали: расчистили лес вокруг хижины и закопали мины.

Двадцать седьмого сентября 1871 года «Витязь» снялся с якоря и покинул бухту Астролябии. Маклай остался под пальмовой кровлей хижины, над которой развевался русский флаг.

Так началась изумительная жизнь русского человека на острове среди папуасов. Грохотало коралловое море, шумел тропический лес, облака ползли над высокими горами. Но сокровенная жизнь Новой Гвинеи для Маклая была еще скрыта, как причудливые горы облаками.

Но мало-помалу завеса стала раздвигаться, лицо новой страны все явственней вставало перед Маклаем. Он уже записывал папуасские слова. Туй, щеголявший в шляпе китобоя Ульсена, помогал Маклаю в его познании папуасского наречия. С кучкой папуасов он подходил к хижине и оставлял Маклаю поросят и кокосовые орехи. Бой играл перед папуасами на губной гармошке и обучал новых знакомых этому искусству. Дружба завязалась уже с первого дня. Но не омрачится ли она?

Маклай долго думал — итти ли в папуасскую деревню с револьвером? Но после раздумья он оставил револьвер в хижине и сунул в карман лишь записную книжку и прихватил подарки для туземцев. Маклай пошел в деревню Горенду. Там папуасы стали пускать стрелы прямо над ухом Маклая, размахивали копьями перед его лицом. Что сделал Маклай? Он спокойно распустил шнурки башма-

ков и улегся спать на циновке. Таков был поединок копы и железной воли Маклая. Победила воля. Проснувшись, Маклай поднял голову и увидел, что папуасы мирно сидели вокруг него, жевали бетель, оружия в их руках не было. Папуасы зачарованно глядели, как Маклай зашнуровывает ботинки. Он ушел домой, сделав вид, что ничего не случилось.

Так Маклай «заговаривал» себя от копы, стрелы и ножа из казуаровой кости. Туй стал частым гостем хижины Маклая; он любил сидеть возле лестницы у входа в дом. Часто Туй присылал с сыновьями свинину, бананы, таро, все в свертках из листьев деревьев. Один раз кто-то прислал три свертка с провизией для Маклая, Боя и Ульсена. В свертках были бананы, плоды хлебного дерева и холодная вареная... человечина!

Папуасы уже звали Маклая по имени, приставка «таморус» (русский человек) появилась впоследствии. Маклай, пряча добрую усмешку в каштановой бороде, смотрел на папуасов, пиликавших на его гармошках, смотревшихся в его зеркальца.

Маклай не раз показал презрение к смерти, и папуасы решили, что человек этот бессмертен. В этом они не ошиблись — имя Маклая действительно осталось бессмертным для науки.

Маклай завел строгий распорядок дня. Вставал он на рассвете и шел умываться к ясному ручью. Потом пил чай, — он любил этот терпкий, бодрящий напиток. После чая он делал наблюдения за приливной водой, ветром, измерял температуру воды и воздуха. Около полудня Маклай завтракал и шел на берег моря за водяными животными или в лес — ловить насекомых для коллекций. Вечером Маклай склонялся над дневниками.

Чудесное входило в быт. Маклай видит: вот идет Туй в ульсеновской шляпе и с каменным топором на плече. Он ведет за собой целую толпу гостей с острова Витязя. Гости увешаны раковинами, собачьими зубами и кабаньими клыками, вымазаны праздничной краской. Придется их встретить, одарить. Островитяне просидят до вечера, а потом уедут домой, освещая путь факелами из сухих листьев. Прощаясь, они знаками покажут, что Маклая они не убьют и не съедят — для этого найдутся другие...

И вот снова приходит Туй, преподаватель папуасского языка и топографии. Маклай уже знает, что мыс, на котором стоит его хижина, называется Гарагасси, деревня, в которую Маклай в первый день высадки привел за руку Туя, — Горенду. За ней лежат деревни Бонгу, Мале, Богатим, Горима, Гумбу, Карагум, Рай.

Туй, шурша своими браслетами, не раз даже поправлял наброски карты Маклая, нисколько ни удивляясь самому рисованию планов и карт. Маклай не раз убеждался в необычайной одаренности этого папуаса.

И вот плоды ученья Туя. В записной книжке Маклая стоят ряды папуасских слов: тан — земля, тамо — человек, рука — лиман, кокосовый орех — нуи, гребень — си и т. д. Маклай за время житья в хижине под огромными деревьями выучил до трехсот пятидесяти слов. Он считал, что все богатство папуасского языка можно уложить в одной тысяче слов — следовательно, «тамо-рус» Маклай прилично знал наречие папуасов. Он объяснялся теперь с новогвинейцами уже не только с помощью жестов.

Спутники Маклая часто болели, его самого била тропическая лихорадка. Ульсен распустился. Он жаловался на отсутствие дамского общества, не влюбил Туя и вечно валялся на койке.

Ульсена лихорадит. В бреду он то бьет китов, то дарит таитянке шелковый шарф. Бедняга Бой еле движется; он весь опух и побелел. Папуасы не считаются с Боем и Ульсеном, они их не уважают.

А с папуасами дружбой и лаской можно делать все. Вслед за людьми с острова Витязя является посольство с островка Ямбомбы. Оно застаёт Маклая на свежих грядках огорода, где он посеял бобы, кукурузу и тыквы с Таити. Послы с Ямбомбы с восторгом понесли домой гвозди — дары «тамо-руса».

Маклай вместе с Боем пристроил веранду к хижине, поставил стол из ящика. С веранды удобнее принимать гостей, не спускаясь на землю, — среди гостей могут быть и недобрые.

Туй настолько цивилизовался, что Маклай однажды не узнал приятеля: он сбрил бороду осколками бутылочного стекла. С тех пор папуасы стали щеголять с выскобленными подбородками и были наверху блаженства, когда Маклай или Ульсен дарил им стекло. Туй вечно сидел в кухне, устроенной в шалаше возле хижины.

Иногда Ульсен вставал с койки и играл на губной гармошке матросские песни, мечтал о прогулке в папуасские деревни, но сам, без Маклая, боялся и нос высунуть дальше огорода. Когда Ульсена начинает трясти, он охает, стонет, проклинает белый свет и грозит покончить с собой. Маклай с большим терпением переносит все фокусы китобоя. Раз папуасы прислали свинины и собачины. Маклай, зная прожорливость матроса, отдал ему свинину, а сам стал есть собачье мясо. Но Ульсена мало тронуло это. Он заботился лишь о собственном брюхе и покое.

Маклай не знал отдыха. Он ухаживал то за Боем, то за Ульсеном, готовил обед, добывал на море медуз, ракообразных — для исследований, ловил огромных пестрых бабочек. Ульсен совсем обезумел от подземных толчков, во время которых хижина ходила ходуном, проклинал Новую Гвинею, где человек не только может стать жертвой людоедов или лихорадки, но рискует еще и провалиться в преисподнюю за все свои матросские грехи.

В ноябре у Маклая был новый посол — от племени горцев из дальней деревни Марагум. Маклай одарил их, и они ушли обратно. И снова начинаются будни залива Астролябии. Маклай упорно трудится весь день, а ночью забирается в гамак и смотрит на звездное небо. На коралловых рифах гремит прибой, из деревень доносятся песни папуасов, грохот барабанов.

Маклай чтит обычаи папуасов. Он никогда сам не навязывается им. Они приходят к хижине сами и, оставив копья и ножи под присмотром кого-нибудь одного, идут беседовать с Маклаем. Бугай, поселянин из Горенду, первым пустил по всему берегу сказку, в которую все поверили: «тамо-рус» Маклай — человек с луны. Россия — лунная страна. Разубедить папуасов в этом было невозможно, и великая страна в их представлении так и осталась на долгое время понятием астрономическим.

Антропологи всего мира создали про папуасов легенду о том, что у них волосы якобы растут пучками. Ошибку антропологов надо было опровергнуть. Маклай решил собрать коллекцию волос папуасов. Но даже Туй сначала боялся ножниц. Тогда Маклай придумал другое. Он отрезал волосы сначала у себя, а потом выменивал их на пучки волос у папуасов. Увлеченный этим занятием, Маклай не заметил, что он выстриг себе полголовы

и стал похож на нерчинского каторжника. Потом он стал выстригать волосы равномерно...

С коллекциями бабочек случилось несчастье: их съели белые муравьи. Купаться в море можно было с опаской: у коралловых берегов часто бродили акулы. Раз Маклая сильно искушали осы. Как-то среди ночи Маклая разбудил Ульсен и, дрожа, заявил, что к хижине идет толпа дикарей с факелами в руках. Маклай спокойно вышел на веранду и сказал: «Гена!» (Иди сюда.) И толпа папуасов с копьями и факелами ринулась к хижине. Каждый из папуасов держал в правой руке несколько рыб. Оказалось, что темнокожие друзья после богатого улова в первую очередь вспомнили о «тамо-русе» Маклае.

БЕРЕГ МАКЛАЯ

Но бывали и тревожные дни. У бедного маленького полинезийца Боя сделалось воспаление брюшины. Папуасы следили с особым вниманием за болезнью Боя — может он умереть или нет? Даже Туй показался в те дни Маклаю тайным соглядатаем, на чем всегда настанвал Ульсен. Кто знает, на что решатся папуасы, убедившись, что люди из Маклаевой хижины тоже смертны?

Когда Бой умер, Маклай приказал Ульсену помочь увезти тело Боя в залив и там тайно предать труп погребению. Китобой чуть не сошел с ума, когда Маклай, помня свое обещание послать Геккелю гортань полинезийца с языком, взрезал на берегу горло у трупа. Маклай торопился и только поэтому не мог вынуть мозга. Тело Боя в мешке с камнями пошло ко дну, разгоняя светящихся рыб залива Астролябии. Папуасы решили, что Бой отправился на родину «тамо-руса» — на луну.

Слава «тамо-руса» росла. К нему пришли жители острова Кар-Кар и гостили у хижины более двух часов. Они просили показать, как горит вода, умоляли Маклая «не сжигать всего моря», но Маклай берег спирт и жег его при гостях с расчетом. Маклая наперебой звали в гости и на Кар-Кар, и в Рио, и на остров Витязя.

Маклай начал лечить своих гостей. Он вынимал личинки из гнойных ран папуасов, делал перевязки. «Тамо-рус», пользуясь расположением к нему гостей, знакомился с их оружием, орудиями труда, орнаментами.

Маклай с первых же дней пребывания на острове начал работу над записками о папуасах. В книжке его был длиннейший столбец с именами и «адресами» новых знакомцев. Тут и сын Туя — Бонем, и Колле из Бонгу, мальчик Сирой, Дигу и другие приятели. Они водили Маклая в Бонгу, устраивали в честь его пиры, и Ульсен, ухмыляясь, едва успевал принимать приношения: бананы, сладкий картофель, рыбу, кокосовые орехи, сахарный тростник (когда вышел сахар, Маклай пил русский пономаревский чай с сахарным тростником).

Получив доступ в деревни, Маклай начал срисовывать хижины, статуи, типы жителей и приступил наконец к главной своей работе — охоте за папуасскими черепами. Папуасы черепа близких людей не особенно ценили, часто выбрасывали их в кусты возле хижин, но почему-то берегли нижнюю челюсть, подвешивая ее к потолку хижины. Маклай неустанно отыскивал целые черепа, но так и не находил их. Ульсен с ужасом смотрел на своего странного хозяина, срисовывавшего черепа. Постепенно для Маклая становились ясными некоторые особенности в строении черепа папуасов.

Заболел Туи. Маклай ходил врачевать своего друга. Исцеленный Туи устроил пир и захотел даже обменяться именем с Маклаем!

Неутомимый Маклай отправился на шлюпке к острову Витязя, его встретил один из самых почтенных островитян — Каин. Здесь Маклай знакомился с гончарами, — остров славился среди окрестных деревень добротной глиняной посудой. Островитяне — мужчины, женщины, дети — все вышли на берег для встречи с «тамо-русом». Многие из них хотели дать своим детям имя Маклая, но скромный «тамо-рус» не дал на это согласия. Возвратившись домой, Маклай выгрузил со шлюпки подарки — полсотни кокосов, саго и огромную связку бананов.

Жизнь в хижине не нарушалась ничем. Такие мелкие события, как появление змеи на рабочем столе, слухи о том, что люди Марагум-Мана, дети гор, готовят нападение на хижину, в счет не шли. Туи водил Маклая к неизвестной реке, ловил для него рыбу в море. Ульсен пел перед молодыми рыбаками, помощниками Туя, шведскую песню.

Бесстрашный Маклай с сумкой за плечами как-то отправился в горную деревню Теньгум-Мана, где его очень

радушно встретили, порывались подарить «тамо-русу» свинью. Когда Маклай пошел обратно, его сопровождал почетный конвой — целый отряд копьеносцев. Рядом с копьеносцами бежали носители огня, держа зажженные поленья. Маклай привык к этому обычаю и не удивлялся, что его друзья таскают за собой всюду дымящиеся головни. На пути из Теньгум-Мана Маклай нашел вырезанные на стволе дерева знаки, свидетельствовавшие о том, что и у папуасов уже жила мечта о письменности. Проводники Маклая, зная, что он собирает животных, старались поймать для него ящерицу.

Довольный и счастливый, Маклай вернулся в хижину, где тосковал Ульсен, который вызывал к себе для ночевки Туя, чтобы не так страшно было одному. Ульсен обрадовался при виде живой свиньи, принесенной из Теньгум-Мана. Маклай немедленно послал половину свиного мяса в Бонгу и Горенду, как только Ульсен успел освежевать свинью. Через день папуас из Бонгу принес в ответ на подарок Маклая бамбуковую трубку.

Герой Новой Гвинеи был весел, бодр, несмотря на частые приступы лихорадки. Он шутил с Ульсеном, угощая его бульоном из мяса черного какаду, довольно улыбался, когда за один час охоты ему удавалось убить шесть крупных птиц, скакал от радости, найдя новые письмена, вырезанные на деревьях. Он радовался, как ребенок, когда Туй со своим другом, односельчанином Лялу, пришли пригласить его на званый ужин, где будет подана тыква первого урожая (слово «тыква» они говорили по-русски). Первую тыкву на берегу Маклая папуасы сварили, примешали к ней скобялку из мякоти кокосового ореха и съели в один присест.

Часто — и палящим днем и звездной ночью — Маклай слышал мерные звуки. Это гремели исполинские барабаны папуасов — б́арумы, сделанные из стволов огромных деревьев. Значит, в деревне будет пир. Папуасы натрут тела краской, взобьют волосы, украсят лбы перьями и принесут тушу свиньи, покрытую алыми цветами. Маклай знал, что он может всегда, как желанный гость, притти на звуки б́арума, но он каждый раз шел на пир, только чтобы не оскорбить своих друзей отказом. Его приглашали на праздники, на похороны и тризны: у золотых костюмов посланец мира и дружбы рассказывал папуасам об

инных странах, о России. Но Россию попрежнему считали луной.

«Человек с луны» проводил ночи в гостеприимных хижинах, где стояли огромные телумы — статуи, а под потолком или над дверью висели кости казуара, черепах, свиней, собак, кожа ящериц и челюсти родственников. Женщины уже не боялись, как прежде, «тамо-руса», и некоторые деревни даже засылали к Маклаю сватов! Женщины Горенду как-то окружили Маклая и потребовали, чтобы он дал имя новорожденной. Подумав немного, «человек с луны» назвал девочку Марией. Жители Били-Били хотели строить Маклаю хижину, звали его поселиться и в Бонгу. Узнав об этом, папуасы Богати обиделись и решили Маклая переманить к себе. Богати послала к нему свата Кады-Боро. Он обещал Маклаю трех лучших девушек в жены, прекрасное жилище, лишь бы «тамо-рус» не переселялся на Били-Били или в Бонгу. Маклай улыбался, благодарил свата и всю деревню Богати, а сам думал, как бы поскорей засесть за микроскоп и исследовать образцы папуасских волос.

Его звали на охоту за дикими свиньями, угощали напитком кеу, от которого у папуасов быстро соловели глаза.

Маклай делил горе и радость с людьми каменного века. Пусть только кто-нибудь осмелился бы поднять руку на друга смуглых людей — кремневый топор Туя, стрела Саула, которого спас Маклай на кабаньей охоте, уложили бы на месте любого врага.

«Слово Маклая — крепко», — сложили новую поговорку папуасы.

Однажды Маклай сидел дома и писал заметки для Карла Бэра — об антропологических особенностях папуасов. Увидев приближение гостей, Маклай отложил работу. Шла целая толпа — представители всех соседних сел. Они горячо стали просить чудесного русского никуда не уезжать, поселиться здесь навсегда и взять себе жен, сколько он пожелает. Оказалось, что деревни устраивали совещания, обсуждали на них все вопросы и наконец пришли. Что мог сказать «тамо-рус» в ответ на требование папуасского веча? Он сказал темнокожим друзьям, что если и уедет отсюда, то опять вернется. Насчет жен Маклай заметил, что женщины вообще много шумят, «тамо-рус» любит покой, — что же он будет делать, если все жены начнут шуметь? Деловой подход Маклая, его

невозмутимость убедили сватов, и попытки женить «таморуса» на некоторое время были оставлены.

А вдоль всего берега Маклая уже гремела папуасская песня, сложенная в честь русского человека. Он же неустанно ходил, записывал, рисовал, собирал коллекции; утешал плачущую женщину Кололь, — она голосила о сдохшей свинье, которую кормила когда-то своей грудью, как это было принято в папуасских хозяйствах. Он вникал во все мелочи жизни папуасов.

Каин возил Маклая на пироге к острову Тиару. Они плыли мимо коралловых архипелагов, нашли огромную бухту, открыли устья рек и речушек. Достигнув цели, они были встречены тиарцами, как лучшие друзья. Маклай вернулся, открыв тридцать островов и широкий пролив.

Вслед за этим он направился в Богати, где Кады-Боро, сват, устроил в честь гостя смотр невест. Маклай рассердился на Кады-Боро и пошел снимать панораму высоких зеленых гор.

Когда Маклай вернулся из Богати, страшный приступ лихорадки свалил его на жесткую постель: Ульсен причитал над Маклаем, как над покойником. Продукты шли к концу. Даже черные какаду куда-то исчезли из лесов.

Двадцатого сентября исполнился ровно год с того времени, как Маклай высадился здесь. Он записал в дневнике, что он за это время добился полного доверия туземцев и что сам уверился в них. «Я готов и рад буду остаться несколько лет на этом берегу», — так заканчивалась запись больного и голодного, но гордого своим успехом сына России, основавшего невиданную в истории школу человечности среди людоедов Океании.

А ведь это был еще молодой человек, двадцати шести лет, на вид — юноша, хрупкий, болезненный, нервный, но негниблемый, как сталь, в достижении поставленной перед собой цели.

Он наблюдал, открывал и даже к себе и своему здоровью относился, как к предмету научного наблюдения.

Двенадцатого октября он записывал в дневнике:

«Заметил, что при недостаточной пище (когда по временам чувствуешь головокружение вследствие голода) пьешь гораздо больше, чем обыкновенно. Пароксизмы здешней лихорадки наступают очень скоро после каких-либо неблагоприятных причин, иногда в тот же самый

день. Например, если утром ходил в воде по колено и вставался затем долго в мокрой обуви или пробыл несколько времени на солнце с непокрытой головой, — в час или два пополудни непременно наступает пароксизм. Сегодня Ульсен мыл свое белье в продолжение трех часов, ноги находились при этом в воде, температура которой на 1° или 1½° была ниже температуры воздуха — в три часа у него был пароксизм, между тем как в предыдущие дни он был совершенно здоров...»

Маклай строго-настрого запретил Ульсену пить сырую воду и иногда сам грел для него чай, однако, китобой украдкой доставал сырую воду и через несколько часов валялся, стонал и каялся Маклаю во всех грехах. Благоразумие не покидало Ульсена только в определенных случаях жизни. Например, как красовался он на острове Тиаре перед папуасскими дамами и девицами во время знаменитого смотра маклаевских невест!

Деятнадцатого декабря произошло знаменательное событие. Накануне «тамо-рус» пошел на папуасский праздник, и Саул упросил его остаться у него ночевать и уложил дорогого гостя в своей хижине. На рассвете Маклай крепко заснул, так как ночной сон много раз прерывался музыкой и криками пиршества. Но скоро его разбудили крики: «Биа! Биа!» (огонь). Маклай спросил, где люди Бонгу видят огонь. Ему ответили, что в стороне Кар-Кара, то есть с моря. Толпа папуасов бежала к хижине, крича: «Маклай! Корвета-рус!»

Все еще не веря, Маклай пошел к морю и увидел дым парохода. «Тамо-рус» помчался домой. Ульсен лежал на койке и стонал. Когда он услышал весть о судне, он впал в умоисступление и не смог даже выполнить приказ Маклая, — у бедняги от радости отнялись руки!

Маклай сам рванул флаг-линь, и знамя развернулось. При виде его судно пошло прямо к мысу. Маклай сел в шлюпку и пошел навстречу. Перед ним был русский военный клипер «Изумруд», посланный на поиски Маклая.

С борта корабля узнали героя Новой Гвинеи, и командир в честь такой встречи дал команду матросам — Маклай был встречен троекратным «ура».

Наступили дни великой скорби на берегу Маклая. Темнокожий народ понимал, что корабль увезет друга их — «тамо-руса» Маклая.

В Бонгу, Горенду, Гумбу люди сидели у ночных костров и гадали — вернется ли чудесный русский снова сюда? Кто будет помогать поселянам, когда опустеет хижина на мысе Гарагасси? Папуасы вспоминали, как Маклай запретил военному союзу соседних селений начать войну с жителями Бонгу и Горенду. Они помнили, что женщины и дети их находили убежище от отрядов врагов у стен хижины «тамо-руса».

Живя среди папуасов, Маклай ни разу не только не употребил оружия, но даже ни разу не показал его. Папуасы сами не раз предлагали ему взять у них оружие для пользования, но Маклай отказывался.

Когда Маклай вернулся с корвета на берег, чтобы собрать вещи и попрощаться со своими друзьями, он увидел, как к хижине при свете факелов идут его друзья. Освещенные пылающими свечками из сухих листьев, из глубины леса выступали смуглые люди с копьями в крепких руках. Они брели, опустив головы, храня глубокое молчание. Здесь были Туй, Саул, Бугай; они вели к Маклаю поселян Бонгу, Гумбу, Горенду и гостей из Мале и Каликум-Мана. Здесь сошлись жители приморских долин и горцы, старые воины и молодежь с красными цветами в волосах. И они молили Маклая остаться здесь, обещали выстроить для него по одному дому в каждом селении. Они повели Маклая ночью, при свете факелов, сквозь заросли пальм и банановых деревьев в Гумбу. Там возле костров сидели жители остальных деревень. И все они умоляли Маклая не покидать их.

Маклай сказал своим друзьям, что он рано или поздно, но вернется сюда. «Тамо-рус» провел всю ночь в кругу островитян.

Друзья «тамо-руса» понесли его на своих плечах к мысу Гарагасси (это было кстати: ноги Маклая были покрыты ранами от неустанных походов по зарослям и горам Новой Гвинеи). На зеленом мысу матросы с «Изумруда» в это время открывали памятник в честь подвига русского человека в Океании; они прибавали к самому большому дереву на Гарагасси тяжелую доску из красного дерева с листом меди, на котором была вырезана надпись в честь Маклая и кораблей «Витязь» и «Изумруд».

И когда Маклай, простившись с народом, который стал ему родным, смотрел в бинокль на зеленые берега остро-

ва, он слышал грохот длинных папуасских барабанов. Они гремели по всему берегу Маклая. «Тамо-рус» стоял на спардеке корабля долго, пока с его глаз не скрылся открытый им архипелаг Довольных Людей, пока горизонт не поглотил порт Алексея и узкий пролив «Изумруда».

НОВЫЕ СТРАНСТВИЯ

Корабельный лекарь промыл и перевязал раны Маклая и хотел было уложить его в постель, прописав строгий покой. Но не таков был Маклай, чтобы валяться в постели без дела. Он сидел в каюте с карандашом в руке и правил рукопись «Антропологических заметок о папуасах Берега Маклая в Новой Гвинее». Это был его подарок Бэру. Заметки эти Маклай писал под кровлей хижины на мысе Гарагасси.

«Моим стремлением было, следуя совету К. Э. Бэра, наблюдать людей по возможности без предвзятого мнения», — писал Маклай.

И в новогвинейской хижине, и в каюте корабля Маклая преследовала одна мысль. Он прожил на берегу Маклая пятнадцать месяцев, изучил местный народ, но этого мало. Нельзя успокаиваться на достигнутом и радоваться тому, что взобрался на первую ступень высокой лестницы. Надо изучить других папуасов Новой Гвинее, сравнить их с обитателями берега Маклая. А когда все папуасы Новой Гвинее будут изучены, Маклай исследует остальные земли Меланезии и меланезийцев сравнит с новогвинейцами. И тогда легче будет установить связь папуасов с племенем филиппинских негритосов, искать родственников папуасов на Малакке и вновь сравнить их с «чистыми» папуасами Новой Гвинее. Тогда легче будет открыть тайну происхождения меланезийцев, доказать, когда они составили особенную племенную группу, отделившись от полинезийцев, насколько малайцы сохранили черты, присущие жителям Меланезии.

— Приглядимся к малайцам, — говорил он себе и, пользуясь заходом корабля в порты, сходил на берег и смешивался с пестрой толпой жителей побережий.

Некоторые исследователи гораздо позже Маклая стали утверждать, что на Северных Молуккских островах можно встретить папуасские племена. Так, Рафрай и Уэллес считали папуасским племя альфуру.

Маклай увидел Тидор, столицу одного из молуккских султанств на острове Хальмахер. В границы султанства входили западные побережья Новой Гвинеи, папуасские острова близ них. Малайцы Тидора торговали папуасами, обращали в рабство и другие меланезийские племена. Недаром столицу Тидора окружали цветущие поля, на которых работали невольники, и Маклай видел согбенные спины темнокожих людей, пленников малайских купцов. Только через четыре года после посещения Маклаем Молуккских островов там было уничтожено рабство.

Султан тидорский подарил Маклаю папуасского мальчика Ахмата, любимца матросов «Изумруда» и будущего спутника в скитаньях Маклая.

В порту Тернанте «тамо-рус» видел те же картины рабского труда, толпы китайских, малайских и арабских купцов, лавки, где продавали перья райских птиц, броню черепах и кору тропических деревьев. Все это было добыто руками рабов на островах Австразии, так же как и благоухающие плоды манго, которыми славился Тернанте. Здесь, на перекрестке дорог из Азии в Австралию и Океанию, Маклай искал законы смещения племен.

На половине пути между Австралией и Азией видны высокие вулканы острова Целебес. Маклай ходил по низменным берегам северного мыса острова. Ученый странник видел целебесцев, очень похожих на папуасов. В глубине острова жили альфуры. О них говорили, что они проводят ночи на деревьях, ходят совершенно голыми, украшают хижины черепами врагов. Маклай, конечно, ринулся бы в леса Целебеса, но «Изумруду» надо было идти дальше — к Филиппинам. Там, в Маниле, «тамо-рус» расспросит, как лучше будет добраться до хижин негритосов.

И вот уже кормовой флаг «Изумруда» отражается в воде глубокой гавани, и на корабль надвигается берег Люцона. Манила красиво раскинулась на берегу бухты, встала на обоих берегах реки Пазиги. Рвы, крепостные стены, форты, выгнутый дугой Испанский мост. Огромный собор XVII века, прядильни, фабрики сигар, снастей. На улицах оборванные тагалы, речь пятидесяти племен малайцев...

Негритосы (их называют также азтасами) — маленькие ростом, приниженные и забитые люди. Некоторые из них не имеют жилищ, а носят с собой тростниковые щиты, под которыми и укрываются от непогоды. Найти негри-

тосов Маклаю было не так-то легко. Для этого пришлось переправиться на другой берег Манильской бухты, зайти в деревню Лимай, дать отдых ногам, на которых еще не закрылись новогвинейские раны, и на рассвете — итти пешком в горы Маривелес.

Хорошо, что попался переводчик, при его помощи можно было объясняться с негритосами. Маклай пришел в табор бродячего племени и прожил в нем несколько дней, закрываясь на ночь щитом из листьев пальмы. У маленьких темнокожих людей нашлось почти папуасское слово «та́о» — человек. Маклай был великаном по сравнению с этими людьми, рост которых не превышал 1 метра 44 сантиметра. «Тамо-рус» принялся измерять черепа негритосов, записывать слова, подмечать обычаи людей земли, которую когда-то открыл Магеллан.

На обратном пути в Лимайских горах Маклай нашел несомненно папуасское племя. У негритосов язык, обычаи — все напоминало папуасов.

Счастливый Маклай нес на корабль черепа негритосов, записи измерений, зарисовки. В каюте он достал свои бумаги и вынул драгоценное письмо своего учителя.

«Я советовал бы Вам, — писал Карл Бэр, — захватить на Филиппинские острова и отыскать там остатки первобытного населения, тщательно их исследовать и употребить все возможное старание, чтобы привезти с собою несколько черепов. Мне кажется, что очень важно решить вопрос: действительно ли эти негритосы Филиппинских островов — брахицефалы».

Маклай разрешил этот вопрос: «Да, Бэр не ошибается — у негритосов брахицефальный тип черепа. Но они папуасы. Размеры черепа дают важный, но не решающий признак для различия рас», — записал он. Короткоголовые негритосы были во всем похожи на длинноголовых папуасов.

Карл Бэр в это время в Петербурге заканчивал одну из своих последних работ — «О заслугах Петра Великого по части распространения географических познаний». Маклая тянуло на родину, но он думал о новых странствиях. Надо все же отдохнуть, притти в себя, разобрать материалы и записки. Где удобнее это сделать — на Яве, в Австралии, в Сингапуре? Нужно жить поближе к великим морским дорогам.

В Гонконге Маклай сходит с борта корабля, пересежается на торговое судно. Вот он уже любителю Сингапура, а через несколько дней «тамо-руса» встречает Батавию. В городе лихорадок можно разыскать трактир, где когда-то, покрываясь предсмертным потом, лежал в бреду дряхлый, но все еще железный сердцем, главный правитель Аляски — Александр Баранов. Могила его в океанских пучинах — недалеко отсюда, у острова Принцев.

Но лихорадка как будто не трогает здешних купцов. В порту нагружаются корабли. В трюмы бережно опускают корзины с лучшими в мире яванскими ласточкиными гнездами — пищей прихотливых мандаринов. Китайцы привозят сюда на джонках чай, лакированные изделия, писчую бумагу. Вездесущие китайские купцы скупают здесь пряности. И снова картины беспросветного рабства. Честные, тихие и прямодушные яванцы в плену подневольного труда, не дешево дается им разведение гвоздики и муската. Надо оглядеть все — цитадель, главный квартал, зайти в музей, научное общество, редакцию «Естественно-исторического журнала». Батавия почти пуста. Чиновники живут за городом, ездят в Батавию только по делам — лихорадка властвует здесь, как жестокий хозяин. Но чего бояться Маклаю? Он ютится в номере кирпичной гостиницы, разбирает свои бумаги и коллекции.

В Батавии Маклая ждала слава. О его приезде с далекого берега уже стало известно. О нем пронюхали колониальные газеты: яванский «Локомотив», «Мельбурнский вестник», «Сурабайская торговая газета», «Сингапурская газета», — иначе откуда бы узнал о его приезде господин генерал-губернатор Нидерландской Индии Джеймс Лаудон? Он зовет Маклая в прекрасный город Бейтензорг, поселиться у него, отдохнуть, поработать над дневниками.

Бейтензорг — жемчужина Явы. На высоком холме во дворце Лаудона Маклай прожил семь месяцев.

О, город без забот! (так можно перевести название Бейтензорга). После пыльной и душной Батавии, с ее тлетворными болотными ветрами, Бейтензорг кажется Маклаю земным раем. Он сидит на скамье под густым анчаром. Это «смертоносное» дерево дает густую тень. Отсюда хорошо виден вулкан Салак с его пятью зубцами и темным ущельем на склоне. Прохладное утро, чистое небо, солнце, пригревающее листья индийских смоковниц... Бейтензорг живет утрами. После полудня начинается жа-

ра, а к двум-трем часам дня в Бейтензорг приходят гулкые ливни. Дождь, крепкий и чистый, льет здесь ежедневно. К закату солнца земля высыхает, и освеженные влагой деревья благоухают как бы вдвойне. Белый дворец губернатора стоит посреди ботанического сада, отражаясь в водах светлого пруда. В пруду живет цветущая виктория-регия, аллеи пальм протягиваются по саду. Калонг, летучая собака, переносясь с одного дерева на другое в поисках съедобных лепестков, опыляет огромные багровые и синие цветы. Здесь живет орхидея с четырьмя тысячами цветков на каждом кусте, в бейтензоргском саду изгибаются причудливые роганги — пальмо-лианы с крючками на узких листьях.

Здесь все тянется к солнцу, растет вширь, расстилается по теплой благодатной земле. Кто может здесь сосчитать все кусты и корни редчайших растений тропиков? Маклай видит, как в зарослях орхидей с большими ножницами в смуглых руках расхаживает молодой малаец Па-Идан, ученый знаток жизни здешних растений. К нему обычно обращаются за справками все путешественники. А вот мимо индийских смоковниц проходит сам основатель сада — молчаливый голландец Тейсманн. В саду — тишина, а за оградой его шумит веселый утренний город. Против главного входа в сад раскинулся китайский поселок, арабский квартал лежит за речкой Тидани. Где-то слышится скрип повозок, — не遠далеке проходит Главная Явская дорога, берущая начало в Батавии. Вдоль садовой ограды тянется главная улица города — Диалан-Бежаар. На набережной Тидани качаются под слабым ветром пальмы и шелестят деревья какао. Тидани мчится с вершины Салака, у подножья вулкана расстилаются кофейные плантации, а дальше синеют леса, где носороги продираются сквозь заросли пальмо-лиан, ломающих свои крючки о толстую кожу этих красноглазых чудовищ.

Яванцы называли Маклая «оран-бланда» — «белым человеком...»

Благоуханный ветер долин шевелил листы бумаги, строчки, написанные жирным карандашом, отливали на солнце. «Тамо-рус» думал о бухте Астролябии, о почтенном Туе, об архипелаге Довольных Людей.

Прекрасные европейки Бейтензорга всячески старались понравиться «владыке папуасов», но Маклай сторонился общества голландских красавиц. Он был скромн и даже

застенчив в светском обществе, когда дело касалось его личности, но требования великого дела, которому он посвятил себя, не мешали ему быть настойчивым, и тогда он смело открывал любые двери...

Маклай понял, что ему теперь не откажут в содействии новому походу, и на Яве он задумал проникнуть в Голландскую Новую Гвинею.

ОКЕАНСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

В декабре 1873 года Джемс Лаудон провожал «владыку папуасов» в новое путешествие. На карту великих странствий Маклая мы нанесем сейчас небольшой остров Амбоин в Южном Молуккском архипелаге. Сюда Маклай приплыл из Батавии. На Амбоине водятся самые причудливые по своим размерам и строению крыльев гигантские мотыльки, а семьсот восемьдесят видов рыб в его водах делают Амбоин самым богатым в мире заповедником морской фауны. Рыбы Амбоина отливают всеми цветами радуги. Маклай не мог быть равнодушным и к моллюскам амбоинских вод.

Амбоин был первой европейской колонией на Молуккских островах. В 1515 году здесь появились португальцы. Они сумели продержаться до 1564 года, когда сюда пришли голландские купцы. С тех пор остров стал монопольным местом для разведения гвоздичных деревьев. Столица гвоздичного царства — белый город Амбоин — стояла на берегу большой бухты, блестя кровлями, выложенными пальмовыми листьями. Саговые пальмы росли вдоль улиц и каналов. Часовые стерегли старинную крепость; к воротам ее вела дорога, обсаженная мускатными деревьями. Люди в черных одеждах сновали по торгоному кварталу города. К какой народности они принадлежали? На этот вопрос было трудно ответить. Альфуры + малайцы + голландцы + арабы + китайцы = амбоинцы. Такую, правда, грубую, формулу можно было приложить к местному населению.

Амбоин стоял на торговых путях в Голландскую Новую Гвинею. Малайские обитатели его несколько веков наживались за счет папуасов, ходили в золоте и шелке. Но хищники из малайских стран боялись показываться на новогвинейском берегу Папуа-Ковинай, якобы населен-

ном людоедами, которых малайцы называли оран-макан-оран.

Маклай, конечно, пожелал плыть именно к этому берегу Новой Гвинеи, где папуасы сохранились лучше, чем на других берегах, посещаемых малайцами.

В большой лодке, «урумбае», с экипажем в шестнадцать человек и маленьким Ахматом Маклай отправился к берегам Новой Гвинеи. Вскоре им был открыт пролив Елены и значительно исправлена старая карта побережья. На берегу Папуа-Ковиай «тамо-рус» выстроил хижину у мыса Айва и начал изучение местных папуасов. Оказалось, что они ничем не отличаются от жителей Горенду, Бонгу. Маклаю иногда казалось даже, что он видит перед собой родных братьев Туя, — настолько папуасы Айвы были похожи на его друзей из залива Астролябии. «Тамо-рус» убедился, что и форма головы здесь такая же, как у жителей берега Маклая.

Маклай узнал от новых приятелей, что в горах есть большое озеро. Он загорелся новым желанием — проникнуть в глубь страны и увидеть самому таинственные берега озера.

«Слово Маклая крепко», — гласила поговорка жителей залива Астролябии. Маклай сказал, — значит сделал. Он смело углубился в неведомые места, поднялся на вершины гор высотой в тысячу двести футов и увидел внизу светлые воды загадочного озера. На языке папуасов оно называлось Камака-Валлар. У озера была одна особенность, приковавшая внимание Маклая: уровень его постепенно подымался, вода наступала на берег, и поэтому затопленные в разное время берега с густым лесом как бы опустились в озеро. Казалось, что деревья всегда росли со дна озера. Открывалась и такая подробность: капризное озеро могло вдруг то спадать, то через несколько часов бешено поднимать свои воды. Маклай нашел в озере новый вид губок и любопытные разновидности моллюсков. Нашел он поблизости и каменный уголь.

А люди? Ведь они составляли главный предмет неистощимых работ Маклая. У озера он открыл племя «ваау-сирау» — родичей береговых папуасов.

Но в Айве в это время разыгрались страшные события. Новый приятель Маклая, старый раджа — папуаский начальник острова Айдумы был предательски убит вместе с женой и ребенком. Двести папуасов из бухты

Кируру, вымазав тела черной краской и украсив головы перьями райской птицы, пошли войной на Айву. Они напали на береговых папуасов, которые отступили к хижине Маклая. В хижине сидели пять спутников Маклая, оставленных для присмотра за вещами. Победители из Кируру, одолев береговых папуасов, устроили в хижине Маклая погром. Они убили трех женщин, старого раджу Айдумы, его жену, а дочь старика разрубили на столе Маклая на куски. Папуасы разграбили хижину и унесли с собой одежду Маклая, бутылки с красным вином, анатомические ножи и ланцеты.

Происшествие это не испугало «тамо-руса». Он не хотел покидать берег Папуа-Ковиай и бросить свои работы. Маклай отправился на остров Айдуму и выстроил там новую хижину. Между тем второй отряд папуасов, человек в триста, спустился с гор и явился снова в Айву, чтобы убить Маклая. Но он был уже далеко.

Он знал, кто был его тайным недоброжелателем. Начальники папуасских сел на берегу Папуа-Ковиай получали от малайцев пышные звания раджи (радьа), капитанов, майоров и т. д. «Майора острова» Мавары звали Саси. Это был отъявленный разбойник. Он встречался с Маклаем раньше. Саси тогда еще не понравился «тамо-русу». Огромного роста, с очень неприятным лицом, майор Мавары щеголял в малайском наряде и желтом арабском жилете, а угловатую голову свою обматывал белым платком. Смотрел Саси угрюмо, исподлобья, но прикидывался любезным и кротким. Он-то и устроил резню в Айве, подговорив папуасов напасть на Маклая и его людей.

Разграбив хижину Маклая в Айве, майор Саси не успокоился. Он стал подсылать своих разведчиков на Айдуму и наконец явился самолично к берегам острова на собственной пироге с целой шайкой разбойников.

Бесстрашный Маклай и на новом месте жил, как ему хотелось: работал и спокойно спал под дырявым кровом своего убежища. Узнав о приходе разбойников, он утром спокойно напился кофе, взял револьвер и крепкую веревку и в сопровождении двух верных людей пошел к пироге негодяя. Майор, высадив свой десант на берег, уединился в каюте и, видимо, обдумывал план дальнейших действий. Маклай смело подошел к пловучему убежищу разбойников и велел Саси выйти. Майор не пода-

вал признаков жизни. Тогда маленький худой «тамо-рус» сорвал тростниковую крышу пиррги и увидел согнувшегося, дрожащего всем телом великана из Мава-ры. И тут случилось то, от чего обомлели папуасы, спутники майора. Маклай схватил за горло верзилу в желтом жилете и приставил револьвер к его виску. Майор окаменел от ужаса, а верный Маклаю молодой папуас Майберит накрепко связал пленника веревкой. Спутники «тамо-руса» унесли Саси на «урумбай».

...Какими новыми данными обогатил Маклай науку во время путешествия на Папуа-Ковиай? Он доказал, что долихоцефалия — длинноголовость — не может быть сочтена за основной и отличительный признак папуасов. Легенда о пучкообразных волосах папуасского племени была окончательно опровергнута. У жителей берега Маклая, у негритосов Филиппин, у племени Папуа-Ковиай волосы растут так же, как у всех людей. Маклай вывез с Папуа-Ковиай ценные наблюдения над смешанными браками малайцев и папуасов.

Но смелый и благородный человек узнал и другое, о чем не мог молчать. Он поведал миру о страшных преступлениях малайских купцов и работорговцев. Малайцы, нападая на прибрежных папуасов, грабя и уводя их в плен, развратили мирный когда-то народ. Прибрежные папуасы стали охотиться на своих же соотечественников — горцев и продавать их в рабство малайцам. Капитан Мава-ры Саси сам был жестоким охотником за рабами. Маклай открыл и такое явление, непосредственно связанное с работорговлей: переход оседлых папуасов к кочевому образу жизни. Укрываясь от малайцев и своих внутренних врагов, папуасы превращались в водных кочевников, они жили на лодках, скитаясь вдоль побережий. Маклай таким образом снова взялся «не за свое дело» и составил записку на имя губернатора Нидерландской Индии, в которой гневно бичевал торговцев людьми.

Добравшись до Амбоина, Маклай тяжело заболел. Он слег в постель и потерял возможность двигаться. Лихорадка, острые невралгические боли настолько измучили его, что амбоинский врач не надеялся на выздоровление друга папуасов. Подвиги Маклая уже вызывали восхищение и преклонение океанических европейцев. Тревога о судьбе Маклая заставила, казалось бы, чужих, далеких и даже враждебных людей проявить заботу о русском

человеке — носителе бесстрашия и прямоты. И когда от Маклая долгое время не было известий, капитану британского военного корабля «Василиск» Моресби было приказано разыскать путешественника, живого или мертвого, и, если он жив, оказать ему помощь. Британский моряк ринулся на поиски Маклая. Бросив якорь напротив форта Виктория, Моресби сошел с корабля и прямо направился к больному. Капитан невольно остановился посреди комнаты. На белых подушках лицо Маклая казалось особенно страшным. Заросший бородой, с ввалившимися щеками, желтый и исхудавший, маленький человек, казалось, доживает последние часы. Моресби написал своему начальству, что он сделал все, чтобы разыскать Маклая, но вряд ли знаменитый русский теперь встанет с постели, настолько он болен.

Но воля и мужество «тамо-руса» и на этот раз победили. Он поправился настолько, что стал составлять план нового похода.

Из Амбоина Маклай направился в Тернанте, на остров Хальмахер, в город у подножья вулкана, некогда воспетого Камозэнсом. Здесь он собирал сведения о том, как племя альфуров смешивается с малайцами. Он дышал свежим чистым воздухом садов города Менадо на Целебесе, у стен Новоамстердамского форта. Здесь, в одном из окраинных кварталов, жили чистейшие альфуры, не смешанные с малайцами и еще хранящие свои древние обычаи и язык. И Маклай снова вспоминал статью Бэра «О папуасах и альфурах».

Народы Океании разбросаны, как бусины разорванного ожерелья, но Маклай разыщет папуасов и на Филиппинах, и на Целебесе, и в джунглях какого-нибудь тропического полуострова, — он замкнет это ожерелье...

В СТРАНЕ ОРАНОВ

Мерно стучат колеса вагона, мчащего Маклая из Батавии в Бейтензорг. Эта первая железная дорога на Яве построена совсем недавно. Снова — гостеприимный дворец Джемса Лаудона, восхищение голландцев подвигом русского, бесконечные расспросы о скитаниях на берегу Папуа-Ковиай. И снова — уединение в цветущем саду, шест бумажки, чтение книг, которых так много в библиоте-

ке Джемса Лаудона. Теперь Маклая интересует исключительно Малайский полуостров. Но как проникнуть туда европейцу? Как сделать лучше, без промаха, наверняка? В дебрях Малакки, среди малайских племен, обитают неведомые оран-семанги и оран-сакаи. Кто они? Маклай несколько раз перечитал статью Логана в «Журнале Индийского архипелага», работы Ньюболта, Вайца, Ло и других исследователей. Никто из этих ученых не видел ни одного живого орана Малакки. Но тогда почему они пишут о таинственных народах и гадают о том, кто ораны—малайцы или негры? Гадать нечего! Он сам поедет на Малакку, углубится в леса и горы, найдет оранов, и только тогда можно будет говорить, кто они.

Маклай разворачивает тяжелый атлас. Вот она—цель нового странствия. С азиатского материка в океан вылез, как длинный язык, узкий Малайский полуостров. Он уперся своим острым концом в Сингапур, протянувшись, как некий мост из Индокитая в Австралию. Кто знает, может быть, полинезийские народы прошли когда-нибудь по этому месту к голубым пространствам океана и Азия—прародина океанийцев?

Маклай не раз расспрашивал малайцев о лесных людях Малакки, но не мог добиться никаких ценных сведений. Все повторяли одно, что ораны дики, нелюдимы, живут в глухих сырых лесах, ведут кочевой образ жизни. Рассказывали, что ораны ростом настолько малы, что их можно назвать карликами. Они поражают врагов отравленными стрелами...

Маклай твердо решил ехать в Сингапур, а оттуда на Малакку. Но где взять средства? Он писал в Петербург, просил Географическое общество устроить ему заем, но ответа не получил. Тогда Маклай занял полтораста фунтов стерлингов и с этой небольшой суммой пустился в дорогу.

Сингапур—Львиный город—в те времена был только еще скромным фортом Каннинг на небольшом острове. На холме стоял красный дом губернатора «Колонии Прованс и острова Сингапур» с бронзовым слоном у входа. Вокруг тянулись кварталы города—европейский, индийский, китайский, малайский. Вездесущие китайские купцы—«оран-твина»—покупали и продавали бамбук, кожи, саго, перец. В портовых складах лежали товары Суматры, Борнео, Австралии, Филиппин. Сюда привози-

ли русский керосин, английский каменный уголь, китайский чай.

Маклаю не раз в жизни приходилось смело стучаться в двери дворцов и требовать настойчивого внимания к своим работам. Поэтому, прибыв в Сингапур, он поднялся на Губернаторский холм и велел доложить о себе сэру Эндрью Кларку. Маклай добился у английских властей того, что было необходимо: обратно с дворцового холма он шел с бумагой на имя магараджи страны Джогор.

В сингапурской гостинице была смертная тоска. Надоедливые москиты раздражали Маклая. Стоит только углубиться в чтение или письмо, как в дверь стучится китайский коробейник, предлагая купить на счастье талисман — брелок из тигрового когтя. Тигры в Сингапуре — не редкие гости: они иногда забегают на окраины города и переходят узкий болотистый пролив, отделяющий остров от Малакки. Из-за москитов спать приходится — как ребенку в колыбели — под кисеей. Ночью вся гостиница полна шороха и легкого треска. Это сотни мелких ящериц «гекко» вышли на охоту за москитами. «Гекко» умеют быстро бегать не только по потолкам и стенам, но даже по тусклым гостиничным зеркалам в рамах из потемневшей бронзы. Шорох ящериц был похож на ход сотен часов...

Прохладным ранним утром Маклай выходит на прогулку. Он идет мимо длинных китайских вывесок, свешивающихся над кирпичными тротуарами, мимо харчевен и лавок, чинных европейских магазинов на Кафедральном проспекте. Смоковницы и хлебные деревья, кусты ярких китайских роз, араукарии на холмах... Маклай проходит угрюмым китайским кладбищем, вступает в болотистый лес, — через него пролежала дорога к порту. Солнце начинает пригревать черепичные кровли города. Легкая прохлада еще ощутима у моря. Здесь, в черте порта, над водой на тонких сваях поднимаются легкие жилища малайцев. Это — пригородная деревня Тангонг-роо. Обитатели свайных построек в праве назвать себя счастливыми: многие из туземцев не имеют и таких жилищ. Бездомные малайцы живут годами в крытых лодках. Пловучими убежищами покрыта вся гавань.

С морского берега, если встать лицом к югу, можно увидеть лазурные облака, поднимающиеся над проливом. Это — не облака, а горы острова Суматры. Но Суматра,

знакомая по книгам с детства, сейчас не влечет Маклая. Он думает о Малакке. Возвратившись с прогулки, он снова принимается за просмотр комплектов «Singaroor Chronicle». Ему так нужны материалы о Малакке и Джогоре.

Джогор, или Иохор, был когда-то могущественным малаккским государством и владел не только многими землями на материке, но и морскими островами. Но и в 1874 году Джогор включал в свои владения огромные малоизведанные области на Малакке. И вот Маклай входит в джогорский город Джогор-Багру. Это скорее большая деревня, чем город. Но в этой деревне есть дворец магараджи, склады перца, каучука, камфары, слоновой кости.

Магараджа джогорский, уже пожилой человек, побывавший в Европе и стоявший на голову выше других малайских владетелей, принял посланца науки очень сердечно. Он отворил для Маклая двери своих покоев, и Маклай проводил с магараджей время в расспросах о стране Джогор и ее людях. Обаяние Маклая было велико. Он горячо убеждал магараджу в необходимости исследования Джогора, и магараджа с грустью сознался Маклаю, что в его владениях нельзя найти ни одного человека, который мог бы сказать, что он прошел всю страну от края и до края. Маклай узнал, что у магараджи нет даже карты его страны. Это не огорчило Маклая. Он первым из европейцев исследовал берег Маклая, первым проник в глубь Папуа-Ковиай, теперь русский впервые пересечет весь Джогор. Маклай пообещал магарадже составить первую карту страны, а за это владыка малаккских лесов должен оказать содействие русскому.

Магараджа вручил Маклаю указ всем старшинам Джогора — давать Маклаю проводников и носильщиков.

Маклай двинулся навстречу новым испытаниям и открытиям. Он поднялся на север и оттуда пошел по незнакомым дебрям — через тигровые джунгли. Караван Маклая вспугивал стада диких кабанов. Ночью над головами путников проносились огромные летучие мыши. Устья рек кишели крокодилами. Стоял декабрь — время разлива рек. Тропические леса возвышались в воде, низины были покрыты водой. Маклай семнадцать дней подряд брел по затопленным пространствам Джогора, вода доходила до груди, но он смотрел своими ясными широкими глазами на природу Малакки — прекрасную сказку, увиденную на-

яву. Мир пышных растений превосходил здесь все виденное Маклаем; гранитные горы стояли в первозданном диком величии, а в чащах слышались трубные звуки слонов и рев потревоженных тигров. Так он брел не один день в густых малаккских лесах, пока путь не пересекло шумное устье реки Муар. Стуча зубами от лихорадки, дыша теплыми испарениями, Маклай плыл по Муару. С лодки он видел малайские деревни под сводами зеленых лесов, но страна оран-утанов была еще далека. Маклай думал о том, что мир даже и не знает о существовании этих людей и зовет оран-утанами огромных обезьян острова Борнео. Он скоро рассеет это заблуждение и расскажет о том, кто такие настоящие оран-утаны. Но долго ли еще плыть до них?

Муар катил свои волны навстречу лодке, и казалось, конца не будет этой реке, текущей среди лиан и лесов. И по второй реке пришлось плыть против течения — лодка Маклая вошла в устье муарского притока Палона. Здесь тоже с лодки Маклай увидел на лесном берегу жалкие жилища людей леса, но они при виде лодки скрылись в густом лесу.

Так Маклай шел по стране Джогор от Малаккского пролива до берегов Китайского моря. На морском побережье, куда он вышел после тридцатидневного похода, светилось устье реки Индау. От Индау он двинулся на юг и через двадцать дней, пройдя Джогор с севера на юг, достиг болотистого берега узкого пролива между Малаккой и Сингапуром. Таким образом «тамо-рус» не только сдержал свое слово, данное магарадже — пересечь Джогор, но пересек его дважды.

В феврале 1875 года он вновь сидел во дворце магараджи, рассказывая ему о днях, проведенных в джунглях страны Джогор. Его опять трясла проклятая лихорадка, и он, с трудом пересиливая слабость в ногах, старался забыть о звоне в ушах и говорил о новом походе в самую глубину Малакки. Он сказал магарадже, что пойдет из Джогор-Багру сушей прямо в Сиам (Таи). Магараджа только головой покачал, услышав про такой план, но отговаривать гостя не стал.

Маклай снова в Сингапуре. Сэр Эндрью Кларк видит, насколько болен его северный гость. Он зовет чудесного русского в Бангкок — подышать чистым воздухом Сиамского залива, отдохнуть вместе с ним на корабле «Плу-

тон», посмотреть сиаamsкую столицу. Губернатор Проливов и Сингапура не подозревал, что невольнo тащит Маклая к порогу новых победных странствий. Во время сборов в Бангкок очарованный странник Маклай ходил у звонкой полосы океанского прибоя, сидел долго на берегу, а потом подымался на губернаторский холм и начинал убеждать сэра Кларка, как члена старейшего в Азии Бомбейского географического общества, основать на сингапурском берегу морскую зоологическую станцию. На борту «Плутона» больной Маклай писал отчет о странствиях в земле Лесных Людей...

Маклаю шел тридцатый год. Густые кудри его выгорели на тропическом солнце. От вечных лихорадок лицо сделалось прозрачным, но огромные глаза не теряли того мечтательного сиянья, которое онц сохраняли всегда. По привычке, подперев рукой левую щеку, слегка подняв узкое плечо, он писал о лесах и реках открытой им страны Джогор. Сэру Кларку стоило больших трудов выманить Маклая из каюты на целительный морской воздух.

За кормой «Плутона» бежали последние волны. Грохот якорной цепи заставил Маклая встрепенуться. Бангкок! Столица страны народа Таи! Книжка с картинками в детстве; Сиаm, белые слоны сейчас оживут, и через мгновение он увидит все это наяву. Маклай выходит из каюты и бросает жадный взгляд на берег. По обе стороны серебряной реки, впадающей в бухту, стоит блистающий кровлями кумирен город, белый, как ларец из слоновой кости. Сэр Кларк объясняет Маклаю: вот, далеко в зеленых кущах, — пагода Ват-Ченг, высокая зубчатая стена — граница внутреннего города. Капище с позолоченной крышей — не храм, а приемная палата короля сиаmского. А вот квартал иностранцев. Что это за огромное здание? Это загон для королевских белых слонов. Маклай смотрит на прибрежные свайные постройки Бангкока, пловучие дома на волнах реки Менам. В шлюпке они плывут вместе с сэром Кларком между шумными берегами, мимо мешков с перцем и кардамоном на джонках, мимо садов, харчевен, рынков. «Тамо-рус» осмотрел город Диких Плодов, но его влекло в столице Сиамского другого.

Король сиаmский — в то время двадцатидвухлетний Сомдетш Пра Параминдр Мага Чулалконгорн — владел доброй половиной Малайского полуострова; ему подчиня-

лись бесчисленные вассалы — раджи, султаны и князьки Малакки. И Маклай, пользуясь дружбой сэра Кларка, стал стучаться в золоченые двери чертога короля¹.

Маклай добыл письмо владыки Сиама. Получил ли он это письмо прямо из рук короля под золотой кровлей палаты «Магапсарат» или добыл грамоту через сэра Кларка, неизвестно. Важно то, что он добился доступа в такие области Малакки, какие не снились ни одному путешественнику. Скоро Маклай обогатит науку новыми открытиями.

Грамота короля сиамского предписывала князькам помогать Маклаю во всем. В Бангкоке он записывал в тетради все сведения, какие только мог добыть о сиамской части Малакки, — имена князей, названия деревень, рек и гор.

Прибрежные малайцы уверяли Маклая, что в глубине страны, среди бродячих оранов, живут страшные человеческие существа с хвостами. Люди эти носят с собой кувшины с деревянным маслом. Подкравшись к малайским селениям, ораны обмакивают кончики хвостов в масло и поджигают хижины, потом с факелами мечутся среди тростниковых хижин, в зареве и черном дыму. У других оранов клыки, как у зверей, и ступни длиною в две четверти. Страшные эти существа покрыты шерстью. Они ловят птиц руками и пожирают их с перьями и внутренностями.

Ничего точного и проверенного о дебрях страны не даю Маклаю чтение толстых томов «Малайского обозревателя и индокитайского летописца» — журнала, который уже пятьдесят лет выходил в Сингапуре. Мало помог и первый сборник об Индокитае из библиотеки сэра Кларка. Десять дней, проведенных Маклаем в Бангкоке, ушли на сбор материалов о Малакке и осмотр города. «Тамо-рус»

¹ Чуалалконгорн был одним из восьмидесяти сыновей короля Монгута. Отец Чуалалконгорна, европейски образованный человек, читал в подлинниках Тацита, Горация и Вергилия, в подписи его стояло: «Rex Siamensium». Он устроил в Сиаме лабораторию, выписал физические приборы. Чуалалконгорн вступил на престол Сиама в 1868 году. Уже после смерти Маклая король совершил поездку в Россию. Он завел в Сиаме телеграф, железные дороги, а сына отдал учиться в Петербург. Когда Чуалалконгорну было сорок четыре года, он имел сто пятьдесят детей от своих бесчисленных жен «нанг гам»... Можно думать, что именно Маклай пробудил в короле сиамском интерес к России.

бродил по берегам бесчисленных каналов, мчался на легкой лодке по Менаму.

Сын новгородских льняных полей видел огромное изваяние Будды в храме Ксетуфона, знаменитого золотого Будду, нефритового Будду и т. д. С легкой руки короля Чулалконгорна Маклаю дали здесь звание русского князя Маклая. «Дато-рус Маклай»!

Вернувшись в Сингапур, «дато Маклай» скоро снова гостил у магараджа Джогора. На этот раз магараджа молил Маклая отменить поход в страну Лесных Людей. Но Маклай стоял на своем. Тогда магараджа махнул рукой и дал «дато-русу» тридцать носильщиков и грамоту к владельцу Паханга, с которым, кстати сказать, джохорский магараджа не раз воевал. Но Маклаю было все равно, топтали ли боевые слоны Джогора землю Паханга или нет. Простившись с Джого-Багру, он 15 июня 1875 года двинулся в путь.

Его сопровождал уже знакомый нам папуасский мальчик Ахмат, воспитанник Маклая, хорошо говоривший порусски, и чиновник джогорского владельца. Чиновник предназначался быть посредником между Маклаем и князьками.

Караван Маклая вступил в Пекан, столицу большого государства Паханг. Город стоял у лимана реки, стекающей в Китайское море. Пеканский бандахара — вассал Сиамы — ежегодно посылал королю Чулалконгорну золотой сосуд и розу из серебра. Грамота короля произвела большое впечатление. Бандахара ввел Маклая в свой дворец и дал ему людей для продолжения путешествия.

Маклай двинулся прямо к сердцу королевства Калантан, где до него не бывал еще никто из европейцев. К северу от реки Паханг он увидел величественные горы — самые высокие на всем Малайском полуострове — и открыл венчающую их вершину Гуну-Тахан. Караван брел между гранитных скал и глыб песчаника, в джунглях, где хрипели вепри и ревели тигры.

Малакка — страна без горизонтов. Они скрыты горами и лесами. Можно идти сутками, не видя края и конца зеленым джунглям. Лодка, утлый плот, спина слона, скрипучая повозка, а чаще всего собственные ноги несли Маклая к цели его странствий. Дикие слоны, толпясь на берегах речек, протягивали хоботы к лодкам путников. Они проходили пешком по сорок верст в день и

снова по грудь в воде, оступаясь и падая в обрывы, преодолевали затопленные пространства. Маклай встречал россыпи золотиносного песка на берегах рек, вспоминая Бэра, который именно в Малакке видел древнюю страну золота — Офир.

На верхнем течении Паханга, в горных ущельях, между странами Паханг, Трингау, Калантан, Маклай нашел жемчужину своего океанского ожерелья. Пробираясь сквозь горные леса, он спугнул первых встреченных им людей леса. Это были пугливые, низкорослые, смуглые существа, проводившие ночи на деревьях. Сердце великого друга обездоленных племен сжималось при виде этих людей, бедных, как птицы. У них не было никакого имущества, кроме тряпья на бедрах и ножа. Они скитались по лесам, добывая камфару.

Эти люди были самыми чистыми меланезийцами. Старики еще знали язык папуасов, и наречие Меланезии считалось здесь колдовским. Только знание языка предков помогало охотнику добыть зверя и найти богатые заросли камфарных деревьев. Иначе зверь убегал от ловца, а дерево исчезало из глаз, когда человек леса протягивал к нему руку. Так верили простые дети природы. И только благодаря вере в волшебство слова они сохранили древний язык.

Сомнений не было: ораны не были похожи на малайцев. Люди леса своим карликовым ростом напоминали скорее негритосов Филиппин, а в остальном были похожи на папуасов Новой Гвинеи. Курчавость волос, цвет кожи, строение тела, множество других признаков указывали на принадлежность оранов к меланезийцам.

Лесные кочевники не имеют постоянных жилищ. У них есть только лесные стойбища в местах промыслов. Люди леса умеют добывать сок каучукового дерева, слоновую кость, камфару. Малайцы дают им за это соль, ножи и табак. Но малайцы занимаются и другим промыслом: они подкрадываются к таборам лесных людей и хватают, как диких зверенышей, детей оранов, уводят и продают их в рабство. Насилия малайцев заставляют оранов держать всегда наготове свое страшное оружие — ствол бамбука. Маленький лесной человечек подносит к губам бамбуковый ствол, на пол-аршина длинней своего роста, и с силой дует в отверстие ствола. И малаец падает на землю в корчах: через десять минут он умирает от пропитанной ядом

тонкой и легкой стрелы, выпущенной из ствола. Маклай добыл и стрелы и трубки из бамбука. Оказалось, что яд для стрел добывается оранами из сока дерева «упас», к нему добавляется еще яд змеи.

Лесные люди поровну делят между собой добычу, не обделяя своих жен и детей. У них существуют свадебные обычаи. Женщина орана может даже унаследовать власть вождя племени.

Маклай зарисовывал оранов, вел дневник, чертил карты похода, собирал утварь оранов: ножи, большие луки «лойдс» и бамбуковые трубки. Он переходил от одного стойбища к другому. Робкие карлики переставали бояться русского, и он узнал об их жизни все, что было в его силах.

Они действительно кочевники; лесные шалаши служат им лишь как убежища для отдыха во время блуждания по сырым лесам. Людей леса можно разделить на два племени. Оран-утан-дина — ручные лесные люди — не боятся малайцев и продают им дары леса. Но человек из племени оран-утан-лиар горд и независим. Он не хочет даже знаться с малайцами, ни за что не выйдет навстречу им из своей лесной трущобы. Если жизнь заставляет оран-утан-лиара итти на торговые сношения с малайцами, он просит ручных людей выменивать товары у негоцианта. Лесные люди бродят в лиановых зарослях целыми ордами и считают себя счастливыми. В поселках более оседлых ручных людей наш путешественник бывал не раз. Там он засыпал под звуки больших бамбуковых флейт — эоловых арф, качавшихся на ветру. Ручные люди жевали бетель. Женщины продевали через нос иглу дикобраза. У них, как и у папуасов, были общественные хижины. Племенем управлял старшина — батин. Колдуны — блианы молились духам Ханшу, били в барабаны, обтянутые змеиной кожей. Ручные люди любили пальмовое вино, пили его из бамбуковых кувшинов. Курчавые, подобно папуасам, ораны Малакки сохраняли меланезийский тип. Маклай решил, что на «малаккском языке», выпяченном далеко в море, когда-то обитали чистокровные меланезийцы и что они занимали все пространство Джогора.

Этнографов и медиков должен особым образом заинтересовать один случай из жизни Маклая на Малакке. Однажды он зашел в хижину оранов, где сидели женщины

и дети. Одна из женщин припала к ногам пришельца, как бы умоляя не трогать ее. Маклай ласково сказал женщине по-малайски, чтобы она не боялась. Женщина, как эхо, повторила слова Маклая, в точности воспроизводя и тон, каким они были сказаны. Она не знала малайского языка... Тогда Маклай сказал эти слова по-английски и по-русски. Малакская женщина в точности повторила их. Биографы Маклая, Аренский и Водовозов, дружно объясняют этот случай «удивительным примером действия страха». Но тут скрыто другое. Известно, что среди русских и туземных женщин Якутии издавна существует нервное заболевание: «меряченье» — так называют его. «Мерячки» не только повторяют с точностью фонографа чужую речь на совершенно незнакомом языке, но и подражают движениям человека, который чем-либо поразил их. Путешественник Дионео в своей книге «На крайнем северо-востоке Сибири» пишет о подобном случае так:

«...Возвращались мы из Нижне-Колымска и остановились ночевать в юрте якутов. Когда мы разделись, вошел необыкновенно высокий, высохший, как мумия, старик якут с застывшими, как из бронзы вылитыми чертами лица... Мне припомнился старик из поэмы Лонгфелло, и я прочел товарищу:

...With hooked fingers
Iron pointed hooked fingers
Went drauf is nets at morning
Salmon trout he fond a hundred...

Велико было мое удивление, когда я услышал в углу те же стихи. Это была мерячка. Здоровая якутка не повторит вам двух слов на каком-либо другом языке...»

«Меряченьем» болеют чаще всего женщины. Значит, Маклай просто встретил в дебрях Малакки женщину орана, страдавшую той же болезнью, что и ее якутские сестры. Обычно думают, что «меряченье» наблюдается только в Якутии. Но Маклай на Малакском полуострове нашел самую настоящую «мерячку», со всеми признаками этой странной нервной болезни.

Сто семьдесят шесть дней пробыл Маклай на Малакке. От оранов он прошел по владениям семи малайских князей и вступил в город Патани на восточном берегу полуострова. От Патани Маклай двинулся к северу и вскоре подошел к хижинам сиамского города Сонгоро. Он побы-

вал в пяти малайских государствах, семи княжествах, в пяти сиамских областях. Из Сонгоро Маклай проехал на слоне в страну Кедах на западном берегу полуострова.

В стране Кедах Маклай услышал, что в городе Малакке, прорезанном каналами, живут еще представители рода оранов. Но оказалось, что оран-мантра были смешаны с малайцами, говорили на их языке, носили малайскую одежду. Маклай кстати осмотрел Малакку, его поразило величие гор, которые подходили к самому городу с северо-запада. В их цепи высилась мощная вершина Офир. В городе стояла полуразрушенная голландская крепость. Но самое ценное, что было в нем, — это великолепная библиотека «Англо-китайского коллегіума».

Два года жизни отдал Маклай на открытие страны оранов.

МЕЛАНЕЗИЙСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА

На холме Бейтензорга Маклай снова принялся за литературную работу. Он написал три статьи — о джогорском походе, который скромно называл экскурсией, и о своих скитаниях среди оранов Малакки. В Батавии и Бейтензорге «тамо-рус» узнал новости из Европы. Его учитель Геккель уже два года тому назад выпустил свою «Антропогению» и не устал бороться за пропаганду учения Дарвина. Фрегат «Челленджер» бродит в пространствах Океании, делает глубоководные промеры, с'емку островов, люди «Челленджера» изучают природу и население Полинезии.

Маклаю кажутся тесными стены дворца в Бейтензорге. Он вспоминает слово, данное им папуасам берега Маклая. Ведь они ждут его, глядят в просторы океана: не покажется ли над бирюзовым горизонтом дым русского корабля? «Тамо-рус» укладывает вещи и благодарит Джемса Лаудона за любезный прием и гостеприимство. Разве может Маклай упустить возможность побывать сейчас и на Каролинах, и в Микронезии, и на Меланезийских островах? Он едет из Бейтензорга в яванский порт Черибон, где на рейде уже стоит легкая шхуна «Морская птица» с британским флагом на корме.

Шкипер шхуны, запасшись бисером и другими безделками, прочистив пушки корабля, приготовился к «торговле» с островитянами. Путь «Морской птицы» извилист.

Она пойдет сейчас на юг Целебеса, а потом к Каролинскому архипелагу и к островам Адмиралтейства, и только оттуда Маклай поедет к заливу Астролябии.

Легкий попутный ветер понес «Морскую птицу» к Макассарскому полуострову на Целебесе. Здесь властвовал голландский губернатор области. Дворец туземного султана был украшен буйволово́й головой. Город окружали рисовые поля. Целебесские бананы считались лучшими плодами Молуккских островов. На острове жили бугисы, странные люди, подверженные страшной болезни «амок». Впавший в безумие бугис с криком «амок!», с малайским кривым кинжалом в руке мчался по улицам города, поражая на своем пути все живое... На него устраивали облаву и убивали, как дикого зверя.

В мае 1876 года Маклай уже исследовал Каролинские острова, бродя по коралловым рифам, у которых когда-то развевался андреевский флаг корабля Федора Литке, где пели русские песни матросы с корабля «Рюрик».

На картах Микронезии значились русские названия островов: Сенявин, Римский-Корсаков, Хромченко, Суворов, Беринг, Румянцев, Чичагов.

Среди земель Западных Каролин высятся большой остров Япп, весь в зарослях хлебных деревьев и кокосовых пальм. Здесь Маклая встретили высокие стройные люди, с белыми раковинами у запястья. Каролинцы — смелые мореходы. Они умели складывать из песка, камней и раковин навигационные карты, знали названия тридцати трех звезд южного неба, указывающих мореплавателям путь в океане. Под сенью кокосовых пальм, в чистых и многолюдных деревнях, улицы которых вымощены камнем, у каролинцев были даже школы мореходов, где старые морские волки учили детей географии и астрономии, чертя карты на песке.

Маклай описал быт, одежду этих людей. «Тамо-руса» поражала способность каролинцев нырять на большую глубину в поисках съедобных раковин, которые островитяне ели сырыми. Они проносились на своих красных и черных челноках между рифами с удивительной быстротой и ловкостью.

Маклай видел, как островитяне делают свои «деньги». Для этого они ездят в архипелаг Палао, где у каролинцев издревле облюбован остров Малакан; там находится их монетный двор. Из дикого камня они вытесывают и вы-

тачивают круги разных размеров — от нашего пятака до огромных жерновов. Такие жернова обычно являются собственностью всего села и имеют такую цену, что во время междоусобиц за такую монету можно купить помощь соседнего острова. Но Маклаю все это известно, — еще в дебрях Малакки он расплачивался с носильщиками фарфоровыми кружочками, которые заменяли там металлическую монету.

Маклай был гостем деревни Киливит на Яппе. Там он лишний раз убедился в жестокостях колонизаторов: каролинцы, взятые для ловли трепанга, мерли как мухи.

Далее Микронезия предстала перед Маклаем базальтовыми скалами других островов архипелага Палао, где он пробыл довольно долго. Палао населяли темнокожие люди с курчавыми волосами, явно папуасского типа. Маклай узнал здесь много нового. В лесах Палао жила, например, птица псаматхия, которой нельзя было встретить в других местностях Океании. В водах Палао водился дюгонь — китообразное животное океана. Позвонком дюгони палаоские владетели награждали, как орденом, своих подданных, и островитяне чванились этой наградой. Палаосцы верили в чародеев, которые назывались калитами, признавали равенство женщин. На стенах общественных зданий палаосцев красовались узоры. Маклай расценил их как начало письменности, ибо узоры были своеобразной летописью жизни Палао. Маклай подметил у островитян обычай посылать друг другу «письма» — веревку с затейливыми узорами: каждый узор означал какое-либо определенное понятие.

Маклай бродил среди этих людей, тела которых были вымазаны густой желтой краской. И всюду он искал жемчужины своего разорванного ожерелья и находил их, пылливо пропикая во все, казалось бы, мелочи жизни смуглых людей Микронезии.

«Морская птица» скользила между островками Адмиралтейского архипелага. Путешественники были теперь в самом сердце страны людоедов, где изысканным лакомством считался человеческий мозг, смешанный с кашей из саго и мякоти кокосового ореха. Воины Адмиралтейских островов носили ожерелье из зубов, пальцевых суставов, позвонков врагов и часто вешали на шею бедреную человеческую кость.

«Морская птица» летела в виду берегов главного острова архипелага Адмиралтейства — Тауи, как вдруг Маклай увидел пирóгу, качавшуюся на волнах, поднятых шхуной. Пирóга подошла к борту «Морской птицы», экипаж ее поднялся на палубу шхуны. Маклай пошел изучать пирóгу и разглядел на ней странные вымпелы — это были человеческие волосы. Но Маклай не ужаснулся. Он спокойно разузнал, чьи это волосы, — папуасские или полинезийские? Оказалось, что вымпелы были сделаны из волос жителей Яппа, убитых в 1875 году у рифа острова Иезус-Мария. Экипаж пирóги был украшен бусами из человеческих зубов, пальцевых суставов и мелких костей. Но для Маклая было важно не это. Он вглядывался в лица людоедов, осматривал их утварь и оружие и радостно думал, что между этими людьми и папуасами Новой Гвинеи нет никакой разницы. Это были представители одной разновидности единого племени папуасов. Маклай не мог выпустить такой добычи из рук, благо к борту шхуны стремились другие пирóги.

Маклай спросил, почему пирóга со страшными вымпелами шла от острова Ло, и узнал, что там добывается обсидиан для вытачиванья каменных копий.

Маклай принялся зарисовывать предметы обихода людоедов: табиры — круглые деревянные чаши, покрытые искуснейшей резьбой, плетеные сосуды для воды, пропитанные смолами и древесными соками, крепкие сети, каменные копья, образцы татуировки, пилообразные узкие кинжалы.

Вскоре Маклай был свидетелем позорного торга шкипера корабля с туземцами. Шкипер и его помощник с пистолетами на бедре за наперсток бисера и осколки пивных бутылок «покупали» у папуасов жемчужные раковины и черепаший щиты. Шесть стрелков с острова Яппа стояли около шкипера, взяв ружья наизготовку, а канонир держал в руках дымящийся пушечный фитиль... Кроме пушек и ружей, у шкипера было еще одно средство устрашения туземцев — огромный ньюфаундлендский пес. Папуасы при виде собаки в испуге кидались за борт, а шкипер, науськивая пса, хохотал на весь Тауи.

Маклай ходил в толпе папуасов, записывая свои наблюдения. Потом он сошел на берег и там, в деревнях Пуби и Лонеу, увидел те же бáрумы (барабаны), которые гремели в честь его на берегу Маклая. Он зарисовал обита-

телей деревни и заметил при этом странную особенность зубов папуасов: они у них развивались неравномерно — один резец, скажем, вырастал длиннее, чем другой. Желая испытать все, «тамо-рус» попросил папуасов сделать ему татуировку; они с восторгом начали колоть руку Маклая бритвами из отщепов вулканического стекла. «Тамо-рус» делал вид, что не испытывает никакой боли. Этими же осколками они сбрили волосы с ноги Маклая.

Так Маклай странствовал по островам людоедов, и никто пальцем его не тронул. На островке Андра можно было наблюдать даже такую картину: Маклай лежал на подвесной койке под тенью огромного дерева, и один из папуасов в честь его играл на флейте из семи связанных вместе бамбуков.

Оставшемуся на островке Андра торговому приказчику О'Хара Маклай велел составлять словарь местных слов. Поездка Маклая по островам Меланезии оставила русские названия на картах океана: «Отшельник» и «Шашечница». Шашечница — архипелаг пятидесяти мелких островов, группа отшельников состоит из атоллов.

Маклай был счастлив. Он бродил по деревням, установил тождество племен острова Адмиралтейства с папуасами, проник в гущу народа и даже стал понимать его язык, тогда как люди из знаменитой экспедиции «Челленджера» не сходили на берег и вся программа этнологических работ оказалась у них невыполненной.

«МАКЛАЙ ВЕРНУЛСЯ!»

В 1876 году изгнанный из Франции ученый, коммунар, друг Кропоткина, Элизе Реклю начал собирать материал для своей знаменитой «Всеобщей географии».

В числе помощников Реклю был не только Кропоткин, но и Лев Мечников. Поклонник Бэра и Дарвина, ученый французский географ прославил себя ранами, полученными в борьбе за свободу. Лев Мечников был в рядах знаменитой «тысячи» Гарибальди, которая взяла в 1860 году Сицилию, разбила врагов в нескольких сражениях и торжественным маршем прошла до Неаполя, опрокинув войска короля Франциска. Израненный в боях русский гарибальдеец, по просьбе Элизе Реклю, стал переводить ему статьи Миклухо-Маклая. И Реклю и Мечникову Маклай был близок по духу. Если они оба были борцами за сво-

боду, то Маклай сделал не меньший вклад в дело переустройства и познания человечества. В 1876 году Мечников принес Реклю первые переводы работ Маклая, и с тех пор ученый-коммунар не переставал следить за трудами русского путешественника.

В том же году умер великий Карл Бэр. Он тоже следил за подвигами Маклая, выполнившего его заветы и обогатившего науку новыми замечательными открытиями.

Полуслепой, дряхлый Бэр угасал в Дерпте с мужеством воина науки. Он диктовал статьи о Дарвине, читал доклады, ухаживал в саду за цветами, говорил о заслугах Петра Великого перед русской наукой. Ему шел восемьдесят пятый год. Но вдруг подкралась простуда, и чудесный старик слег в постель и во вторник 16 ноября 1876 года навсегда заснул.

...Маклай в ноябре 1876 года не знал о смерти своего учителя и друга. «Тамо-рус» лежал в лихорадке в своей новой хижине на берегу Маклая. Он не мог спать по ночам — настолько сильна была боль в израненных ногах. Уже пять месяцев он жил на Новой Гвинее.

Двадцать седьмого июня Маклай сошел с «Морской птицы» на знакомый берег у Горенду. О, какую радостную тревогу забили папуасские ба́румы! Все старые знакомые, особенно близкие, были живы: Туй, его сын Бонем, Саул, Каин, сват Кады-Боро. Гремят ба́румы и в Горенду, и в Бангу, и на острове Витязя, и на Кар-Каре, и в деревнях сумрачных горцев.

«Маклай вернулся!» — это стало живым чудом, сказкой папуасского народа!

«Людоеды» плакали от радости при встрече с Маклаем. Юноши, которые недавно были детьми, узнавали Маклая. Маленькие девочки выросли и теперь повыходили замуж. Маклай расспрашивал друзей, что делает Мария, как живет Дягусли в Теньгум-Мана, жив ли Далу из Венгу. Он всех помнил, обо всех спрашивал этот новгородский волшебник, новогвинейский гость! Каждый просил «тамо-руса» поселиться в его деревне.

Плотник с корабля с помощью папуасов устанавливал новую хижину Маклая на мысе около Бонгу. Теперь это был уже настоящий дом, срубленный из захваченного в Сингапуре крепкого леса. Маклай праздновал новоселье в кругу своих друзей и трех спутников. На этот раз спутни-

ками его были малаец-повар и двое слуг — микронезийцы из архипелага Палао.

Папуасы рассказывали новости. «Тамо-рус» не знал о том, что здесь без него было несколько землетрясений. Вершины Мана-Боро-Боро стали от этого голыми. А когда земля тряслась, многих папуасов изувечило падавшими кокосовыми орехами. В Гарагасси пальмы, посаженные Маклаем, уцелели, но не все. Хижину с'ели белые муравьи. Они же изгрызли дерево с медной доской.

В долгих беседах проходили первые вечера у костров, — хорошо горел унан — сухая трава побережья. Нарадостях папуасы принесли Маклаю подарок — кенгуру, и «тамо-рус» устроил для животного клетку, чтобы держать его живым.

Он сразу же принялся за исследования. В шлюпке Маклай спустился к устью речки Морель, потом побрел пешком через холмы, поросшие унаном. С холмов он увидел четыре горные вершины берега Маклая. Перепрыгивая через трещины и расщелины, образовавшиеся при землетрясении, он вышел на реку Каиран, спустился в овраги и достиг деревни Марагум-Мана. Следы землетрясения он нашел и возле села Рай. Неутомимо шагая по берегу Маклая, он достиг реки Гебенеу.

В августе он пошел к подножью пика Константина и взял его, рискуя жизнью. Когда Маклай возвращался домой, люди окрестных сел сбежались его провожать, и двести факелов освещали победный путь Маклая.

Он поплыл на остров Витязя — в гости к Каину. где папуасы выстроили для русского друга «дачу» на урочище Айра. Потом он ходил в горные села, приносил оттуда черепа, коллекции утвари и опять... лихорадку.

С волнением он осматривал место, где когда-то впервые поселился. От хижины остались только сваи, изъеденные жадными муравьями. Сваи рухнули от одного толчка ногой. Площадка около дома заросла унаном. А сколько здесь было прожито и пережито! Тело Боя давно с'ели акулы, долговязый трус Ульсен, наверное, в Швеции теперь хвастается мнимыми подвигами в Новой Гвинее...

Маклай посадил пальмы вокруг нового дома, а весь огород засеял новыми растениями. Начинаются будни — наблюдения за папуасами, зарисовки. Праздники для Маклая устраивают сами папуасы; они зовут его на «ай» в Бонгу, где он впервые видит, как в торжествах участ-

вуют женщины. От Маклая уже ничего не скрывают: он свой, близкий и родной человек...

Маклай в своем новом доме пишет заметку, мысленно адресуя ее Русскому географическому обществу. «...Те же райские птицы и бабочки будут летать в Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллекции, между тем как, почти наверное, при повторенных сношениях с белыми, не только нравы и обычаи теперешних папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинее, подобно тому, как я искал Оран-Сакай и Оран-Семанг в лесах Малайского полуострова. Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи — я был прав...»

Главная задача Маклая была — изучение человека, изучение, свободное от всяких предвзятых мнений, от всяких мыслей о превосходстве одной расы над другой. Он жадно искал человеческое в каждом себе подобном существе — в затравленном негритосе Филиппин, в малайском оране, в микронезийце и папуасе берега Маклая. Берег его имени останется навсегда в истории человеческой культуры.

Огромно и глубоко, как океан, светящийся у коралловых берегов, понятие бытия... Здесь, в неведомой стране, Маклай думал, что он близок к вечным тайнам природы. Мечта его сбылась, он может наблюдать законы зарождения человеческого общества, может видеть человека в его первобытном состоянии, со всеми человеческими радостями и горем. И Маклай пришел к этому человеку не с пушками, водкой и крестом, а с добрым и участливым словом. Когда на глубоком синем небе светился Южный Крест, шелестели пальмы и слышался шорох муравьев, Маклай читал Гёте...

Великая дружба «тамо-руса» с папуасами облегчала Маклаю его научные работы. Он теперь свободно делал прогулки по всему берегу Маклая, гостил подолгу в деревнях. Ему удалось собрать замечательные сведения о папуасских танцах, бытовых пантомимах, и Маклай видел, насколько эти зачатки искусства связаны с жизнью. Он убеждался в высокой нравственности папуасов, в отсутствии у них разврата, в любви к семье.

Он неустанно проводил свои антропологические наблюдения и исследовал сто пятьдесят папуасов. И все более Маклай убеждался, что форма черепа не может быть решающим признаком расы. Вся жизнь Маклая проходила в борьбе за то, чтобы человечество не знало деления на высшую и низшие расы.

Вот пришел Каин, человек с горбатым носом, с умным и проницательным взором. Из мочки левого уха на плечо у него свешивается огромная серьга, а взбитые волосы украшены деревянным гребнем. Это — старый друг Маклая. Сейчас они пойдут по зарослям банановых деревьев в дальнюю деревню, где до сих пор никто еще не видел белого чудесного человека. Они идут вдвоем — великий русский друг и безвестный папуас — по лиановым трупам, слышат громкие крики казуаров, полет райских птиц.

Вот Сале мастерит для Маклая «булу-рибут» — пять огромных эловых арф из стволов тростника — и развешивает их на деревьях возле дома Маклая. И «тамо-рус» отныне засыпает под звуки поющего в бамбуке ветра.

Мукау, молодой парень из Горенду, шлет гонцов к Маклаю и зовет его на свадьбу; Мукау женится на Ло, девушке из Гумбу. «Тамо-рус» идет на свадьбу как лучший гость и потом в свою записную книжку заносит все подробности наивных свадебных обрядов.

Вместе с Каином они вновь идут к берегу, садятся в лодку и плывут к острову, который Каин называет Домом голубей. На голубином острове путники сажают кокосовые пальмы и идут дальше — к людям побережья, к мастерам пирога, учат мастеров, как лучше строить суда.

С Гассаном можно смело отправляться для исследования архипелага Довольных Людей, побывать на островах Тамо Митебог, где хижины, как русские избы, украшены коньками, только вместо резного конька-горбунка над входом красуется огромная деревянная рыба. Обо всем этом нужно записать в дневник, зарисовать деревянную рыбу, сравнить ее с другими украшениями.

У Моте из Бонгу умирает жена. Ей надо помочь. Маклай идет в Бонгу к умирающей, и его встречают, как всемогущего чародея. Но скоро звуки бάρума возвещают о смерти под кровлей Моте, и Маклай становится свидетелем и исследователем печальных погребальных обрядов.

Сват Кады-Боро из Богати как-то узнал, что два человека из Горимы, Малу и Абуи, задумали убить Маклая. Старик умолял русского друга не ходить в Гориму, но Маклай сделал по-другому. Безоружный, он отправился в Гориму, перешел по пояс реку Киер и разыскал своих будущих убийц. Возле костра Маклай произнес речь. Он говорил жителям Горимы, что не сделал никому в этой деревне зла, что он пришел к ним ночью, через леса и реку, очень устал и хочет спать. Если Абуи и Малу хотят убить Маклая, пусть они поторопятся, иначе он ляжет спать. «Тамо-рус» действительно завернулся в одеяло и проспал до утра. Наутро пристыженный Абуи притащил и положил к ногам Маклая свинью, привел Малу, и они оба пошли провожать Маклая до дому. Оба «убийцы» шли рядом с удивительным белым человеком, готовые теперь защищать его до последней капли крови.

Кисем с острова Витязя, как и Каин, оказался хорошим мореходом и гидрографом. Он прекрасно знал очертания берегов, течения и направления ветров. Маклай решил привлечь Кисема к работе, и они вместе с Каином, Гассаном и Сале на двух судах совершили поход в деревню Телята. Маклай посетил несколько сел и всюду находил материал для своих наблюдений. Каин, на правах первого помощника Маклая, важничал и кричал на жителей села Сингор, обличая их в жадности: сам «тамо-рус» приехал к ним в гости, а они даже не догадались угостить его свининой и курицей!

В Теляте Маклай разыскал самого древнего на всем побережье старца, и папуасский патриарх после расспросов подтвердил, что до появления «тамо-руса» на берегу Маклая никогда не видели белого человека. Маклай поднялся на гору Сируй-Мана, оглядел побережье, сделал зарисовки Теляты. И сколько раз безвестные папуасы помогали русскому путешественнику в его упорной повседневной работе!

В июле 1877 года Маклай употребил все старания, чтобы предотвратить угрозу надвигавшейся войны поселян Бонгу и Горенду с горными папуасами. Саул и тот рвался в бой, а старый Туй упрашивал Маклая напустить чародейство на горных жителей, чтобы они все погибли от землетрясения. Но Маклай твердо сказал, что войны не должно быть и не будет никогда, пока он живет здесь. Ретивые вояки поставили копыя обратно к стенам хижин.

Как-то на Саула нашли сомнения, и он стал мучительно раздумывать над вопросом: может ли Маклай вообще умереть? Маклай когда-то спас Саулу жизнь, вылечив его от ран после охоты на вепря. Саул пользовался у «тамо-руса» огромным доверием и даже правом сидеть на террасе Маклая, где вступал с хозяином в разговоры на разные, как пишет Маклай, «трансцендентальные сюжеты». Раз в Бонгу Саул прямо задал вопрос «тамо-русу» о его бессмертии. Мы знаем, что Маклай дал себе слово — никогда и ни в чем не лгать перед папуасами. Что сделал Маклай? Он в раздумьи подошел к стене хижины, выбрал самое крепкое и острое копье и передал его Саулу. Тот затрясся от ужаса и не нашел в себе сил, чтобы взять древко. А Маклай спокойно стоял и ждал. Саул не поднимал копья, чтобы убедиться в смертности белого человека. Маклай постоял еще и, делая вид, что не случилось ровным счетом ничего, подсел к Саулу.

Так жил Маклай. Он все время болел, недомогал, — его мучили лихорадка и невралгия, — но никогда не оставлял начатых работ. Время шло, а шкипер «Морской птицы», обещавший притти за Маклаем, не появлялся.

Шестого ноября 1877 года в залив Астролябии случайно зашла британская шхуна. Маклай решил отправиться на ней, и скоро вдоль берега Маклая вновь разнесся грохот б́арумов. На проводы «тамо-руса» сошлись толпы папуасов.

И Маклай произнес перед ними изумительную речь.

Он говорил, что вскоре — не сегодня, не завтра, — но обязательно сюда должны будут притти на кораблях люди, похожие на Маклая лицом, волосами и одеждой. Но они будут не такими, как он. Эти люди, выйдя на берег, начнут стрелять из ружей, грабить папуасов и похищать их в рабство. (Движение в толпе, крики: «Не покидай нас, тамо-рус!») Маклай еще вернется сюда. Но он должен предупредить своих друзей, что страшные белые люди бессердечны и злы. Они схватят Саула, Бонема, выберут самых крепких и здоровых людей и увезут их в плен. Что делать папуасам, когда придут злые люди? Надо посылать женщин и детей в горы, прятаться самим и всячески стараться избегать кровопролития, ибо белые сильнее папуасов и начнут стрелять в них из пушек и ружей. Если хотя бы один из белых будет поражен стрелой папуаса, пришельцы не пощадят никого. Поэтому Маклай

сейчас расскажет, как надо отличать белого врага от друга, как предупредить бедствие и рабство. Если Маклай придет сюда своих друзей, они подадут знаки и скажут слово «Маклай». Такие белые друзья «тамо-руса» тоже могут когда-нибудь приплыть сюда... Может даже случиться так, что сюда приплывет много-много русских — друзей Маклая. Они не тронут папуасов, а будут им помогать, дружить с ними, как с братьями. И с этими людьми надо жить в мире. Сам «тамо-рус» Маклай еще вернется сюда...

Так говорил Маклай. Он уехал, провожаемый плачем, громом бáрумов, прощальными криками.

СОЛНЦЕ АВСТРАЛИИ

Сингапурские врачи, осмотрев Маклая, поразились душевной силе этого человека. Знаменитый русский был едва жив. От него остались одни ребра и торчащие ключицы — настолько он исхудал. Мог ли человек быть здоровым после всего пережитого в дальних и опасных походах? Как объяснить врачам все — и переходы по затопленным лесам Малакки, и шум в ушах от новогвинейской лихорадки, и голодовки, и постоянные опасности, и врожденную склонность к нервным заболеваниям?

Маклай в Сингапуре слег в постель, но его не покидала бодрость и веселость. Он отшучивался, когда врачи пророчили ему смерть, если он не начнет всерьез лечиться и отдыхать. Но легко врачам говорить о перемене климата, об отдыхе, спокойном образе жизни! Маклай — нищий и бездомный человек. Вот уже которое письмо в Петербург остается без ответа. Географическое общество печатает его статьи, письма в своих «Известиях», но палец о палец не ударит для того, чтобы добыть Маклаю денег на продолжение работ. Он живет долгами, на долговые средства снаряжает свои походы. Но так долго не проживешь. Гонорар за статьи смехотворно мал. А доктора велят ехать для отдыха в Европу, Японию или Австралию. Что он будет там делать? Ведь нельзя всю жизнь пользоваться гостеприимством чужих людей, как это было в Бейтен-зорге у Джемса Лаудона. Хорошо, Маклай поедет в Австралию и отдохнет там. Кстати, оттуда и до Новой Гвинеи недалеко, стоит только переплыть Торресов пролив. Лучше всего ехать в Сидней, под благоприятные лу-

чи австралийского солнца. Там здоровый морской воздух, зелень, покой. И с жесткой госпитальной койки в Сингапуре «тамо-рус» отправляется на корабль.

Вряд ли Маклай знал о том, что произошло вскоре после его отъезда из Сингапура на маленьком острове Пенанг, между Малаккой и Суматрой. В Пенанг пришел русский клипер «Всадник». Командир клипера Андрей Новосильский был немало изумлен неожиданным визитом послов султана Ачинского. Могущественный султан Суматры просил Новосильского принять в русское подданство сначала Ачинский султанат, а потом — и всю Суматру. Новосильский растерянно осматривал послов и, не зная, что предпринять, решил раньше всего выиграть время.

После переговоров в капитанской каюте было решено, что султан Ачинский напишет новую бумагу о русском протекторате, соберет подписи князей Суматры и эту петицию перешлет в порт, где к тому времени будет находиться клипер «Всадник»...

Слухом земля полнится. О пребывании Маклая на Яве и Малакке знали на Суматре. Титул «русского князя», данный Маклаю, мог сбить с толку султана Ачинского. Прибавьте сюда еще и шум вокруг имени Маклая, поднятый газетами Явы, и тогда совсем не трудно будет предположить, что причиной симпатий обитателей Суматры к далекой России мог быть не кто иной, как Миклухо-Маклай.

Любопытна судьба затей султана Ачинского. Через год после необычайного свидания с послами Суматры клипер «Всадник» бросил якорь в Неаполитанском заливе. Каким-то путем вдогонку кораблю был доставлен в Неаполь об'емистый пакет с Суматры. В нем лежала петиция островных владетелей во главе с Ачинским султаном, украшенная княжескими печатями. Новосильский составил подробный рапорт своему начальству, приложил донесение к петиции, и письмо владетелей Суматры пошло гулять по канцеляриям Морского министерства и Министерства иностранных дел.

В просьбе князьям и султану было отказано. Новосильскому ничего больше не оставалось, как отправить в Пенанг, к агенту султана Ачинского, телеграмму о состоявшемся в Петербурге решении...

В июле 1878 года Маклай любителю новым городом в новой для очарованного странника части света. Сидней

раскинулся перед ним по большому полуострову между двумя заливами. Синие бухты, утесы, яркие кроны деревьев, ярчайший желтый песок на садовых дорожках, цветы и светлые здания оправдывают название, данное Сиднею — «королева юга».

Чем-то встретит столица Нового Южного Уэльса русского путника? Имя Маклая уже известно всему миру, но он попрежнему — без крова, денег и имущества. Все его вещи оставлены на берегу Маклая под присмотром папуасов. С собою Маклай везет лишь самое необходимое для жизни и свои драгоценные записи.

О, какой чистый, хрустальный ливень падает на кровли Сиднея! И как легко дышится в этой прозрачной прохладе... Надо устраивать здесь жизнь, набираться сил, ездить на морские купанья в Манли, чаще бывать на воздухе. И хорошо бы подняться на высокие луга Австралийских Альп.

Маклай почти на целый год поселился в Сиднее. Его приютил сначала русский вице-консул Паули, а потом директор замечательного музея в Сиднее Вильям Маклей. В доме вице-консула Маклай лежал на чистой мягкой постели и глядел в окно на небо Сиднея, пересеченное яркими отвесными молниями летних ливней. Жена вице-консула заботливо ухаживала за знаменитым человеком.

Когда Маклай окреп и встал на ноги, он, конечно, не оставил без внимания ни одного уголка солнечного города. Весть о его приезде разнеслась по Сиднею, и прохожие разглядывали шагавшего по Джордж-Стриту маленького бородатого человека в белой шляпе. Он осматривал и новый город Норт Шор, и южные аллеи Вуломоу, и ботанический сад, и берега синих заливов.

Он присматривался к лицам темнокожих людей, стараясь найти и здесь одну из жемчужин Тихого океана. Здесь Маклай увидел торжество колониального разгула. Многие крепкие, ловкие и сильные туземцы были загнаны в бесплодные пустыни. Тасманийцы уничтожены целиком. Меланезийцев заставили пасти бесчисленные стада овец на австралийских плоскогорьях и истреблять местные племена, которые вымирают наравне с кенгуру... Но, в противовес колонизаторам, проповедывавшим расовое неравенство, раздавались и другие голоса. Епископ порта Виктории бенедиктинец Рюдезиндо Сальвадо в своих «Мемуарах» об Австралии становился на сторону ав-

стралийцев. Так, случаи людоедства он объяснял только крайним голодом. Сальвадо указывал на отличное природное здоровье «дикарей», опровергал версию об их вырождении в силу одних лишь якобы расовых причин.

Епископ Сальвадо был поражен способностями австралийских детей, которых он обучал грамоте и счету.

«Один из них, — писал епископ, — с первого же дня учил в десять минут сорок букв, разделявшихся на большие и малые и притом разного шрифта: по восьми букв в каждом из пяти алфавитов. Пусть в самом большом европейском институте сделают такой же опыт с пятью различными шрифтами, и вы увидите, может ли ребенок девяти лет, как этот, в десять минут удержать в памяти сорок знаков, различать их и повторять их названия в разбивку. Другой через несколько уроков повторял наизусть слева направо и наоборот все разряды сложных чисел, от двух до девяти цифр, увеличиваемых последовательно, но вовсе не в прогрессивном порядке; однако он делал это с такою быстротой, что его можно было принять за опытного счетчика... Другой, видя, как один капитан корабля определял меридиан секстантом, повторил этот опыт успешно. Тот же самый капитан уверял меня, что четверо молодых людей, его учеников, в три месяца научились производить эту операцию; что один австралиец, моложе десяти лет, понял дело с точностью с первого раза. Его заставляли потом повторить это несколько раз в присутствии разных лиц, чтобы убедиться, что это не было делом случая...»

«Дикарь, — говорил епископ порта Виктории, — никогда не прощает оскорбления, нанесенного стыдливости принадлежащих ему женщин. За это преступление платятся дорого, всего чаще смертью...»

Другой знаток Австралии и ее народа писал, что среди австралийцев встречаются люди с гладкими и даже совершенно русыми волосами. В книге исследования Митчеля можно было прочесть такие строки о племени австралийцев:

«Их изображают как последнюю ступень человечества; однако тех, которые сопровождали меня, я нашел превосходившими в проникательности и суждениях белых, составлявших мою экспедицию. Мне вовсе не пристало бы унижать характер туземцев, когда один из субъектов именно этой несчастной расы был моим путеводителем, товарищем, советником и другом в самых критических случаях этого

последнего путешествия с целью исследования страны. Иурани был мал и слаб на вид, но его мужество и решительность были самые положительные. Его ум и суждения сделали его столь необходимым для меня, что он всегда был со мною, и пешком и верхом. Моя доверчивость к нему ни разу не была обманута...»

...Сидней, во всем блеске и великолепии, родился из каторжного поселения. Как только Австралия была открыта для мира, ее поспешили превратить в место ссылки и заточения. Прекрасная страна, о которой в пословицах говорится, что в Австралии молодеют старики, была превращена в XVIII веке в край горя и слез.

В одном из глухих австралийских заливов во времена Маклая стояло на якоре старинное парусное судно «Успех» со статуей женщины на носу. Кого изображала она? Фемиду? Немезиду? Это была пловучая тюрьма. На старом корабле когда-то перевозили в Австралию первых каторжников, потом корабль странствовал по Тихому океану. Корабль поставили на якорь, но он продолжал оставаться тюрьмой. Каторжники жили на нем в тесных деревянных клетках. Потемневшая палуба была не раз залита кровью; там стояли орудия пытки, вплоть до знаменитой «железной девы».

Во времена Маклая в Австралии нашли золото, и десятки тысяч людей устремились сюда в поисках счастья. Поэтому и богатеет Сидней у этих синих берегов.

Маклай дышит ясным воздухом Сиднея, идет по нескончаемым плодовым садам пригорода Парамотты и подолгу просиживает на берегу бухты Ватсон-Бай, которая впоследствии будет считаться одним из памятников пребывания удивительного русского в Сиднее. Он думает об этой причудливой стране, где растут пальмы и эвкалипты наравне с цветами далекого севера. Как Маклаю хочется увидеть самому голубые боровичские незабудки в горах возле Сиднея!

Здесь можно набираться сил и отдыхать. А потом надо будет посмотреть поближе папуасов Торресова пролива, сравнить их с австралийцами. Ведь и Новая Гвинея, и Австралия, и Новая Зеландия — части одного материка, разобщенные какой-то геологической катастрофой. Надо также начать здесь изучение хрящевых рыб, вернее — продолжать старые исследования в этой области. Морская фауна Австралии богата; здесь водится рыба, дышащая и

жабрами и легкими — рогозуб, лишь останки которой можно найти в отложениях Европы. Научное название этого двоякодышащего существа — церотодус. Здесь водятся черный лебедь и много сумчатых животных, кроме красного кенгуру; живут утконос и бескрылый страус.

В Сиднее Маклай вместе с Вильямом Маклеем пишет работу по систематике хрящевых рыб и издает первый ее выпуск. Вильям Маклей предоставил свой музей для занятий русского ученого. Маклай идет в сиднейские больницы и упраскивает докторов отдавать ему черепа и мозг меланезийских матросов, умирающих на больничных койках. Получив шесть черепов жителей Океании, Маклай занялся сравнительной анатомией мозга темнокожих. Фотографии и пятьдесят рисунков Маклая — иллюстрации к этой работе — легли в золотой фонд антропологии.

Затем Маклай принялся изучать мозг ехидны, анатомия его в свежем состоянии, чего не делали прежние исследователи. Ему удалось внести много нового в прежние исследования.

Вскоре Австралийский музей пригласил Маклая для работ в свою лабораторию, и русский ученый перебрался из дома Маклея в Елизавет-Бай — в комнату под кровлей музея. Его вскоре избрали в члены «Линнеевского естественно-исторического общества Нового Южного Уэльса». Маклая в Сиднее почему-то стали звать «бароном Маклаем». И везло же ему на титулы — он был и «человеком с луны», и «русским князем», теперь он стал «бароном»! Вскоре Маклай выступил с предложением основать в Ватсон-Бае биологическую станцию. Она была впоследствии учреждена, причем сам Маклай делал чертежи и руководил постройкой.

Маклай был первым русским ученым, связавшим русскую науку с австралийской. В ученых архивах Сиднея, несомненно, хранятся многие богатейшие материалы о научной работе и жизни Маклая в Австралии.

КАТОРГА КОММУНАРОВ

Биографы Маклая прошли мимо одного случая из его жизни, относящегося к 1879 году, когда Маклай был непосредственным свидетелем одного из страшных злодеяний прошлого века.

...На рассвете 29 марта 1879 года американская трех-

мачтовая шхуна «Сади Ф. Каллер», под командой шкипера Веббера, покинула порт Джаксон в Сиднее, и Маклай увидел картину солнечного восхода в океане. Веббер взял курс на Новую Каледонию: туда он вез товары для города Нумеи. Веббер рассчитывал из Новой Каледонии обойти ряд островов океана — для ловли трепанга.

С палубы шхуны Маклай увидел берега французской колонии Новая Каледония, окаймленные рифами, и узкий полуостров с голыми дикими холмами Дюкос. Правее оконечности Дюкоса в море темнеет остров Ну, окруженный крепкими стенами. Он прикрывает вход в бухту, и с моря еще не видно самой Нумеи. Но вот шкипер Веббер отыскал узкий проход между рифами, и шхуна проскользнула в границы огромной гавани с белым, как мрамор, дном. Теперь Нумея — как на ладони. Издали она ничем не отличается от других островных городов Океании. Спрятавшись в заливе между Дюкосом и островом Ну, город приветливо белеет стенами правительственных зданий; из-за кокосовых пальм чуть виден губернаторский дворец. На главных улицах сады. Но путник здесь увидит страшные вещи, скрытые за всей этой показной нарядностью.

Маклай молча смотрит на могилу парижских коммунаров... Элизе Реклю, пленник версальцев, прошедший восемнадцать тюрем, скованный цепями, задышавшийся в передвижных тюрмах скотских вагонов, лишь благодаря заступничеству географов всего мира избежал ссылки на Дюкос.

Третьего мая 1872 года, — в день, когда «тамо-руо» на берегу Маклая ел вместе с Туем первые плоды, выведенные им в Горенду, — от берегов Франции отошел корабль «Даная» с тремястами пленниками версальцев. Триста коммунаров, избитых и полузамученных, лежали в дубовых клетках возле корабельных батарей, стонали на дне вонючих трюмов, в лишенных света карцерах. Семь кораблей с пленниками следовали за первой пловучей тюрьмой, и на одном из них — «Виргинии» — везли, в числе остальных коммунаров, плененную Луизу Мишель. На пути в Новую Каледонию океанские акулы шли за кораблями, ожидая добычи.

Скрипит корабль, надежды полный,
И ветер треплет паруса... —

писала тогда Луиза Мишель в своей тетради.

Уцелевшие от расстрелов Галифе, избегшие казней у окровавленных столбов на холме Сатори, коммунары были согнаны с кораблей, как скот, на каменистый берег Новой Каледонии. И на мертвой земле Дюкоса, в соломенных хижинах Соснового острова, на каторжном острове Ну вот уже семь лет томятся благороднейшие люди земли... Некоторые из них погибли здесь: сошли с ума, утонули в море, пали под пулями стражи.

В начале 1879 года в Новой Каледонии оставалось еще более тысячи узников. На них пока не распространялась амнистия. Они попрежнему жили на полуострове отчаяния и смерти, спали на нарах каторги Ну, скованные цепями с убийцами, ворами, фальшивомонетчиками.

Коммунаров пытали: им надевали на пальцы пуссэт — острый железный перстень, дробящий кости и отрезающий суставы, били кнутом, расстреливали у высоких красных столбов. Сумасшедший дом на Сосновом острове был переполнен пленниками, самоубийцы бросались в море или вешались на сандаловых деревьях. На каторжан натравливали островное население — канаков. Канаки искали по лесам беглецов, убивали их стрелами или пращами и тех, кого брали живьем, приносили на жердях в Нумею связанными — так на берегу Маклая носят живых свиней. Епископ Нумейский, губернатор, офицеры и солдаты, истребляя туземцев, заодно и развращали их, вербуя из канаков стражников и полицейских. Монахи-миссионеры заставляли канаков обрабатывать плантации, и Маклая казалось, что на глинистой земле острова еще не высохла кровь тысячи канаков, пролитая ими во время восстания 1878 года.

На Сосновом острове в хижинах из соломы, у подножий черных деревьев, живут теперь, вместе с коммунарами, инсургенты. А что творится там — на покрытой могилами глинистой земле Дюкоса, где нет воды, деревьев и трав, где часовые, опершись на ружья, еще стерегут пленников? Там, в соломенной хижине, живет «ссыльная № 1» — неукротимая дочь народа. Год тому назад она подняла канаков Новой Каледонии против их общих врагов — имперских угнетателей. Канакский вождь Дауми, ее друг и учитель туземного языка, шел в бой, опоясанный шарфом Коммуны.

Соломенный навес, яма, вырытая в земле... Жарко нагретый очаг, на котором женщина готовится себе гру-

бую арестантскую пищу и сжигает сухую траву и листья для того, чтобы хоть немного защитить себя от москитов. Под кровлей соломенной хижины лежит бережно хранимая стопка тетрадей и книг. «Ссылная № 1» пишет стихи, изучает язык и предания канаков, собирает коллекции крылатых обитателей Новой Каледонии. Она открыла здесь новый вид белых бабочек. Имя этой женщины — Луиза Мишель. В стенах своей хижины на Дюкосе она работала над планом будущей книги о некоем грозном мстителе. Этот мститель изобрел подводный корабль. Пройдет не так много лет, и Луиза Мишель, вернувшись на родину, из нужды продаст знаменитому Жюль Верну сюжет романа об изобретателе корабля, приспособленного для плавания под водой океанов.

...Губернатор Новой Каледонии был настолько любезен, что сам пригласил Маклая осмотреть главную каторжную тюрьму в Ну.

Власти обвиняют островитян в жестокостях и людоедстве... А какое преступление совершает здесь Франция, давшая миру Вольтера, Ламарка, Бюффона! Здесь плачут даже деревья — по их стволам струится прозрачная благовонная смола. Если бы не грохот морского прибоя, не тропическая духота, можно было бы подумать, что находишься где-то в России, у подножья валдайских холмов, на кромке новгородских болот: на горах здесь растут березы... Но это только так кажется издали. Когда подойдешь к ним, видно, что это не березы, а очень похожие на них деревья белоствольника. Здесь нет певчих птиц, а из животных водятся только летучие собаки, нетопыри и крысы. Скорпион и болотная змея — вот здешние твари, достойные того, чтобы их изображения поместить в гербе Новой Каледонии.

Здесь истребляли все живое. В Нумее, как редкость, в 1879 году показывали единственную уцелевшую на всем острове птицу кагу, похожую на журавля. А когда-то стаями кагу было покрыто все морское побережье.

Комиссар Новой Каледонии, господин Ольри, страшно приветлив и предупредителен. Комиссар может похвастать перед Маклаем островной культурой: например, парижские голодранцы с монмартрских баррикад устроили в Нумее водопровод; каторжники производят здесь мебель из черного дерева, рисуют картины, разводят овощи. Русский путешественник может осмотреть остров, но господин

Ольри советует не ходить в дальние канакские деревни — здешние дикари еще не замиренны окончательно.

И пока шкипер Веббер разгружал свой кораблик в Нумее и Южной бухте, Маклай успел сделать поездки по этой земле слез и горя. Он изучал жизнь канаков — так называли французы здешние племена, очень близкие к меланезийцам. Они жили общинами, ловили рыбу, разводили кукурузу и саго. В одной деревне стояло священное изображение — ствол дерева, увешанный шкурками летучих собак.

Канаки вымирали от чахотки и водки, привезенной французами, понемногу смешивались с каторжниками, отбывшими срок, и привозными рабами плантаций — неграми, индусами, меланезийцами.

Проклятие тяготело над этой землей — полупустыней с островками зелени, с плачущими белыми деревьями... Посещение Новой Каледонии в 1879 году должно было оставить глубокий след в сердце Маклая. В этот свой поход он собирал не только научные сведения: он был свидетелем и наблюдателем всех преступлений торговцев, миссионеров, плантаторов и чиновников в Океании.

Версальцы, устроившие на Новой Каледонии каторгу, не нашли ничего лучшего для названия островов Лояли близ Новой Каледонии, как острова Законности! Самый большой из них — Лифу — был знаменит как военный пост. Для охраны коммунаров, видимо, мало было батарей на горе близ Нумей. На Лифу и других островах архипелага миссионеры учредили школы черных монахов, вербуемых среди меланезийцев. Маклай, таким образом, мог видеть здесь во всей красе еще один из видов порабощения туземцев.

Ново-Гебридские острова и архипелаг Санта-Круц, группа островов Бэнкса и Торреса стали предметом неистощимой любознательности Маклая. Все они образовывали как бы единый район в океане, и шхуна американца Веббера сновала между этими клочками вулканических и коралловых земель. Жители островов пользовались славой отъявленных каннибалов, которые якобы выменивали у других племен свежие трупы умерших, если не было возможности почему-либо добыть свежую двуногую дичь.

Здесь была как бы грань между полинезийскими племенами и людьми собственно Меланезии. Маклай зарисовывал типы островитян, собирал черепа, утварь, записы-

вал слова океанских наречий. Он бродил под сенью араукарий и тропических кедров, в зарослях сандала, вдыхая запах живых белых смол на горячих от солнца стволах благовонных деревьев, слышал воркованье голубя — пожирателя муската. Под пальмовыми сводами новогегбридских хижин, вернее, под пальмовыми щитами, подпертыми жердями, он слышал жалобы «дикарей» на разбой.

Похищение темнокожих было здесь обычным делом. Их заманивали на корабли безделками, табаком, а потом загоняли в трюм и везли на Новую Каледонию, в Квинсленд или на остров Фиджи.

Гнездо этого разбоя было на острове Вате — столице Новых Гебрид, где плантаторы разводили кофе и торговали — под прикрытием закона о «контрактах» с туземцами — «черным деревом», как здесь издавна называли рабов.

Шкипер Веббер опасался туземцев островов Санта-Круц и долго оставаться возле каннибальских берегов не хотел. Недавно здесь был убит похититель темнокожих детей, седовласый начальник Меланезийской миссии, епископ Джон-Кольридж Паттесон. Его сразила отравленная стрела островитянина, у которого епископ хотел отобрать детей для своего рассадника христианства на океане. На одном из островов Санта-Круц услышал пенье отравленной стрелы и британский коммодор Гудденоф, умерший через неделю после ранения. Именно здесь, у острова Ваникоро, на юге архипелага, погиб когда-то Лаперуз, и через сорок лет Дюмон Дюрвилья нашел вещи великого морехода в хижинах людоедов Санта-Круц.

Маклай знал, что Санта-Круц не были исследованы этнологами и все сведения о племенах архипелага ограничивались записками морехода Алонсо де Менданы и других испанских открывателей XVI—XVII веков.

Затем Маклай посетил острова Бэнкса и Торреса — к северу от Новых Гебрид. На острове Тания он видел редкое зрелище — порт Резолюцион, засыпанный землетрясением, бывшим всего год тому назад. На острове Вануа-Лава весь берег моря был покрыт теплыми источниками, сверкающими в зареве действующих вулканов.

Так и вилась невидимая нить странствий Маклая — от острова к острову, от базальтовых скал до коралловых рифов. Скоро на горизонте открылись — в солнечных лучах и легком золотисто-синем тумане — острова Адмиралтейства, где когда-то Маклай видел пирог с вымпелами из человеческих волос.

На островах Адмиралтейства наш путешественник хотел во что бы то ни стало отыскать матроса малайца Ахмата, сбежавшего от линьков шкипера «Морской птицы», и двух торговых приказчиков — О'Хара и Пальди. Они были оставлены на островах с товаром для торговли три года тому назад.

Островитяне приветствовали «тамо-руса» возгласами: «Макрай! Уян кавас!» («Хороший друг Маклай!»)

Хранителем, спутником и посредником Маклая в этот раз оказался маленький, уже пожилой человек Кохем. Вскоре нашлись и другие друзья: подростки Качу и две девочки — Аса и Пинрас. Качу с восторгом кинулся к подвесной койке Маклая и привязал ее к ветвям громадного фикуса. «Тамо-рус», стоя у фикуса, слышал крики островитян, сбежавшихся к береговому рифу для торговли со шкипером Веббером.

Качу привел к Маклаю молодую меланезийскую женщину. Она была обижена и взволнована тем, что на ее долю не досталось бисера. Ее подруги были заняты нанизыванием голубых шариков на длинные нити, а несчастная женщина с завистью глядела на товарок.

Маклай вытащил из кармана горсть стеклянных бусин, и улыбка счастья осветила лицо темнокожей красавицы. «Тамо-рус» усадил ее около койки и стал рисовать портрет счастливой обладательницы бус.

Все тело новой знакомой было покрыто татуировкой. На спине и плечах красовались узоры — зигзаги, между лопаток виднелись два созвездия, составленные из треугольников; каждое из них объединяло по четыре треугольника, расположенных в виде креста. Далее, ниже спины и на ногах, красовались опять зигзаги, треугольники и углы.

Вдруг женщина встрепенулась и кинулась встречать мужа. Он привез ей подарки, возвращаясь из гостей. Маклай решил посмотреть поближе на меланезийскую идиллию. Красавица сидела возле своей хижины и держала в руках гостинец — бедреную человеческую кость. Поднося кость ко рту, женщина с видимым удовольствием жевала куски мяса, отрывая их зубами. Сестра красавицы и ее племянница стояли и глядели в рот счастливце.

Маклай впервые собственными глазами наблюдал людоедство. Теперь уже не было никаких сомнений в том,

что этот страшный обычай действительно существует на острове.

И все же великий гуманист нашел в людоедах много человеческого. Когда, например, его мучили приступы головной боли и он охватывал пальцами лоб, меланезийские женщины спешили помочь ему. Они поставили девочку Пинрас делать массаж, и девочка ловко терла виски «таморуса» пальцами, вымазанными в охре и кокосовом масле, сжимала русоволосую голову Маклая между ладонями, пока боль не стихала. Пинрас все время сидела около койки гостя, стараясь во всем помочь ему.

Маклай ходил по деревням людоедов. К ним вели узкие дорожки среди зарослей пальм, хлебного дерева, благоухающих розовых кустов. В деревне Пургасси на Большом острове в хижине, среди всякого домашнего хлама, он нашел несколько прокопченных человеческих черепов.

Он спал под открытым небом на островке Андра, купался по утрам в море, стрелял голубей. Маклай разыскал то место, где когда-то жил здесь несколько дней, и вспомнил об ирландце О'Хара. Но место, где поселился ирландец, было сравнено с землей. О'Хара исчез... Где он? Не съели ли его?

Бедный искатель приключений О'Хара — флорентийский студент, учитель в Индии, чиновник в колонии каторжников, сотрудник английской газеты колонии Пролитов! Вряд ли теперь ему еще придется когда-либо править свежие гранки...

Но и среди людоедов есть сердобольные люди. Вскоре Маклай разыскал на островке Андра престарелого людоеда Мана-Салайя, спасителя О'Хара.

Горестные приключения ирландца, как оказалось, начались вскоре после ухода «Морской птицы». О'Хара сначала храбрился, ходил по берегу как ни в чем не бывало. Но скоро он загрустил. Сравнивая свою недавнюю еще службу в колонии каторжников с теперешним одиночеством, он стал еще прикладываться к красному вину и брэнди. В пьяном бреду ему рисовались картины прошлой жизни. Он махнул рукой на торговлю, туземцы перестали его уважать и толкались целыми днями в хижине ирландца.

О'Хара погубила привычка к морским купаньям в нетрезвом виде. Как-то утром, опохмелившись стаканом брэнди, хмурый ирландец залез в воду и только что на-

чал в пене прибоя приходит в себя, как вспомнил, что хижина не заперта! Он не успел даже обсохнуть после купанья, как увидел картину полнейшего разорения. Островитяне деловито выносили товары из его хижины. Они разграбили все, вплоть до ожерелья с островов Палао и других редкостей, собранных ирландцем для Маклая.

Бедняга О'Хара разразился гневной речью... Но куда там! Островитяне попросту показали ему копья, и О'Хара примирился со своей участью.

Ирландец перевязал чресла лохмотьями старого рисового мешка, нахлобучил продранную соломенную шляпу и пошел куда глаза глядят. Тут-то и нашелся добрый одинокий людоед Мана-Салайяу. Старик взял к себе несчастного ирландца, отвел ему место в хижине, а потом даже отвез его на зашедший к рифу американский корабль.

Маклай щедро одарил спасителя О'Хара, и старик Мана-Салайяу так растрогался, что прослезился.

Судьба второго белого, оставленного вместе с О'Хара, Пальди, была еще печальнее. Его не дождалась невеста, о которой Пальди, расчувствовавшись, как-то рассказывал Маклаю на борту «Морской птицы». Два с половиной года тому назад на хижину Пальди напали папуасы, отрезали ему голову и устроили совещание, в каком виде съесть тело Пальди. Но так как никто из отвращения не желал даже попробовать мяса белого, то труп приказчика изрезали на кусочки и выкинули в океан — на корм акулам. Не спас Пальди даже высокий забор, которым он окружил свою хижину.

Иначе сложилась судьба малайца Ахмата. Он томился в плену на холме Суоу, на Большом острове. «Таморус», без особых осложнений, выкупил малайца у людоедов за шесть сажен дешевой ткани, три огромных ножа, спички, добрую шапку бисера и большой топор. Жители Суоу довольно тепло простились с малайцем. Ахмат рассказал Маклаю некоторые сведения, которые он накопил здесь за три года своего рабства.

Ахмат выучил наречие Суоу, а его рассказы о людоедстве могли быть темой для целого трактата. Жертву свежую, режут на мелкие куски и варят в горшках. Особенно ценятся сердце, мозг и печень. Черепа жертв выставляются напоказ. Пленников часто подолгу держат в селениях и лишь потом подвергают убою. Если бы кожа Ахмета была чуть потемнее, то съели бы и его. Людоеды

питают отвращение к мясу белого или светлокожего человека. Малаец с ужасом рассказывал Маклаю об охоте на женщин и детей из горных деревень, которых похищают жители берегов, чтобы с'есть всей общиной.

Маклай бесстрашно продолжал посещать островные деревни. Пожиратели людей оказывали ему большую услугу. В деревне Суоу хранились пять человеческих черепов, прокопченных в дыму очагов. Жители сначала стеснялись Маклая, но застенчивость их прошла, как только он показал им куски железа. Выгодная для обеих сторон торговля состоялась, и Маклай получил целое сокровище. А ценность этих черепов увеличивалась тем, что людоеды дали совершенно точные справки. Они любезно об'яснили, что череп № 1 был добыт в селе Ругуль, № 2 — в хижинах Рембат, череп № 3 — трофеем из Терлау, а два последних №№ — из села Терлут. Все пять человек, привезенные с другого берега Большого острова уже умерщвленными, были с'едены именно в этой хижине.

За время пребывания Маклая на берегу людоедов осиротел мальчик Качу. Произошло это так. На островок Андра напали воины враждебного племени. Они убили отца Качу, по имени Греги, и уволокли его труп, вместе с другими шестью телами, чтобы с'есть их в «камале» — общественной хижине своего села.

Маклай рассматривал свои богатства, добытые за это время. Пять прекрасных черепов, копья, деревянные блюда, горшки для варки пищи, базальтовый топор, каменные бритвы, диковинные лесные плоды «апис», сок которых делает непромокаемой материю, корзины и охотничьи сети. В Сингапуре у Маклая хранились грузы ранее собранных им коллекций, — они весили пять тонн. Теперь к старым коллекциям можно было прибавить новые.

Два месяца скитался Маклай по поселкам пожирателей человеческого мяса, но никто из самых свирепых каннибалов не тронул Маклая.

С островов Адмиралтейства Маклай попал к островам Луб, где островитяне рассказали ему, что их предки переселились сюда с архипелага Адмиралтейства, и даже показали остатки пирогги первых переселенцев. Теперь с Луб на Ниниго — островки «Шашечницы» — ездят ловить и похищать рабов.

Маклай посещает острова Ниниго («Шашечница»), Тробрианд, — совсем близкие к берегам Новой Гвинеи,

нередко посещаемые торговцами. Маклай в эту поездку побывал и на Соломоновых островах.

Но вот начинается Островная Папуасия у юго-восточного острого края Новой Гвинеи. Здесь, на островах Лузиады, живут люди-волшебники. О них рассказывают небылицы: злые чародеи могут одним взглядом остановить сердце человека.

Плохой славой пользуются и жители ближнего архипелага Анкастро. Эти места были уже посещены командиром «Василиска» Моресби. Красивый светлый пролив, отделяющий эти острова от Новой Гвинеи, Моресби назвал Китайским. Водами этого пролива проходят корабли из Квинсленда и Сиднея в Китай. Корабельщики везут в Гонконг грузы трепанга, а из Китая в Австралию — оборванных кули.

На острове Варе в Китайском проливе Маклай сошел со шхуны. Шкипер Веббер тряс руку Маклаю, звал его в гости к себе в Сан-Франциско и в сотый раз благодарил русского. Веббер считал себя обязанным Маклаю за совет идти к острову Андра — брать трепанга и перламутр. Теперь шкипер разбогатеет от большой удачи — трюмы шхуны полны корзин с копченым трепангом.

Веббер обещал доставить в Сидней весь научный багаж Маклая. А «тамо-рус» остался здесь, на китайском перепутьи.

Островок Варе вскоре посетило миссионерское судно «Элленгоуэн». Английские священники делали обезд берега Новой Гвинси. Маклай двадцать два дня путешествовал вместе с миссионерами, посещал южные деревни папуасов и достиг порта Моресби. Гавань, открытая командиром «Василиска», была населена знаменитыми папуасскими гончарами. Они выменивали посуду на саго у жителей даже самых отдаленных сел Новой Гвинеи.

Здесь Маклай услышал рассказы о «желтых людях» побережья и загорелся желанием разыскать их. Он увидел их в хижинах деревень Дула, Кало и Карепуна. Это были люди с более светлой, чем у папуасов, кожей, прямыми волосами; очевидно, в их жилах была примесь полинезийской крови. Маклай решил, что когда-нибудь к берегам Новой Гвинеи бурями или волнами были занесены челны с жителями Полинезии, и они поселились здесь среди папуасов.

Странствия 1879—1880 годов заняли четыреста девять дней.

За это время он установил, что жители Новых Гебрид, островов Лузиады, Соломонова архипелага в большинстве имеют брахицефальную форму черепа. Это опровергало все мнения прежних антропологов. Маклай проследил переходы от полинезийского к папуасскому типу на бесчисленных островах Меланезии, раскрыл загадку «желтого племени» Новой Гвинеи. Маклай сделал драгоценные наблюдения над жизнью людей Меланезии, вникая во все мелочи быта темнокожих.

Так и прошел он по цепочке островов от Новой Каледонии до усеянного подводными камнями Торрессова пролива, всюду неустанно открывая то, чего никто не видел до него.

На острове Четверга Маклай уже не мог двигаться, — настолько измучили его приступы страшной лихорадки. Он лежал в доме британского чиновника Честера в бреду и липком поту. Маклая терзали нервные боли, ныли пальцы, и казалось, что между ребер кто-то протаскивает длинные пиловидные ножи.

Чиновник Честер совещался с женой: уж не приготовить ли для этого русского могилу в горячей земле острова Четверга? Но Маклай выжил. Худой, обросший темной курчавой бородой, он, улыбаясь, говорил о новой поездке на север Австралии.

ГОСПОДИН ОТТО ФИНШ

Как только представилась возможность, Маклай проник на северную оконечность материка, где мыс Йорк устремляется своим острым носом в Торрессов пролив.

На севере Австралии «тамо-рус» изучал остатки племени австралийцев возле Соммерсета и, начиная от мыса Йорк до южного берега Австралии, всюду измерял и зарисовывал туземцев. Его ужасал вид жалких и забитых людей когда-то гордого племени. Теперь они, как негритосы Люсона, скитались вокруг больших городов, ели гусениц и вымирали наравне с кенгуру. Бумеранги их были в бездействии — в городах не на кого было охотиться. Туземцы восточного берега, который был наиболее изучен Маклаем, считались когда-то самыми сильными и красивыми. Теперь они были обречены на гибель. Маклай ре-

шал вопросы происхождения австралийцев и пришел к выводу, что Томас Гексли, пожалуй, прав, выделяя их в особую группу австролоидов.

Обойдя весь материк по восточному побережью от мыса Йорк до юга Виктории, Маклай углублялся внутрь Австралии.

Он несколько месяцев провел в Квинсленде, в его столице — Брисбэйне. Здесь Маклая встретили очень тепло, и австралийские англичане наперебой старались оказать «барону из России» как можно больше знаков внимания. Ему отвели для научных занятий, как и в Сиднее, местный музей, предоставили для фотографирования научных экспонатов лучшую фотолабораторию межевой службы. Любезность квинслендских властей дошла до того, что они, зная о работах Маклая над анатомией мозга меланезийцев, приказали палачу города Брисбэйна обеспечить работы Маклая мозгом меланезийца, малайца, австралийца и монгола. Маклай подошел к этому делу как ученый. Ему доставляли головы повешенных, он вскрывал черепа и наполнял мозг раствором спирта и хромистого кали. Через два-три дня мозг в черепе отвердевал, тогда Маклай вынимал из костяной коробки готовый препарат и фотографировал его в натуральную величину.

«Хотя изучение собранного таким образом в Брисбэйне и Сиднее материала я далеко не считаю законченным, тем не менее могу указать на некоторые результаты по сравнительной анатомии мозга различных рас. Так, мною замечены существенные особенности в развитии corpus callosum, pons, Varolii и малого мозга, в относительном объеме нервов, группировки извилин большого мозга и т. п.», — писал Маклай о своей работе в Квинсленде.

Обитатели Брисбэйна приглашали Маклая пожить у них. Несколько таких приглашений он принял.

Еще в Европе он слышал, что в Австралии живет племя каких-то безволосых людей. И вот в Брисбэйне об этих людях не только говорят, но и указывают приблизительно район, где они обитают. Маклай пошел искать «безволосое племя» и нашел около городишки Сен-Джордж, на берегах реки Баллоны, нескольких безволосых людей. У людей реки Баллоны волосы на всем теле совершенно отсутствовали. Безволосые люди охотно рассказали путешественнику свою родословную. Их отцы и де-

ды тоже не имели волос. Но все дело заключалось в том, что это было не племя, а одна семья, и Маклай убедился, что аномалия эта является результатом частной, а не племенной наследственной безволосости. Верный своей привычке точных сравнений, он вспомнил, что бывают случаи обратных аномалий: чрезмерно волосатые люди встречались, например, в Бирме, но никаких волосатых племен там нет. Маклай написал обо всем этом знаменитому Рудольфу Вирхову.

В то время Вирхов был дарвинистом. Он страстно отстаивал равенство человеческих рас. Уже девять лет подряд Вирхов руководил Антропологическим обществом в Берлине. И он не мало делал для того, чтобы разрушить сказку о близости «дикарей» к животным. Чего стоила одна легенда о «девочке-обезьяне» Крао! Полигенисты видели в ней знаменитое «missing link» — живое «недостающее звено» между человеком и обезьяной. Уверяли, что у восьмилетней Крао есть защечные мешки, как у обезьяны. Газеты писали, что Крао принадлежит к «племени волосатых людей», найденных где-то в лесу. В Европу девочка была привезена будто бы норвежцем Карлом Бокем, задавшимся целью отыскать «волосатую расу». Когда девочку привезли в Берлин, ее исследовал Вирхов вместе с антропологом Бартельсом, специалистом по изучению встречающихся на земном шаре хвостатых и волосатых людей. Оба ученых пришли к убеждению, что здесь всего-навсего «неясно выраженный случай общей и чрезмерной волосатости». Крао ничем не напоминала обезьяну. Все члены ее тела были нормально развиты. Никаких защечных мешков у Крао не оказалось, просто она любила держать за щекой монеты и другие мелкие подарки! Обман открылся скоро. Герцог Иоганн-Альберт Мекленбургский заявил Вирхову, что «обезьяно-человек» Крао — не дикарка, а дочь чиновника короля сиамского. Родители ее жили в Бангкоке, были вполне нормально развиты физически. Крао купил предприимчивый Карл Бок для того, чтобы показывать ее за деньги в Европе.

«Человека-обезьяну» хотели также видеть и в Маргарите Беккер — попросту больном человеке, страдавшей микроцефалией. Вирхов доказал, что никакой аналогии между микроцефалом и обезьяной провести нельзя.

Вирхов работал в Берлине, окружив себя человечески-

ми черепами, привезенными к нему из Новой Британии, с Филиппин и Сандвичевых островов. Он, так же как и Маклай, пытался открыть загадку происхождения народов Тихого океана. Но мы знаем, что Маклай разрушил привычную схему определения принадлежности к той или иной расе лишь по форме черепа. Вирхов и другие ученые считали, что папуасы, как правило, длинноголовые (долихоцефалы); Маклай, измеряя черепа папуасов, доказал, что среди них встречается много короткоголовых (брахицефалов). Рудольф Вирхов открыл, что череп одного чистокровного папуаса имел необыкновенную емкость. Это шло вразрез с утверждениями сторонников расовых «теорий», отрицавших у дикарей даже способность к мышлению. Вирхов любил работать с живым человеческим материалом. В описываемое время и несколько позднее знаменитый медик и антрополог терпеливо исследовал «дикарей», которых часто привозили в Европу то миссионеры, то капитаны кораблей, то просто предприниматели, подобные Боку. Русские «самоеды» и индейцы-оджибеи из американских прерий, рослые патагонцы, зулусы из Африки и австралийцы, лопари и целый «караван» нурийцев, бушмены, огнеземельцы и меланезийцы были предметом пристального наблюдения Вирхова.

Маклай находился в переписке с Вирховым и не раз сообщал ему результаты своих научных работ в Океании. То, что удалось Вирхову, радовало и Маклая. А Вирхов доказывал ученому миру, что захудалость австралийцев или лопарей зависит прежде всего от страшных условий жизни и в частности — от плохого питания. «Дикари», получая в Европе вкусную и обильную пищу, прибавляли в весе, их мышцы приобретали упругость. К этим забитым и обреченным людям возвращалось здоровье. Ни о каком «вырождении», вызванном «порочностью расы», не могло быть и речи. Цвет кожи? Вирхов думал, что окраска кожи зависит прежде всего от природных условий. Он в течение нескольких лет изучал привезенную в Берлин папуасскую девушку Кандаце. Она жила в услужении в одном немецком семействе. Что же оказалось? С годами темношоколадная кожа папуаски стала светлеть. В этом сказалась разница между палящим солнцем Новой Гвинеи и северным климатом. Моральными качествами папуаски Вирхов остался доволен. Кандаце служила нянькой, родители детей во всем до-

веряли молодой папуаске. А кто мог бы отважиться поручить воспитание малышей «человеку-обезьяне»?

Папуасы не принадлежат к самой «низшей расе», — такой был вывод Вирхова.

После исследования безволосых людей Маклай воспользовался гостеприимством некоего Дональда Гуна. В его имении Пейкдель, около города Стантона, он анатомировал мозг сумчатых животных, которыми так богата фауна Австралии. Через некоторое время Маклай близ города Глен-Инес с лопатой в руке стоял над найденными им остатками ископаемых животных. Это были кости дипротодонт австралис — существа, похожего на кенгуру, но величиной со слона. Маклай тут впервые выступил в роли палеонтолога — ему хотелось проникнуть в тайны эволюции животных Австралии.

Около Брисбэйна Маклай провел немало вечеров в беседах со знаменитым исследователем Австралии Грегори, который рассказывал русскому гостю о том, с каким трудом люди науки проникали до него в эвкалиптовые дебри, безводные пустыни, дикие горы, как погибали десятки ученых во имя открытия тайн страны кенгуру.

В Океанию, по следам Маклая, пришел Отто Финш, германский орнитолог. О господине Отто Финше стоит поговорить. Большого полета птица этот Отто Финш! Официально в прусской науке он числился орнитологом, специалистом по попугаям. Но вот в 1858 году Отто Финш зачем-то появляется на Балканах, хотя никаких попугаев там нет и не было. По балканским странам Финш шатался года два. Как раз в то время Дунай был объявлен международной рекой, была учреждена Европейская Дунайская комиссия, и алчная Пруссия начинала свои разведки на Балканах. Потом мы видим Финша в Лейдене, где он пристроился на работу в музей при древнем университете. Вскоре Финш перекочевывает из Лейдена в Бремен, поближе к морским торговым домам. Там он узнает, что на островах Самоа заложены первые немецкие плантации. Это были дни, когда бременские, гамбургские, штеттинские купцы и пароходчики носились с идеей возрождения мощи Ганзы: «Черный орел германского флага раскинет крылья над морями и океанами всего мира!»

Граф Карл Вальбург-Цейль и Теодор Гейглин изучают

полярные льды у Шпицбергена. Людвиг Агассис, ожесточенный враг дарвинизма, плывет для исследования на юг Атлантики и Тихого океана. С трибуны рейхстага раздается голос Генриха фон Круссера. Это один из первых колониальных деятелей Германии. Он был основателем имперской партии. Кто-то уже успел повергнуть к подножию рейхстага петицию о необходимости захвата островов Фиджи, но время для открытого колониального разбоя в те дни еще не наступило, и петиция осталась лежать без движения. Кто-то напоминал, что и у Германии были некогда свои заморские конквистадоры, не менее свирепые, чем испанцы и португальцы. Николай Федерман в 1535 году завоевал Венецуэлу и передал ее во власть Аугсбургской компании и банкирского дома Вельзер. Когда Федермана спросили, как относятся туземцы Америки к принятию христианства, он с грубым смехом ответил, что ему нет никакого расчета тратить зря время на проповеди перед дикарями. Немецкий конквистадор предпочитал говорить с индейцами на языке огня и железа... Теперь федермановские дела вновь ожили в мечтах гамбургских купцов. В недрах торгового дома «Иоганн-Цезарь Годафруа и сын» рождается план захвата цветущих земель в южных морях. В 1871 году барон Макс Гольц, знаток Тихого океана, Бразилии, Вест-Индии, назначается управляющим новым германским адмиралтейством. Огни гамбургского маяка провожают его корабль; барон свое первое плаванье под флагом имперского флота проводит почему-то в южно-американских водах. Корабли с переселенцами из Гамбурга бросают якоря у берегов Бразилии. На юге этой страны растет немецкая область Рио Грандо до Суль. Около сорока шести тысяч немцев числилось уже в 1872 году в Бразилии. Гамбургские торгово-мореходные дома не ограничиваются мечтами, и в 1872 году фирмы Годафруа и Вермана основывают немецкие плантации, первая на Новой Британии, а вторая в Камеруне.

Учитывая веяния времени, Отто Финш посвящает свои научные исследования колониальным странам. Он гнет спину за столами книгохранилищ, и вскоре появляются—быстро один за другим—его труды о попугаях, о фауне Полинезии и книга «Новая Гвинея». Слух об Отто Финше доходит до Гамбурга, где торговый дом Годафруа занят столь далеким от коммерции делом, как этнографические исследования в Океании. Фирма эта издает книги и даже

имеет свой музей. В 1872 году Годафруа основал поселения в самом сердце Меланезии.

Рука Германии уже тянулась к коралловым странам. Генрих фон Круссеров в Министерстве иностранных дел хлопотливо собирал все, что можно было собрать из материалов о Новой Гвинее, Того, Камеруне, Новой Британии. В Тихий океан из германских портов ушел корабль «Газель». На борту его были будущий правитель немецкой Новой Гвинее барон Георг Шлейнитц и директор гамбургской морской обсерватории Неймайер. Финш с завистью смотрел вслед отходящему кораблю...

Отто Финш набирался сил и знаний. Он читал книги о колониальных народах, об естественном отборе у человека, о длинных и коротких черепах. Он знал труды Мейнеке, основателя Общества кофейных плантаций; тот открыто требовал колоний для Германии. Финш бродил по липовым аллеям Штеллингена в Гамбурге, где помещался зоологический сад Карла Гагенбека. Здесь он увидел в 1875 году первых пленников Гагенбека — людей из далеких стран, привезенных сюда вместе со львами, тиграми и гиэнами.

В то время, когда Маклай во второй раз поселился на Новой Гвинее, Германия сумела заключить «договор» в Новой Британии. Немцы тихой сапой пролезли в бухты Миоко и Мекадо и повели с местными туземными властями хитрую политику, построенную на лести, подкупе и прямом спаивании. Влиятельный вельможа Типулу был переименован ими в «короля Дика», Неракуа дали царственный титул «короля Вилли». Поскольку они оба получили неограниченную власть, с ними можно было разговаривать уже насчет скупки земель. Очумев от гамбургского киршвассера, «короли» в заведомо нетрезвом виде отдали всю бухту Мекадо немцам за 261 доллар. Бухта Миоко пошла всего за 70 долларов. Ученый торговый дом Годафруа немедленно устроил плантации на купленном берегу.

В это самое время Финш и познакомился впервые, пока еще заочно, с Маклаем, прочтя в антропологическом журнале французского ученого Брока статьи Маклая о жизни папуасов.

...Финш три года скитается по Океании. Он был на палубе военного корабля «Ариадна», когда немцы захватывали на Самоа бухты Салуафата и Фаталила. Он был

всюду, где в будущем кайзеровская Германия раскинет свои плантации, возведет поселения, выстроит тюрьмы. Это время близилось. Немцы ждали только знака из Берлина. Уже обещаны десять миллионов марок субсидии Германской Ассоциации торговли и плантаций южных морей. Личный банкир Бисмарка и друг Ротшильда известный финансист Герсон Блейхрейдер соглашается помогать деньгами собственного банка новым дерзаниям на Тихом океане. Денег у Германии хватит. А людей хватит для колоний и в Африке, и в Океании, и в Бразилии, и в Аргентине. Он, Финш, горд миссией, которая выпала на его долю. Посетив во время своего путешествия по Океании Австралию, Отто Финш навещает Маклая в Сиднее и объявляет себя его другом. Финш стремится познакомиться с трудами Маклая, его богатым опытом изучения людей Океании. Он предлагает Маклаю всяческую помощь в его работах. У германского орнитолога — прекрасные средства для научных работ. Финша поддерживают немецкие торговые дома и сам Бисмарк.

А Маклай попрежнему испытывает нужду. Сингапурские и яванские банкиры уже не раз напоминали ему о долгах. Русское Географическое общество попрежнему ничем не поддерживает своего великого соотечественника. Правда, русские магнаты начинают раскошеливаться: Нарышкин и Демидов-Сан Донато дали денег Маклаю на научные работы. Он отклоняет предложение Финша.

Но больше всего радуется Маклая открытие морской зоологической станции в Ватсон-Бае. Он считается почетным директором этого замечательного научного учреждения.

Премьер-министр Нового Южного Уэльса сэр Генри Паркер приглашает Маклая поселиться в небольшом коттедже на участке бывшей Сиднейской выставки. Здесь Маклай пишет свои работы о мозге австралийцев, о сумчатых животных, о туземцах Торресова пролива.

Сюда к нему и заглядывает Отто Финш. Маклай замечает, что все эти господа — и Финш, и другие «друзья» — стараются выжать из него все его богатые знания об Океании для целей, не имеющих ничего общего с наукой и человечностью. Они хотят установить свои порядки на берегу Маклая. Недаром в Сиднее появился некий Ромилли. Разыскав Маклая, он просит его дать сведения о береге Маклая и разрешение называть себя папуасам братом «тамо-руса»! Бравый капитан «Василиска» Моресби,

который занимался розысками Маклая, немало, выходит, содействовал тому, чтобы на открытые им берега Новой Гвинеи устремились торговцы и искатели золота. Что теперь делать Маклаю? Молчать он не может. И он пишет сэру Артуру Гордону, верховному комиссару Британии на западе Тихого океана.

«Считая истребление темных рас на островах Тихого океана не только несправедливою жестокостью, но и непростительным промахом в политико-экономическом отношении, я счел своим долгом изложить некоторые соображения...» — так начиналось это письмо.

Маклай писал об историческом праве туземцев на землю, которую они обрабатывают, о неизбежном зле от водки, ружей, которые будут ввезены европейцами в новые колонии, о болезнях, которыми наградят белые папуасов. Маклай смело и гневно приводил примеры развращения и угнетения туземцев. А примеры эти бесчисленны. В Микронезии междоусобные войны вспыхивают сразу после того, как какой-нибудь шкипер продаст ружья туземцам и расхвалит свой товар. В Северной Австралии поселенцы устраивают настоящие охоты на австралийцев, убивая их сотнями. Капитаны кораблей делают карательные набеги на острова Океании. И всюду пришлые хищники приносят с собой смерть, голод, разорение.

«Не могу, однакоже, удержаться от пессимистического замечания, что справедливость моих доводов, пожалуй, окажется важной причиной к тому, что мое письмо останется без желаемых последствий...» — заканчивал Маклай свое послание к сэру Гордону.

Тяжело жить на чужбине, сознавать, что все протесты против насилий над племенами островитян остаются глазом воющего в океане. Но Маклай не сдается так просто и скоро. Он и впредь будет подавать голос в защиту темнокожих людей. Маклай составляет новую записку и озаглавливает ее так: «Похищение людей и рабство в пределах Западного Тихого океана».

Пусть ворчат ученые педанты о том, что Маклай снова вторгается в чуждую для него область, а Отто Финш упрекает Маклая в научном непостоянстве, метаниях от одной темы к другой, недостатке терпения при окончательной обработке материалов.

Снова Сидней и снова неустанная работа, бессонница, хлопоты в бухте Ватсон-Бай, где открыта морская биологическая станция.

Опять новый удар судьбы: умер шкипер Веббер, который должен был привезти в Сидней научные грузы последней экспедиции Маклая. Шкипер умер в море. Тело его зашили в парусиновый мешок и опустили за борт. Шхуна пошла прямо в Сан-Франциско. Пропали труды целого года. Фирма «Дюммлер и К°» шлет Маклаю с Явы письма об уплате долга. Денег нет, не на что жить и издавать описание путешествий, не на что перевезти коллекции из Сингапура.

Маклай ходит, сжимая виски, по комнате своего коттеджа. Августовская ночь смотрит в окно. Океанский город шумит, сверкая огнями. Шелестят плодовые сады Параматты, в аллеях слышится веселый смех.

Но никто не знает того, что сегодня в солнечном Сиднее замышлено убийство двух тысяч людей. Начальник военного флота Австралии коммодор Вильсон отдал приказ приготовить к выходу корвет «Вульверин». Вильсон под флагом королевы поведет корвет к берегу Новой Гвинее. Там, в деревне Кало, папуасы убили миссионеров. Коммодор Вильсон хочет строго наказать чернокожих негодяев. Он предложит выдать убийц, а в случае, если не найдет виновных, сожжет всю деревню. Маклай был в Кало в 1879 году, он знает поселян как мирных людей. Очевидно, хороши были миссионеры, если люди Кало пошли на убийство не только священников, но и их семей... И Маклай собирается в путь. Он едет вместе с Вильсоном на корабле «Вульверин», на котором всё — пушки, матросы — приготовлено к уничтожению людей.

В каюте Вильсона «тамо-рус» горячо убеждает диктатора океана не трогать всех жителей деревни. Вильсон дал слово солдата быть справедливым. По приезде оказалось, что жители Кало были ни при чем: убийство миссионеров было делом рук одного лишь начальника деревни Квайпо. Вильсон сдержал слово: казнен был один Квайпо, и деревня Кало осветилась только одним высоким костром — пылающей хижинкой убийцы.

За время этой, пятой по счету, поездки Маклая в Новую Гвинию он посетил несколько южных деревень и вы-

вез оттуда новые материалы. А самое главное — он спас жизнь двум тысячам темнокожих людей. После этой поездки Маклай записал в своей тетради такие строки:

«...за миссионерами непосредственно следуют торговцы и другие эксплуататоры всякого рода, несущие с собой болезни, пьянство, огнестрельное оружие и т. д. Эти благодеяния цивилизации едва ли уравниваются уменьем читать, писать и петь псалмы...»

Наступал 1882 год. Неожиданно для Маклая в Австралию пришла русская эскадра. В Мельбурне развеались флаги кораблей «Вестник», «Пластун» и «Африка». Это был отряд контр-адмирала Асланбегова, завершавший двухлетний поход в океанах.

Одиннадцать лет не слышал русской речи Маклай. Корабли родины стоят в Гобсон-Бае, напротив Мельбурна, русские матросы ходят по набережным столицы Виктории, в садах у реки Ярра-Ярра. На клипере «Вестник» Маклай был принят как дорогой гость. Чем-то его встретит Россия? На «Вестнике» Маклай прибыл в Сингапур. Отсюда когда-то начинались пути его странствий по Малакке, здесь он лежал в лихорадке.

Переходя с одного корабля на другой — то на крейсер «Азия», то на броненосное судно «Петр Великий», Маклай плыл к берегам России. В сентябре он увидел первый русский маяк и скоро сошел на землю Кронштадта.

Через месяц он выступил перед членами Русского Географического общества с докладом о своих странствиях. В переполненном зале сидели бывалые люди, которых нельзя было в сущности ничем удивить. Во имя русской науки многие из них исходили пустыни, шли под пулями кокандцев по джунглям Сыр-Дарьи, поднимались на заоблачные вершины, плыли в полярных льдах. Среда этих людей дала России Северцева, героя пустынь и азиатских вершин, Федченко, открывшего высочайшие вершины страны и погибшего в сверкающих обвалах вечного снега, Певцова, прошедшего по раскаленному щиту пустыни Гоби, Потанина, прославившегося походами в Центральную Азию, Пржевальского, совершавшего походы в Монголию и страну Тангутов. Председательствовавший на этом собрании Географического общества П. П. Семенов был первым, кто проник в Небесные горы... Историческое заседание это происходило 1 октября 1882 года.

Семенов-Тяньшанский с ласковым одобрением смотрел на Маклая, который, как всегда; чувствовал себя неловко в большом обществе. Маклай начал тихим и неровным голосом рассказывать историю своих великих странствий. Просто и скромно, без всякой рисовки, он объяснял, почему так трудно было ему писать научные работы за все эти двенадцать лет.

Маклай приводил примеры. На Малакке он проходил пешком 176 дней, во время плавания по Меланезии он из 409 дней странствий 172 провел в море, а 237 дней — на берегах, среди людоедов. Все могут убедиться в том, что условия для научной, кабинетной работы были мало благоприятными.

А болезни... Госпиталь в Амбоине, семь месяцев, проведенных в постели в Сингапуре, лихорадка на острове Четверга, новогвинейская малярия... В 1878 году болезнь так вымотала Маклая, что он потерял в весе 54 фунта и весил всего 93 фунта...

Маклай рассказывал мужам науки о всех своих двенадцатилетних походах, о днях, проведенных в хижине на берегу Маклая, о папуасах, о людях Океании, сделавшихся жертвами рабства.

Все собрание с невольным уважением смотрело на героя русской науки, ученого без диплома, добровольца великой идеи. Семенов-Тяньшанский тут же заявил, что Географическое общество будет добиваться издания трудов Маклая. Но общество и на этот раз не дало никаких средств, хотя Маклай и просил о том, чтобы ему достали деньги на уплату долгов яванским банкирам.

Маклай поехал из Петербурга в тихую, занесенную снегами Москву. Там он, как и в Петербурге, выступал с лекциями о своих скитаниях. Общество любителей естествознания, антропологии и географии попросило его прочесть доклад и присудило Маклаю золотую медаль. Художник Маковский нарисовал прекрасный портрет «таморуса».

Так начиналась слава на родине, но лучше бы уж ее не было! Маклай ютился в темных номерах плохих гостиниц. Слушая стук бильярдных шаров, доносившийся из трактирных зал, он развертывал газеты. Журналисты строчили чорт знает что — дешевые сенсации о людоедах, о папуасском короле Миклухе-Маклае, о том, что он нашел на Новой Гвинее золото и скрыл эту Колхиду, стараясь

завладеть золотом один. На лекциях ему подавали записки, — спрашивали, каково на вкус человеческое мясо.

Пусть об этом спрашивают лучше у комиссара Новой Каледонии!

Что делать теперь ему? Двенадцать лет жизни ушло на скитания в чужих краях, подорвавшие его здоровье. Что делать дальше? Ведь для того, чтобы разобрать сингапурские и сиднейские материалы, надо на два года отдать себя только одному этому делу. Географическое общество поддерживает издание его работ и даже настаивает на том, чтобы они были выпущены в 1885 году. Но вот выдержка из постановления Совета общества: «...К сожалению, Географическое общество поставлено в полную невозможность оказать ему необходимую помощь как по недостатку собственных средств, так и потому, что предметы исследований М. Маклая не входят непосредственно в круг деятельности Географического общества, точно определенный его уставом и ограниченный лишь изучением отечества и стран сопредельных...»

Так кто же должен поддержать Маклая?

Наконец сам Александр Третий, склонив бычью выю, стал раздумывать о том, помочь или нет Маклаю. Самодержец милостиво пообещал Географическому обществу взять на свой личный, государев, счет издание работ Маклая. Но дальше обещания дело не двинулось.

Маклай был сильно озабочен судьбой своих друзей, оставленных им на берегу Маклая. Он видел, как хорошо были снаряжены экспедиции Отто Финша. Германия видела всю выгоду от будущих владений в Океании и не жалела сил для осуществления своей мечты. Нищий, предоставленный самому себе, Маклай все же решил бороться до конца против колонизаторских планов прусских юнкеров и гамбургских торговых домов. Он хотел видеть Александра Третьего лично, рассказать ему о всей сложности обстановки, которая сложилась на Тихом океане. Он обращался к князю Оболенскому, гофмаршалу царя, просил назначить срок аудиенции у самодержца, но гофмаршал отклонил просьбу Маклая. Тогда он написал письмо Победоносцеву, всемогущему царедворцу, интересовавшемуся проблемами мореходства и жизнью океанских стран. Царь принял Маклая, но это свиданье ничуть не уменьшило тревог ученого за судьбы папуасского народа.

Декабрь, синий лед на Неве, мороз, снег... Маклай не смог даже съездить к матери и брату под Киев. Старший брат, мировой судья, сам приехал к Маклаю в Петербург. После свидания с братом Миклухо вновь пустился в путь.

Он заехал к Рудольфу Вирхову в Берлин. Великий врачеватель приветливо встретил Маклая. Вирхову шел седьмой десяток, но он был бодр и крепок. Неутомимость Вирхова удивляла его близких — он мог работать по четверо суток без сна. Патолог, антрополог, гигиенист — Вирхов был таким же жадным исследователем, как и Маклай. Блестя сединой и очками в серебряной оправе, Вирхов расспрашивал Маклая о его работах. Немецкий ученый был уже знаком с итогами исследований храброго русского на островах Меланезии; он пригласил Маклая сделать доклад о гончарной промышленности папуасов. От Вирхова Маклай услышал скорбную весть о смерти Дарвина и узнал, что Эрнст Геккель путешествует по джунглям Индии. В зале заседаний Антропологического общества Маклай столкнулся лицом к лицу с Отто Финшем! Отто Финш совсем не зря явился в бисмарковскую Германию после четырехлетнего пребывания в Океании.

Как человек пронизательный, Маклай прекрасно понимал, что появление Финша в Берлине вызвано какими-то срочными обстоятельствами. Так оно и было. В Берлине орнитолог собирал экспедицию для занятия Меланезии и Новой Гвинее. Богатый капиталист Ганземан щедро отпускал средства на экспедицию, и орнитолог был погружен в расчеты, сколько нанять людей, где достать экспедиционное судно, и прикидывал, какими именами назвать будущие земли.

Как душно в большом зале берлинского Антропологического общества! В научных обществах Берлина все чаще стали появляться неведомые до этого люди с громкими голосами, с отличной выправкой, которые носят сюртук, как военный мундир. Вот Густав Нахтигаль, президент Берлинского Географического общества, врач и лучший знаток Африки, первое светило в созвездии Африканского общества Германии. Но это — хоть ученый. Но кто эти господа с наружностью обер-лейтенантов, хвастающие, что они служили в неведомой «Готтентотской инфантерии»?

Отто Финш знает их всех. Все они как бы проходят

перед Маклаем. Это — д-р Карл Петерс — мечтатель и творец солнечного африканского мифа. А это — филолог, поэт и последователь Ницше, тончайший мистик, раненный лучом африканского солнца, Ф. Ланге... Только что вернулся из Австралии журналист Гуго Целлер (Маклай встречался с ним в научном обществе Сиднея). Мечта жизни Целлера — поднять германский флаг «Черного Орла» над Африкой. Капитан Дальман открыл землю Вильгельма в Антарктике, сейчас торопится в Сибирь. Гейзелер — командир канонерской лодки «Гиэна»: рейдера в Тихом океане. Директор Океанской компании — капитан Боденгаузен... Евангелический богослов и публицист Фридрих Фабри — поборник колониальной идеи.

Какой-то прилизанный пруссак со свинцовыми глазами жмет руку Маклаю и, представляясь, поясняет: он пишет большую монографию о канибализме, ему нужно знать некоторые детали в технике свежевания трупов. Господин Маклай, вероятно, не откажет в просвещенном совете автору. Автор — новатор. Он создал теорию пожирания дикарями в первую очередь лишь представителей просвещенных племен.

Отто Финш говорит, что Маклая хочет видеть сам «железный канцлер». Не будем повторять дешевых анекдотов о том, как будто бы ответил Маклай на приглашение Бисмарка. Важно то, что такое приглашение действительно было. Наверное, это была попытка привлечь Маклая на свою сторону или выманить у него драгоценные сведения о Новой Гвинее, что уже и делал знаток попугаев Отто Финш. Но он-то во многом преуспел... объявляя себя чуть ли не учеником Маклая. Отто Финш, для достижения своих низменных целей, не постеснялся, выведая у Маклая все, что ему было нужно, воспользоваться чужим великим трудом, чужим гениальным опытом. А коллега Финша ботаник Фердинанд Мюллер просто присвоил одно из открытий Маклая.

Маклай привез из Океании плоды и листья найденного им растения «апис». Туземцы рассказали нашему путешественнику, что если соком аписа покрывать стенки сосудов, то они несколько лет подряд совершенно не будут пропускать воды. Маклай решил сделать опыт. Он пропитал этим соком ботинки, и они сделались непромокаемыми. Фердинанд фон Мюллер, правительственный ботаник Виктории и директор ботанического музея в Мель-

бурне, ухватился за открытие Маклая. Мюллер взял себе образцы листьев и плодов аписа, будто бы для анализа, и вскоре заявил, что они по какой-то случайности затерялись. Мюллер пошел на неприкрытую кражу... Он понимал, какое военное значение имело открытие Маклая и что дом Годафруа хорошо оплатит открытие нового чауконоса.

...Из Берлина Маклай выехал в Париж.

В Париже он пришел к Тургеневу, в дом 50 по Rue de Donai..

Маклай просил больного писателя достать через своих знакомых брошюры, написанные борцами Парижской коммуны об их страшной жизни в Новой Каледонии. В то время многие из коммунаров вернулись во Францию, а Луиза Мишель успела продать свою рукопись о подводном корабле Жюль Верну...

Сохранилось письмо Тургенева к Петру Лаврову с упоминанием об этом посещении Маклая. В 1882 году Лавров, изгнанный французским правительством из Парижа, тайно возвратился туда и жил под фамилией Кранца. По просьбе автора «Отцов и детей» Лавров раздобыл для Маклая летопись страданий узников полуострова Дюкос. Из Парижа наш странник проехал в Шотландию для свидания с каким-то своим старым другом. Кто был этот друг — так и осталось неизвестным...

В дальнейшем мы опять видим Маклая в Океании. Его ждали в Сиднее, куда он обещал вернуться в марте 1883 года. Но сиднейцы не дождались путешественника к этому сроку. Он был в других местах.

«МАКЛАЙ ВЕРНЕТСЯ!»

Когда Маклай на паровом корабле достиг Батавии, он в волнении ходил по палубе и смотрел на очертания стройного военного корабля, стоявшего на рейде. Было уже поздно. В Батавии зажигались огни. Огни засветились и на корабле, так привлекавшем внимание Маклая. Сомнений не было — это был русский корвет.

Маклай попросил у капитана почтового парохода шлюпку. По темным медленным волнам рейда он поплыл к борту корвета и скоро мог уже различить его название — «Скобелев».

Он поднялся по трапу и узнал у вахтенного офицера,

что на борту корабля находится контр-адмирал Копытов. Корвет везет адмирала во Владивосток. Копытов уже собрался было лечь спать, но Маклай умел быть настойчивым и добиваться немедленного приема. Через несколько минут он сидел в каюте адмирала.

Наутро командир корвета получил приказ от адмирала — зайти на берег Маклая. «Тамо-рус» стал устраиваться на корабле. Его не смущало то, что на «Скобелеве» не было каюты. Боцман корабля раздобыл брезенты, куски корабельной парусины, и матросы ловко и быстро соорудили из всего этого каюту на палубе. В брезентовое жилье принесли стол, поставили койку. Маклай был доволен новым жильем. Можно теперь дышать чистым морским воздухом, смотреть по ночам на звезды, видеть, как за правой вантой мерцает Южный Крест. Сидя в кресле, Маклай разбирал свои заметки, рисунки, работал под брезентовой кровлей, как он мог работать всегда и всюду. Прибавились и хозяйственные заботы: на Макассаре, на целебесских рынках и в торговом квартале Амбоина наш путник ходил с боцманом «Скобелева» за покупками.

Маклай упросил Копытова купить подарки папуасам. На корабль сносили свертки красной китайки, зеркальца, бусы, топоры, длинные малайские ножи. Маклай сам закупил мешочки с семенами полезных растений. Он любовно разбирал и рассматривал их в своей каюте. Надо сделать так, чтобы всюду — и в Горенду у хижины Туя, и на острове Витязя, во владениях Каина росли не только тыквы, но и кофейное дерево, манго, новые виды хлебного дерева, апельсины и лимоны, ананасы. Хорошо бы научить папуасов обсаживать плантации яванским кустарником с багряной листвой; такого кустарника боялись дикие свиньи.

Маклай приучит папуасов к разведению скота. Матросы «Скобелева» уже гонят к кораблю целое стадо, закупленное в амбоинских деревнях: горбатого бычка зебу с двумя коровами, бородатого козла и пугливых коз. Как-то приживутся они на Новой Гвинее?

В эту свою поездку Маклай был особенно задумчив, грустен и сосредоточен. Шестнадцатого марта 1883 года, опершись на релинги палубы, Маклай смотрел на знакомые зеленые берега Новой Гвинеи. К зелени и лазури примешивались дым и желтоватое зарево, отражавшееся

в воде; это остров Вулкан выбрасывал горячую лаву. А вот и пролив Изумруда, и остров Кар-Кар, и цветущие берега архипелага Довольных Людей, где странствовали они с Каинном...

Через день «Скобелев» бросил якорь в порту Константин, но Маклай медлил с отправлением в Бонгу, переживая очередной приступ тропической лихорадки.

Восемнадцатого марта Маклай, Копытов и офицеры корабля пошли в Бонгу. Папуасы окружили Маклая. С бьющимся сердцем он обходил зеленые пустыри, заросшие густой травой. Что случилось с Бонгу? Цветущая когда-то деревня обращена в погост; многих хижин нет, на развалинах шелестит дикий кустарник. Не слышно смеха детей, пенья молодых женщин. В Бонгу остались одни старики. Вся молодежь ушла в леса, в глубину лесов уведены женщины и дети. Папуасы одеты в лохмотья, на них нет уже тех украшений, в которых они ходили раньше. Старый друг Саул идет плечо к плечу с «тамо-русом» и без умолку рассказывает новости этих лет. А новостей много. Не зря папуасы, по совету Маклая, поселили женщин и детей подальше от берега. Как только «тамо-рус» покинул в прошлый раз берег, его чернокожие друзья были встревожены появлением белых людей. Белые искали всюду золото и, объясняясь знаками с папуасами, допытывались, что делал здесь Маклай. Люди из Мельбурна были убеждены, что Маклай скрыл здесь золотые россыпи. Стуча прикладами ружей, они сидели на террасе дома Маклая и поглядывали на висячий замок — нельзя ли его открыть? Но лишь только один из золотоискателей взялся за запор, папуасы кинулись к пришельцам и заставили их покинуть дом Маклая. И золотоискатели ушли, удивляясь верности дикарей и тому порядку, в котором они поддерживали цветущий сад у дома «человека с луны». Злых людей папуасы вежливо заставили убраться, — так будет поступлено со всеми, не знающими великого знака Маклая.

Саул без умолку говорил, оглядываясь на русских людей. А где же старый приятель, верный Туй? Саул ответил, что Туя уже нет в живых. Когда он умер, его труп посадили на корточки, оплели пальмовыми листьями и три недели жгли костер около этого пальмового саркофага. Могилы Туя нет. Может быть, в хижине сына Туя, красивого и стройного Бонема, по обычаю сохрани-

лась только нижняя челюсть старика, — все, что осталось от Туя.

Из старых приятелей нашлись горбоносый и бородатый Каин, Марамай — с кольцом в носу и кабаньими клыками на груди, Гассан, с которыми когда-то «тамо-рус» исследовал архипелаг Довольных Людей.

В том месте, где когда-то звучали исполинские эоловы арфы и желтели дорожки плантаций возле дома из сингапурских бревен, теперь торчали только остатки свай. Зато в гуще дикого леса — обитатели черного какаду — виднелись верхушки кокосовых пальм, банановых и дынных деревьев, посаженных когда-то Маклаем. Он поразился такому буйному плодородию.

С корабля пришла ватага веселых матросов с железными заступами. С песнями и шутками сыны русских деревень расчищали площадку, заросшую густыми кустами. Папуасы помогали матросам выдергивать деревья, разрыхлять благодатную землю. Маклай, два матроса и амбоинец Ян, слуга Маклая, начали садить молодые деревья, бросать в землю Новой Гвинеи семена из Амбоина. Папуасы носили воду в бамбуках, поливая будущую плантацию. Кофейные зерна Маклай велел Саулу унести в горные деревни, где они могли взойти лучше.

В Бонгу стучали топоры — матросы возводили там загон для скота. Маклай в раздумьи пошел по лесной тропе в Горенду, но жалкий вид двух пустых хижин, развалин, пустырей настолько расстроил его, что он, не оборачиваясь, пошел на корабль. После полуденного завтрака он снова пришел в Бонгу. В дневнике своем Маклай в этот день записал, что он никогда раньше не чувствовал такой любви к этим местам, какая проснулась в нем сейчас. Он считал каждое дерево близким и родным, каждого жителя Бонгу старым и верным другом.

С расширенными глазами, с печальной улыбкой на бледном лице Маклай сидел у жалких хижин папуасов. Старики, припадая курчавыми головами к плечу своего друга, плакали и перечисляли людей берега Маклая, умерших за годы разлуки с «тамо-русом». Они опять жалобно просили Маклая остаться здесь навсегда.

Остаток этого дня прошел в веселой возне матросов, привезших с корвета бычка, коров и коз. При виде быка, мотавшего рогатой головой, бедные папуасы ринулись на деревья, некоторые стали искать спасенья в море. Горба-

тый бычок бунтовал весь день, а к вечеру вырвался вместе с телкой из-за загородки и убежал в лес. Солнце уже село, когда Маклай прекратил вместе с матросами поиски рогатого беглеца; бычок исчез в густых зарослях, уведя свою подругу... Расстроенный неудачей, Маклай ушел на корабль.

На рассвете «Скобелев» поднял якорь и пошел к острову Витязя пенным синим проливом. «Тамо-рус» помогал мореходам проводить корабль по коралловым глубинам. Каин, Марамай, Гассан сопровождали Маклая в качестве лоцманов и переводчиков. Правда, они боялись корвета, и Гассан даже кинулся в море с палубы. Но Каина и Марамая удалось удержать ласковым словом и подарками — табаком и гвоздями. Обогнув остров Витязя, корабль пошел к острову Сегу. Когда «Скобелев» был на траверзе острова Голубей, Марамай и Каин показали Маклаю стройные пальмы, отражавшиеся в воде пролива. Это были деревья, посаженные когда-то «лунным человеком». Показывая на пальмы, Марамай и Каин повторяли слова: «остров Маклая», «кокосы Маклая». Он задумчиво смотрел на остров, где некогда собирался построить себе хижину. Может быть, он еще будет жить здесь — в самом сердце архипелага Довольных Людей.

Каин стал доказывать Маклаю, что к острову Сегу можно пройти прямо узким, но глубоким проливом у острова Григера. Но адмирал из осторожности не согласился с Каином, и «Скобелев», дымя, медленно продвигался вдоль зеленой цепи архипелага Довольных Людей.

Русские гидрографы сразу же начали делать промеры у западного берега Сегу. Перед глазами адмирала растянулся синий огромный залив порта Алексей, открытый Маклаем.

Между тем Каин и Марамай позорно сбежали с корабля и скрылись неизвестно куда. Без них с'емка порта Алексей затруднялась. Тогда Маклай вызвал рулевого матроса и велел ему поймать одного из папуасов, проплывавших на пироге по заливу. Пленник отчаянно барахтался в руках дюжего матроса, но на корвете присмирел и успокоился при виде подарков Маклая. Простые русские матросы, добродушно посмеиваясь над «пленником», одаряли его чем могли, и папуас из Сегу окончательно растаял.

Вернувшись на корабль, Маклай взял с собой «пленни-

ка» и вместе с ним побрел в деревню Сегу. Там он никого не застал. В одной из пустых хижин Маклай нашел два щита, сосуды хорошей работы и прекрасную скульптуру. И, хоть соблазн был велик, Маклай не взял чужого.

«Пленник» стоял около шлюпки и зачарованно глядел на белых людей, которые никого не грабят и не убивают. Он высказал желанье вернуться обратно в матросский кубрик, где с ним успели подружиться два приставленных к нему матроса.

На обратном пути команда катера увидела несколько пирог с папуасами. В пирогах, как оказалось, сидели беглецы с острова Сегу, покинувшие село при появлении белых людей. Маклай остановил беглецов, роздал им бусы, коленкор и табак и попросил к утру привезти ему на корвет кокосы. Папуасы понятливо закивали головами. Когда стемнело, Маклай с палубы корвета увидел, как в деревне Сегу вспыхнул одинокий робкий огонек. Вслед за ним засветились второй и третий, и скоро вся деревня расцвела ночными огнями. Люди острова снова возвратились под свой кров. Маклай, улыбаясь, отошел от поручней и направился в парусиновую каюту.

Он крепко проспал до рассвета. Утреннее солнце застало «тамо-руса» уже в островной деревне. Люди Сегу вышли к нему навстречу. Впереди, смущенно теребя бороду, шагал сбежавший с корабля Каин. Он жал руку Маклаю и объяснял причины бегства: он боялся стука корабельной машины. Но теперь он не покинет Маклая. Этого только и надо было «тамо-русу». Сейчас они отправятся в дальнее село Бомбасси, где им не удалось побывать в прошлые годы.

Начался последний поход Маклая по его стране. Каин бросился к маленькой пироге, усадил в нее Маклая и Яна, взятого Маклаем в Амбоине. Втроем они поплыли по реке цветущих лиан Аю, между зарослей дикого бананника. Пирог проскользнула по светлому притоку Маус в лесное озеро Аю-Тенгай. К озеру спускалась одинокая тропинка; путники пошли по ней и через полтора часа шествия по лесу, наполненному криками разноцветных орд попугаев, пришли в Бомбасси.

Маклай спросил, можно ли добыть в Бомбасси несколько черепов, но Каин разочаровал своего друга, — каннибалы здешних мест обычно варят мозг с черепом, а потом выбрасывают череп в воду.

Туземцы сначала было бросились в бегство при виде белого человека и важно выступающего Каина, но, как всегда, не много надо было для дружбы простых сердец — гвозди, табак, полосы кумача. Гостей стали кормить вареным таро, поданным в больших табирах. «Тамо-рус» захотел выяснить, — нет ли здесь обычая вкушать человеческое мясо из особых табиров? Маклай интересовался вопросом — не превращено ли здесь людоедство в культ? Но хозяева хижины любезно объяснили, что человечина, если она есть, подается в самых обычных посудах и варится в тех же горшках для таро... Распрощавшись с папуасскими хлебосолами, гости двинулись в обратный путь. Солидный Каин и молодой амбоинец Ян тащили большой лук, резные стрелы и копья. Ими Маклай пополнял коллекцию папуасского оружия.

Погруженный в свои мысли о будущей жизни здесь, Маклай на обратном пути с особенным вниманием рассматривал цветущие плантации папуасов, восхищаясь плодородием новогвинейской почвы.

Едва Маклай поднялся по трапу «Скобелева», как на море надвинулась огромная туча. Крепкий ливень пролился на благодатную землю, и до корабля долетело благоуханье вздохнувших лесов. Маклай зашел в каюту к адмиралу. Стали говорить о затянувшейся с'емке. Маклай настаивал — надо завершить с'емку всего порта, сделать промеры всюду. Копытов говорил, что сделанных с'емок хватит, достаточно того, что нашли великолепную якорную стоянку возле Сегу. «Тамо-рус» пожал плечами и ушел в свою брезентовую каюту. Стремительные струи ливня стекали по холщевым стенам. Шум дождя не смолкал до полуночи. Маклай долго сидел, загородив от ветра и влетающих в каюту прохладных капель свечу, скупое освещавшую его палатку.

Маклай достал из походного баула свои бумаги и вынул из них длинный листок, исписанный крупным и высоким почерком без нажимов. Это было письмо Льва Толстого. Великий человек лукаво и мудро искушал Маклая. Он писал «человеку луны», что он, Лев Толстой, прекрасно понял гениальную хитрость простого русского человека. Яснополянский отшельник думал, что Маклай всю научную деятельность на Новой Гвинее избрал лишь предлогом для своего изумительного подвига.

«Мне Ваше дело представляется так: люди жили так долго под обманом насилия, что наивно убедились в том, и насилующие и насилуемые, что это-то уродливое отношение людей, не только между людоедами и не христианами, но и между христианами, и есть самое нормальное. И вдруг один человек под предлогом научных исследований (пожалуйста, простите меня за откровенное выражение моих убеждений) является один среди самых страшных диких, вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый отживший hummbus — вид, от которого давно пора освободиться людям, хотящим жить разумом. Вот это-то меня в Вашей деятельности трогает и восхищает, и поэтому-то я особенно желаю Вас видеть и войти в общение с Вами. Мне хочется Вам сказать следующее: если Ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции Ваши и все научные наблюдения ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которое Вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом... Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой Вы служите, составят Ваши коллекции и открытия, но Ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и Вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На Вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений к людям...»

Маклай в раздумьи отложил письмо. Великий человек ошибается. Маклай посвятил жизнь науке и во имя ее сделал многое. Наука — его оружие. Этим оружием он борется и за то, чтобы мир признал папуасов равными всем другим людям. Он никогда не оставит, не бросит этих людей на произвол судьбы, и ради них он пойдет на все.

Он разведет на берегу Маклая благоуханные сады, причит папуасов к плугу, книге... Он изучит, как никто, эту страну — людей, растения, животных, птиц и расскажет в больших книгах о рождении счастливой страны в лазоревом океане.

...Маклай проснулся до восхода солнца, умылся и поднялся на капитанский мостик. Свежий утренний ветер

шелестел листьями альбома, — «тамо-рус» зарисовывал синие горы Мана-Боро-Боро и звенья архипелага Довольных Людей.

...22 марта 1883 года вместе с Каином Маклай пошел к жителям Сегу. Здесь Каин перевел речь «лунного человека» островитянам.

Великий друг чернокожих спрашивал папуасов — дадут ли они ему остров Мегаспена, зеленый клочок земли в заливе, для постройки хижины? Люди Сегу не только согласились отдать остров Маклаю, но и обрадовались тому, что «тамо-рус» будет жить с ними.

Через день «Скобелев» выбрал якорь и, оставляя высокую волну в кильватере, пошел проливом Изумруда от берегов Новой Гвинеи...

ЛАЗУРНАЯ СТРАНА

В пору светлых летних ливней Маклай возвратился в Сидней. И снова Маклай стоит у пепелища... Коттедж в парке выставки сгорел. В огне погибла часть многолетних трудов Маклая, в том числе и препарированные мозги темнокожих людей. Хорошо, что еще не все коллекции хранились в коттедже: все наиболее ценное лежало на правительственном складе.

Вернувшись в Австралию, орнитолог Отто Финш не упускал случая посетить биологическую станцию, где работал Маклай. Немец часто заглядывал сюда, он знал все о работах великого русского странствователя, вплоть до подробного содержания его коллекций.

Орнитолог писал, что Маклай поселился в Ватсон-Бае одиноко и очень неустроенно: жил в деревянном доме, где никого, кроме него, не было. Здесь даже нельзя было приготовить завтрак, вскипятить чай. Комната Маклая была заполнена банками со спиртом; в сосудах лежали человеческие мозги, мелкие животные, разные другие препараты. Попасть сюда из Сиднея можно было только утром, с пригородным пароходом, а уехать вечером.

Отшельник Ватсон-Бая имел под боком у себя соседей. На берегу бухты в поместье Клобели жил государственный деятель Нового Южного Уэльса — сэр Робертсон с пятью дочерьми. Одна из них, Маргарита, молодая вдова, сделалась впоследствии избранницей Маклая.

В своем убежище на берегу Ватсон-Бая «тамо-рус» тревожился за судьбу своих чернокожих друзей. Еще в апреле 1883 года Честер,—тот самый английский администратор с острова Четверга, в доме которого русский путешественник лежал чуть не при смерти,—получил срочный пакет от премьер-министра Квинсленда. Пробежав бумагу из Брисбэйна, Честер немедленно помчался в порт Моресби и поднял флаг королевы над землею Южной Новой Гвинеи.

В то же приблизительно время Отто Финш в Берлине снаряжал свою экспедицию за счет Ганземана. Финш купил в Сиднее небольшой корабль «София Анн». Сиднейские маляры спешно замазывали бортовую и кормовую надписи на судне и выводили новое слово: «Самоа» — в честь уже занятых Германией островов в Океании. Носились слухи о какой-то будущей германской торговой «Компании Астролябии». Это уже непосредственно угрожало покою Каина, Саула и других многочисленных друзей Маклая.

Китобойный капитан Эдуард Дальман, исследователь Антарктики, пропадал целыми днями в порту и корабельных мастерских. Пятнадцать немецких моряков ходили за ним сзади, заломив набок шляпы и дымя сигарами. Прибыл из Берлина и Отто Финш. В воздухе пахло грозой.

Мечта о новой стране на коралловом берегу вспыхнула в мозгу Маклая с новой силой. Ни женитьба на Маргарите Робертсон, ни рождение первенца не отвлекли Маклая от его замыслов. На тридцать восьмом году жизни, полной лишений и опасностей, — жизни бездомной и бесприютной, у него есть наконец близкие люди, семья, свой кров. Всем этим он крепко дорожит, но долг семьянина не помешает ему достигнуть цели, к которой шел он всю жизнь.

Голубую прекрасную страну, которую он открыл, надо заселить людьми, которым дороги его дело и мысли. Знак Маклая нельзя доверить людям, которые не стоят этого. Но как это сделать? Ни Квинсленд, ни Новый Южный Уэльс, ни господин губернатор Нидерландской Индии, ни «железный канцлер» в Берлине не позволят Маклаю заселить его берег. А русское правительство? Еще не известно, как посмотрит оно на своеволие Маклая.

Осунувшийся, постаревший Маклай пишет доклад великому князю Алексею Александровичу. В докладе он

просит о том, чтобы Россия признала независимость берега Маклая и право папуасов на самостоятельную жизнь.

Но напрасно Маклай писал о выгодах устройства станции русских кораблей в прекрасном порту Алексей близ архипелага Довольных Людей, об удобстве порта Константин напротив Бонгу, — сановники царской России ответили молчанием на выступление Маклая.

Напрасно Маклай писал о том, как Германия и другие страны кидаются на новые земли в Океании. Осенью 1884 года Отто Финш, переделав и перекрасив купленный кораблик, вместе с китобоем Дальманом вышел из Сиднея в Меланезию. Заранее все знавший Отто Финш стал ждать приказа из Берлина, куда ему идти. Приказ был краток и выразителен — отыскивать гавани на острове Новой Британии и северном берегу Новой Гвинеи, «приобретать» как можно больше земель у туземцев. Скоро германский крейсер показался близ архипелага Довольных Людей. Немецкие лейтенанты бродили по открытому Маклаем порту и давали свои названия мысам и бухтам, по которым всего каких-нибудь полгода назад ходили «тамо-рус», Каин и русские моряки!

Финш побывал в Бонгу, видел посаженные Маклаем растения, узнал, что бычок-зебу вместе с телкой живы и невредимы и папуасы уже привыкли к страшной «рогатой свинье». Финш слышал здесь великое имя Маклая всюду. Папуасы, показывая топор, говорили по-русски: «топор Маклай». Арбузы, тыквы, другие плоды они обозначали русскими словами, прибавляя к ним имя русского друга.

Папуасы твердо верили в то, что Маклай вернется. Они пытались объяснить это этим двум десяткам чужих, незнакомых людей, пришедших сюда без «знака Маклая». Ганноверские моряки громко хохотали над этой великой верой чернокожих людей. Осенью 1884 года Отто Финш поднял германский флаг над берегом Маклая. Немецкие гидрографы наносили на карты свои названия. Финш дал захваченной папуасской области имя земли императора Вильгельма. В немецкой географии на месте островов Меланезии появились возникшие вдруг архипелаг Бисмарка, Новый Мекленбург, Новая Померания. Всюду, где бродил Маклай, безоружный, смелый и простой, собирая свои жемчужины, — прошел Отто Финш с отрядом немцев под прикрытием пушек германского крейсера. Финш выполнял часть общей программы кайзеровской Германии.

Был ли известен Отто Финшу знак Маклая? При всем своем величии, Маклай часто был простодушен, как ребенок. Он никогда не лгал, ничего не скрывал и охотно раздавал всем сокровища своей работы. Поэтому-то и росли записи Отто Финша, собирателя чужих жемчужин. Финш знал, что нищий, больной Маклай богат, как никто. И Финш бесстыдно пользовался плодами великого труда друга папуасов. У Маклая не было ни средств, ни времени для издания своих исследований. А Финш торопился. Он знал, что останется безнаказанным, и выпускал одну за другой пухлые, прилизанные монографии. На берег Маклая он шел, как в свою гамбургскую квартиру. В одной из своих книг Отто Финш сознался, что он выдавал себя перед папуасами за «брата Маклая».

Он выпытал у Маклая все, что мог, зная, что тот не может равнодушно говорить о науке.

И вот... Нет берега Маклая, нет архипелага Довольных Людей. Есть один Невольничий берег, есть гавань принца Генриха, есть залив Гатцфельдтгафен — место будущего поселения Ново-Гвинейской компании, названное так в честь Гатцфельдта, прожженного имперского дипломата и гессенского графа.

На берегу Маклая есть пролив Дальмана. Торжествующий Финш набрасывал план постройки первой станции Компании Новой Гвинеи. Нанеся на карту черный кружок, он не постеснялся вывести рядом с ним название: «Порт Финш».

В тот же год немцы вошли в Африку, заняв устье Нигера. В декабре 1884 года Бисмарк заявил Англии, что такая-то часть Новой Гвинеи находится под протекторатом Германии, и британцы согласились на определение границы на Новой Гвинее.

Весть о немецком флаге на лазурном берегу убила Маклая.

«Тамо-рус» в последние годы сиднейской жизни работал над новыми видами млекопитающих, разбирал материалы прежних поездок. Но одна мысль неустанно угнетала его. Он часто повторял индийскую пословицу: «Всего вернее на свете слово честного человека...» Маклай, верный друг папуасов, чувствовал себя виноватым перед ними. Он обещал вернуться к ним, а между тем в последнюю поездку на берег Маклая «тамо-рус» не выполнил долга перед жителями Горенду. Куда выселились они

из деревни, в страхе перед приходом белых людей? Он так и не разыскал беглецов. А они так верили в возвращение своего друга! Страшно подумать, что папуасы сочтут его за предателя.

Пожелтевший, согбенный Маклай, с инеем первой седины на висках, начал лихорадочные сборы. Он упаковывал в ящики утварь, оружие, украшения открытых им народов, записи, дневники, брошюры уже изданных трудов. Он решил оставить пока семью в Сиднее и ехать в Россию.

Между тем Отто Финш уже успел вернуться в Берлин. Германия торжествовала: на Новой Гвинее было семь гаваней для имперских кораблей, устья судоходных рек, плодородные земли. В Берлине, когда речь заходила о Маклае, Отто Финш пытался выставить себя защитником своего русского друга, но ученые немцы повторяли его слова, когда говорили о «непостоянстве» Маклая, о том, что он ничего не сделал для науки, и т. п.

Особенно доктору Финшу не нравилась дружба Маклая с папуасами. В Берлине, в кругу своих ученых друзей, Финш искренне сожалел о талантливом русском чуде. «Специалистам-ученым, — говорил он, — такое раздвоение личности наблюдателя на человека науки и филантропа представляется достойным сожаления, так как оно раздробляло силы и отвлекало в сторону от намеченной цели!»

Царские чиновники встретили Маклая равнодушно. И хотя народ толпился на выставке коллекций путешественника в зале Академии наук, а молодежь преклонялась перед подвигами Маклая, неумолимая чиновничья машина медленно вращала свои ржавые шестерни. Острые зубцы этой машины рвали на клочья полотно той чудесной картины, которую золотом и лазурью рисовал Маклай в своем воображении. Он стучался в двери дворцов, министерств, палат. Настойчивость Маклая не знала предела. Он послал Александру Третьему доклад об устройстве лазурной страны. Теперь, когда берег Маклая был отнят у великого гражданина Океании, он выдвигал новый проект. Лазурную страну он устраивал на другом острове Тихого океана, куда еще не проник Отто Финш.

Зубцы машины управления Российской империи зароботали вновь, и от проекта Маклая летели только клочья.

Сам Александр Третий повелел задать океанскому мечтателю несколько вопросов. Чиновники выясняли у Маклая: на каком именно острове он хочет устроить колонию, как он добудет земли для колонистов, где он рассчитывает добыть средства на устройство страны? Такие вопросы не предвещали ничего хорошего. Доводы и ответы Маклая чиновников не убеждали.

Шел 1886 год. Империалисты соперничали из-за новых земель, французы подняли флаг III Республики на Мадагаскаре, итальянские солдаты шагали по выжженной солнцем Эритрее, Германия готовила окончательный захват Самоа... Французские агенты шныряли по всей Полинезии, чтобы как можно быстрее и надежнее поработить смуглых и стройных людей океанских островов.

Маклай понимал, что Финш, Годафруа, Ганземан, Блейхрейдер, банкиры и негодьянты не ограничатся только одним протекторатом над Новой Гвинеей. Вслед за Финшем туда двинулись миссионеры и торговцы. Скоро к архипелагу Довольных Людей придут на кораблях померанские стрелки, гамбургские и штеттинские морские отряды, чиновники и полицейские.

«Тамо-рус» метался по Петербургу, просиживал в приемных департаментов.

Он попрежнему ютился в номерах. В Москве антрополог Анучин разыскал Маклая в сумрачной комнате Лоскутной гостиницы. Анучин был поражен видом героя Новой Гвинеи. Осунувшийся, бледный и худой Маклай был рассеянным, грустным и задумчивым. Анучин расспрашивал его о планах издания ученых трудов, о коллекциях. Тихим голосом «лунный человек» рассказывал о неудачах. Географическое общество медлит с печатанием его трудов, обещание издать их на личный счет царя осталось на бумаге. А он мог бы сейчас подготовить сразу два тома: первый — о жизни и странствиях в Новой Гвинее, второй — о Малакке и островах Океании. Для первого тома составлено уже оглавление, отданы в переписку отдельные части книги. Врачи признали его инвалидом. Берег Маклая отнят у него, сиднейские дела пришли в расстройство, надо перевозить в Петербург семью, скудное имущество и коллекции... И Анучин тоже стал выговаривать Маклаю: нельзя Николаю Николаевичу так разбрасываться, талантливый человек раскидывает жемчужины своего дарования всюду, но эта щедрость только

вредит науке. Посудите сами — анатомия, антропология, этнография, филантропическая деятельность... Нельзя так увлекаться! Ведь другой на его месте после таких путешествий по Океании написал бы несколько книг... Уважаемый коллега занялся не своим делом — планами колонии в Океании.

После скитаний по министерствам Маклай махнул рукой на сановников. Он начал помещать в газетах призыв ко всем, кто пожелает ехать с ним вместе в лазурную страну. Каждого желающего Маклай вызывал к себе лично. За Маклаем окончательно упрочилась слава чудака. Ученые педанты пожимали плечами и передавали друг другу сплетни и слухи о «субботах» Маклая, когда его новая квартира на Тележной, 18 осаждалась кандидатами в граждане океанской республики. Передавали, что на призыв покровителя папуасов откликнулось две тысячи русских людей. Но все они не имели ни гроша за душой, а на жалкие добровольные средства надеяться было нельзя.

Лазурная мечта Маклая рассеялась в октябре 1886 года. Русский царь устроил торжественные похороны проектов великого мечтателя. Проект хоронили «по первому разряду»; факельщиками и могильщиками были дипломаты, жандармы, офицеры штабов, адмиралы, сановники министерства финансов. Составленный из этих людей комитет, после совещания, решил отказать Маклаю во всякой поддержке. Вскоре царь прочел всеподданнейший отчет этого комитета и начертал собственноручно: «Считать это дело окончательно конченным; Миклухо-Маклаю отказать».

«Тамо-рус» мужественно перенес и этот удар. Австралийская весна застала его уже в Сиднее. Он взял семью и, простившись навсегда со страной кенгуру, возвратился в Петербург сразу после того, как по Неве прошел прозрачный ладожский лед.

Теперь надо готовить для печати свои труды. Груды бумаг, планы, карты, рисунки, фотографические снимки, дневники... Шестнадцать карманных записных книжек, шесть толстых тетрадей, уже перебеленных переписчиками, дневники первого тома, отдельные оттиски статей... В печати уже опубликован не один десяток работ. Теперь все это надо связать воедино, систематизировать. Некоторые рисунки не подписаны, кое-какие записи не завершены.

Но еще в Сиднее, прощаясь с Австралией, Маклай чувствовал себя плохо. От ревматизма и невралгии ныло все тело, мысли путались и обрывались. На борту корабля «Неккар» он часто не мог встать с койки.

В Петербурге Маклай взялся было за работу, но Маргарита Робертсон спокойно взяла со стола кипу бумаг и спрятала ее под замок. Всякая работа отныне запрещена ему врачами. Он должен лечь в постель, отдыхать, ни о чем не думать.

Всякие разговоры, особенно о Новой Гвинее, — вредны для больного. Жена и домашние ходили на цыпочках по тихим комнатам. Маклай не может, не привык переносить такой странной тишины, где мерный ход часов кажется ему грохотом разрушающихся миров. Закрыть бы вот глаза и услышать звон синего прилива и шелест пальмовых листьев. Взглянуть ночью в окно и вместо Большой Медведицы увидеть ровное и слабое мерцание Южного Креста. Но Маклай на несколько месяцев уложен в постель, врачи сидят у изголовья и не дают ни книг, ни газет, ни карандаша.

И в бессонных мечтах, в зеленой невской ночи, похожей на рассветные часы, Маклай, закрыв глаза, видит картины своих странствий. Вот в дебрях Малакки, притаившись за цветущим кустом, сидит малаец, карауляющий орана. Вот слышится вой запертых в трюм чернокожих рабов. На юте большого черного корабля в дубовых клетках гремят цепями скованные попарно пленники. Среди них почему-то сам Маклай. Отто Финш подзывает его к себе и, улыбаясь, говорит, что князь Бисмарк жалует барона Маклая перстнем. Финш сам берет тонкий и длинный палец Маклая и насильно надевает на него дар «железного канцлера». Страшная боль пронзает все тело, острые края кольца дробят кость. Ведь это пуссэт — каоторжный перстень Новой Каледонии!

Но этот страшный сон сменяется другим — радостным. На зеленом берегу стоит стройный матово-чернокожий человек, с багряными цветами на взбитых волосах. Рядом с ним женщина с черным младенцем на руках. Они, улыбаясь, смотрят на море. На волнах качается шлюпка, и он, Маклай, плывет к зеленому берегу, и благоуханный ветер доносит до него радостный возглас: «Маклай вернулся!» Гремят барумы, яркие лучи солнца сверкают на перламутровых бортах пирога.

Встревоженная Маргарита Робертсон склоняется над постелью. Маклай бредит. Черные тени обреченности блуждают по его лицу. Так проходит осень, наступает зима, и к окну тихой комнаты подкрадывается трескучий январь 1888 года. Маклай чувствует себя немного лучше. Но кто не доглядел и дал в исхудалые руки Маклаю газетный лист? В газете напечатано, что Германия объявила о присоединении Новой Гвинеи к империи, — конец «протекторату»... На этот раз, конечно, Маклаю дадут в руки перо и бумагу, — он напишет только несколько строк, чтобы выполнить до конца свой долг. И чуть ли не со смертного одра Маклай посылает телеграмму Отто Бисмарку — гневный крик благородного и смелого сердца:

«Туземцы берега Маклая протестуют против присоединения их к Германии».

Незадолго до смерти Маклай отправил письмо Льву Толстому. К письму он приложил свою брошюру о путешествии на острова Адмиралтейства.

А дальше — светлая, собравшая лучи апрельского солнца палата в клинике Виллие при Военно-медицинской академии и шесть недель страшных страданий и мужества, изумившего военных врачей, выдавших тысячи смертей. Отважный сын России умирал, как солдат на поле битвы.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай умер 2/14 апреля 1888 года на больничной койке, простившись с женой и братом-геологом.

Апрельская капля падала на крышку простого гроба. На Волково кладбище везли вместе с гробом гладкий деревянный крест с простой надписью. За гробом шли немногие друзья и родные. Комья русской земли, еще блиставшие зимой изморозью, полетели в разверстную могилу...

Прошло много лет. Великие труды Маклая лежали в научных архивах. И только мы, благодарные потомки и граждане великой Советской Страны, предали гласности творения Николая Маклая.

Но далеко не все его записки изданы, далеко еще не все известно нам о его мужественной и скромной жизни.

Маклай! Это имя — воплощение величавой простоты и дружбы северной страны с народами океанских стран, счастьем которых «тамо-рус» посвятил так много лет своей короткой, но величавой жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКИЙ ОХОТНИК (Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ)

В смоленских лесах	3
Мечты о Белом Ниле	7
В Варшаве	10
На охотничьей тропе	11
Синий залив Посьет	15
В гостях у Юнь Хаба	18
К истокам Уссури	29
Просторы Ханка	23
Золотой фазан	25
Петербургские хлопоты	28
За Великой стеной	32
Глиняная ступень	36
Песчаное небо	38
На Куку-Норе	45
Гуресу-Гадзыр — страна зверей	52
Золотая пальма	56
В камышах Лоб-Нора	58
У ворот государства Лхассы	74
Четвертый поход	83
Равнение на Куэн-Лунь	90
Волшебный ковер	92
Лавры	99
Последний поход	105

ТАМО-РУС МАКЛАЙ

Новгородская родина	108
Первые скитания	110
Завет Карла Бэра	114
Голубая Полинезия	120
Школа человечности	129

Берег Маклая	135
Новые странствия	142
Океанское ожерелье	147
В стране оранов	151
Меланезийская жемчужина	162
«Маклай вернулся!»	166
Солнце Австралии	173
Каторга коммунаров	178
Страна людоедов	184
Господин Отто Финш	189
Маклай едет на родину	198
«Маклай вернется!»	204
Лазурная страна	212

